

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2686-830X

**ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА
И СОВРЕМЕННОЕ
ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ**

LANGUAGE STUDIES & MODERN HUMANITIES

T. 4 № 2 2022

Vol. 4 No. 2 2022

1797

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2686-830X (online)

languagestudies.ru

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2>

2022. Том 4, № 2

2022. Vol. 4, no. 2

Исследования языка и современное гуманитарное знание

Language Studies and Modern Humanities

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 74269,
выдано Роскомнадзором 09.11.2018

Рецензируемое научное издание

Журнал открытого доступа

Учрежден в 2018 году

Выходит 2 раза в год

16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 – 74269,
issued by Roskomnadzor on 9 November 2018

Peer-reviewed journal

Open Access

Published since 2018

2 issues per year

16+

Редакция

Главный редактор

В. А. Андреева (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

З. М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

И. В. Фролова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

Н. В. Николаева (Санкт-Петербург, Россия)

Editorial Team

Editor-in-chief

Valeria A. Andreeva (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Zinaida M. Chemodurova (St Petersburg, Russia)

Executive Editor

Irina V. Frolova (St Petersburg, Russia)

Assistant Editor

Nina V. Nikolaeva (St Petersburg, Russia)

Редакционная коллегия

А. В. Ачкасов (Санкт-Петербург, Россия)

Н. В. Баграмова (Санкт-Петербург, Россия)

Е. А. Гончарова (Санкт-Петербург, Россия)

Д. О. Добровольский (Москва, Россия)

М. Н. Еленевская (Хайфа, Израиль)

М. Журавицки (Эссен, Германия)

О. Н. Иванищева (Мурманск, Россия)

В. Ю. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)

О. А. Невзорова (Казань, Россия)

В. А. Разумовская (Красноярск, Россия)

Л. Сальмон (Генуя, Италия)

Ю. В. Сергаева (Санкт-Петербург, Россия)

О. Суте (Париж, Франция)

С. В. Чебанов (Санкт-Петербург, Россия)

Чжэн Тиу (Шанхай, КНР)

Editorial Board

Andrey V. Achkasov (St Petersburg, Russia)

Nina V. Bagramova (St Petersburg, Russia)

Evgenia A. Goncharova (St Petersburg, Russia)

Dmitrij O. Dobrovolskij (Moscow, Russia)

Maria N. Yelenevskaya (Haifa, Israel)

Michael Szurawitzki (Essen, Germany)

Olga N. Ivanishcheva (Murmansk, Russia)

Viktoria Yu. Kleymenova (St Petersburg, Russia)

Olga A. Nevzorova (Kazan, Russia)

Veronica A. Razumovskaya (Krasnoyarsk, Russia)

Laura Salmon (Genoa, Italy)

Julia V. Sergaeva (St Petersburg, Russia)

Olivier Soutet (Paris, France)

Sergey V. Chebanov (St Petersburg, Russia)

Zheng Tiwu (Shanghai, China)

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена

191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

E-mail: izdat@herzen.spb.ru

Телефон: +7 (812) 312-17-41

Publishing house of Herzen State Pedagogical

University of Russia

48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

E-mail: izdat@herzen.spb.ru

Phone: +7 (812) 312-17-41

Объем 2,73 Мб

Подписано к использованию 30.12.2022

Published at 30.12.2022

При использовании любых фрагментов ссылка
на журнал «Исследования языка и современное
гуманитарное знание» и на авторов материала
обязательна.

The contents of this journal may not be used in any way
without a reference to the journal “Language Studies
and Modern Humanities” and the author(s) of the material
in question.

Редактор *В. М. Махтина*
Корректор *Д. А. Иванов*
Оформление обложки *О. В. Рудневой*
Верстка *А. М. Ходан*

Санкт-Петербург, 2022

© Российский государственный

педагогический университет им. А. И. Герцена, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья главного редактора	78
Перевод и переводоведение	80
<i>Алексеева И. С.</i> Делаем книгу: особый интегральный путь обучения письменному литературному переводу на русский язык.	80
<i>Беклемешева Н. Н.</i> Английские структуры-носители вторичной предикативности с точки зрения перевода.	91
<i>Витакова М. V.</i> Inter-lingual correspondence between the conceptual systems of patent law in Russia and the United States	101
<i>Гунсурова А. В.</i> Научно-ориентированная метафора как средство интерпретации восприятия мира автором vs поэтический перевод	110
<i>Дашиинимаева П. П.</i> Художественный перевод с использованием языков народов России: основы типологизации требований	120
<i>Минеев Т. А.</i> Об одном опыте составления фразеологического словаря, его стилевых аспектах и прикладном значении для перевода.	132
Лингвистика и междисциплинарные исследования языка	143
<i>Ильичева И. А.</i> Лингвокультурный концепт РОДИНА сквозь призму восприятия региональной языковой личности: теоретические и прикладные аспекты исследования.	143

CONTENTS

Introductory article by the Editor-in-chief	78
Practice and theory of translation and interpreting.....	80
<i>Alexeeva I. S.</i> Making a book: A special integral way of teaching literary translation into Russian..	80
<i>Beklemesheva N. N.</i> English secondary-predicative structures in terms of translation	91
<i>Bumakova M. V.</i> Inter-lingual correspondence between the conceptual systems of patent law in Russia and the United States	101
<i>Gunsurunova A. V.</i> Scientific-oriented metaphor as an author's perception interpreting tool vs poetic translation.....	110
<i>Dashinimaeva P. P.</i> Literary translation from the RF regional languages into Russian: Typology requirements basics	120
<i>Mineev T. A.</i> On an experience of making an idiomatic dictionary, its stylistic aspects and use in translation and interpreting.....	132
Linguistics and interdisciplinary research in language	143
<i>Ilyicheva I. L.</i> Linguocultural concept HOMELAND through the prism of perception of regional language personality: Theoretical and applied aspects of research ...	143

Вступительная статья главного редактора

Уважаемые читатели!

Очередной выпуск журнала «Исследования языка и современное гуманитарное знание» можно считать тематическим: практически все его статьи посвящены проблематике, связанной с переводом и переводоведением, а также с методикой обучения переводу.

Известный специалист в области подготовки переводчиков, директор Санкт-Петербургской высшей школы перевода И. С. Алексеева в статье «Делаем книгу: особый интегральный путь обучения письменному литературному переводу на русский язык» предлагает новый взгляд на традиционную область художественного перевода, видя в нем не только предмет исследования, но и важнейший инструмент сохранения языков и культур полилингвального культурного пространства России. Новизна и оригинальность подхода, предлагаемого в статье, выражается в развернутых характеристиках интегральности как стратегии обучения письменному литературному переводу в современных условиях.

Статья «Английские структуры-носители вторичной предикативности с точки зрения перевода» (автор Н. Н. Беклемешева) поднимает значимый с точки зрения практики перевода и преподавания вопрос, связанный с одним из случаев типологического расхождения в строе сопоставляемых языков. Освещаемая в статье проблема до сих пор не получила однозначного решения. Автор привлекает к анализу богатый иллюстративный материал, в том числе данные лингвистических корпусов, и предлагает модели перевода данных конструкций с английского языка на русский, а также стратегию их использования при переводе с русского языка на английский.

Автор статьи «Inter-lingual correspondence between the conceptual systems of patent law in Russia and the United States» М. В. Бумакова дает новый взгляд на устоявшиеся в сфере двуязычной терминологии патентного права переводческие соответствия, что становится возможным благодаря опоре при анализе пар терминов как на их дефиниции (лингвистическая составляющая), так и на правовые аспекты (например, отличия в сроках действия патента и пр.), что открывает путь к разрешению насущной проблемы преодоления национальной специфики в патентном деле, назревшей потребности унификации регистрирования технологий и научных открытий.

Статья А. В. Гунсуровой «Научно-ориентированная метафора как средство интерпретации восприятия мира автором vs поэтический перевод» ставит вопрос о специфике перевода «научно-ориентированных» метафорических конструкций. Автор видит возможность максимального приближения перевода к оригиналу в необходимости осмысления переводчиком когнитивного пространства дискурсивной личности и избираемых ею средств конструирования лирического дискурса уже на стадии «предперевода», демонстрируя эффективность предлагаемых подходов на примере «метаязыковых и этнокультурологических» метафор в лирике русскоязычного американского ученого-культуролога И. Э. Ключанова и предлагает варианты их русского перевода.

В статье «Художественный перевод с использованием языков народов России: основы типологизации требований» (автор П. П. Дашинимаева) обобщены требования к переводу национальной художественной литературы народов Российской Федерации на русский язык, представлены основы методологии типологизации, даны рекомендации для предпереводческого анализа и непосредственно перевода. Варианты типовых рекомендаций-требований, предлагаемые автором, могут в дальнейшем в той или иной мере стать основой современных частных теорий перевода с регионального на русский язык, что особенно актуально для такого многонационального государства, как Россия, где вопросы теории и практики художественного перевода национальных литератур на русский язык все еще остаются недостаточно хорошо изученными.

Статья независимого исследователя Т. А. Минеева «Об одном опыте составления фразеологического словаря, его стилевых аспектах и прикладном значении для перевода» представляет несомненный интерес для практики перевода, поскольку предлагаемые в ней решения учитывают актуальные приемы устного перевода применительно к устойчивым оборотам: использование существующих аналогов выходного языка, буквальный перевод и передачу коннотата. Автор апеллирует к экспериментальным подходам, призванным помочь переводчику в его реальной работе.

Статья И. А. Ильичевой «Лингвокультурный концепт РОДИНА сквозь призму восприятия региональной языковой личности: теоретические и прикладные аспекты исследования» завершает выпуск в рубрике «Лингвистика и междисциплинарные исследования языка и речи» также может быть интересна не только специалистам в области когнитивной лингвистики, но и переводчикам, поскольку рассматривает средства объективации одного из ключевых концептов этнокультурной языковой картины мира. Предлагаемый в статье комплексный подход к анализу такого сложного концепта, как концепт РОДИНА, который является по сути интерпретирующим концептом, включает понятийный, аксиологический и эмоциональный уровни. Топонимические концептуальные доминанты и языковые способы их репрезентации позволяют автору определить национально-культурную специфику концепта РОДИНА в региональном поэтическом пространстве, которая не может не учитываться в исследовании культур и в переводе.

Перевод и переводоведение представляют собой область оптимизации достижений фундаментальной науки, но как известно и фундаментальная наука получает импульсы к дальнейшим исследованиям из сферы прикладной науки, поэтому у редакции нет сомнений, что статьи, вошедшие в настоящий выпуск четвертого тома, будут интересны не только специалистам в области теории и практики перевода и обучения переводу, но и всем, кого интересуют живые процессы, проходящие в языках и влияющие на межкультурную коммуникацию.

*С уважением,
Валерия Анатольевна Андреева,
главный редактор*

Перевод и переводоведение

УДК 81.25

EDN EWMFNG

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-80-90>

Делаем книгу: особый интегральный путь обучения письменному литературному переводу на русский язык

И. С. Алексеева^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Ирина Сергеевна Алексеева,
SPIN-код: 3828-9080,
Scopus AuthorID: 57216508831,
ORCID: 0000-0001-8351-1700,
e-mail: i.s.alexeeva@gmail.ru

Для цитирования:

Алексеева, И. С.
(2022) Делаем книгу: особый
интегральный путь обучения
письменному литературному
переводу на русский язык.
*Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 4, № 2, с. 80–90.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-80-90>
EDN EWMFNG

Получена 31 января 2022; прошла
рецензирование 18 июля 2022;
принята 18 июля 2022.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © И. С. Алексеева (2022).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья посвящена новой стратегии обучения письменному литературному переводу путем создания популярных и продаваемых литературных переводных произведений и включает краткий обзор опыта обучения художественному переводу в России, начиная с эпохи Петра I, а также опыт обработки материала в маршакловской редакции в СССР в XX в., где дается перечень стратегий обработки с примерами. Далее анализируется проектная методика при обучении художественному переводу и предполагаемый состав обучения. В рамках описываемого динамического интегративного подхода начинающие переводчики практикуются в переводческом анализе особого типа, подробно знакомятся с реалиями и предметным миром, необходимыми для конкретного перевода, осваивают законы литературного жанра на малых прозаических формах, овладевают приемами исторической архаизации при работе с текстами XIX в., осваивают навык создания краткого историко-литературного обзора, предметного комментария и глоссария, получают опыт работы с редактором и корректором. Описанный метод учит отчетливому осознанию места переводчика в сценарии создания книги, учит не только ремеслу, но и социальному взаимодействию. Далее рассматривается возможное расширение целей описанной методики обучения художественному переводу с языков народов РФ на русский язык и затрагивается вопрос спасения языков малочисленных народов, находящихся под угрозой исчезновения, с помощью перевода их литературных произведений на крупные языки, такие, как русский, и описаны последовательные шаги по привлечению представителей коренных народов из числа билингвов к переводу собственных произведений на русский язык; при этом проект из образовательного перерастает в социальный.

Ключевые слова: художественный перевод, языки народов России, темпоральная стилизация, методика обучения письменному переводу, переводческий анализ текста

Making a book: A special integral way of teaching literary translation into Russian

I. S. Alexeeva✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Irina S. Alexeeva,
SPIN: 3828-9080,
Scopus AuthorID: 57216508831,
ORCID: 0000-0001-8351-1700,
e-mail: i.s.alexeeva@gmail.ru

For citation:

Alexeeva, I. S.
(2022) Making a book: A special integral way of teaching literary translation into Russian. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 4, no. 2, pp. 80–90.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-80-90>
EDN EWMFNG

Received 31 January 2022; reviewed 18 July 2022; accepted 18 July 2022.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © I. S. Alexeeva (2022). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article describes a new strategy of teaching literary translation through translating popular best-sellers and includes a short review of the best practices in teaching literary translation in Russia, starting from the age of Peter the Great. It also covers the adaptation practice in Marshak's editions in the USSR in XX century and introduces the list of adaptation strategies with illustrative examples. Further on the article analyzes the use of project methods in teaching literary translation and suggests the content of teaching. Within the described dynamic integrative approach young translators get practice in translation analysis of a special type, get to know the realia and the objective world necessary for a certain translation work, learn the rules of the literary genres on the basis of small literary forms, master the techniques of historic archaization when working on the XIX cent. texts, learn how to make a short historic and literary review, a glossary or a commentary on the objective realia, get the experience of working with an editor and a proof-reader. The described method teaches a translator to clearly understand their place in creating a book; it teaches not just translation skills, but the skills of social interaction as well. Further on the article describes the possible amplification of this methodology to teach literary translation from the ethnic languages of the Russian Federation into Russian and tackles a sensitive issue of saving the languages of the small indigenous peoples by making translations of their literary masterpieces into bigger languages, such as Russian. Then the article outlines a sequence of steps to engage the bilinguals-speakers of indigenous languages to translate their works into Russian, thus adding a social dimension to purely educational project.

Keywords: literary language, ethnic languages of the peoples of Russia, temporal stylization, methods of teaching translation, translation analysis of the text

Введение

Художественному переводу начали обучать еще очень давно. Вместе с тем до сих пор эффективность, да и возможность такого обучения, многими ставится под сомнение. Сама точка зрения, что художественный перевод — это искусство (Федоров 1983; Чуковский 1964) предполагает изрядную долю вдохновения и природной одаренности. В крайнем виде этот взгляд выражен в дневниках Чуковского (запись за 12 ноября 1918 г.): «На заседании была у меня жаркая схватка с Гумилевым. Этот даровитый ремесленник вздумал составлять правила для переводчиков. По-моему, таких правил нет. Какие в литературе правила — один переводчик сочиняет, и выходит отлично, а другой и ритм дает, и все, — а нет, не шевелит. Какие же правила?» (Чуковский 2012). Позднее и Чуковский, и Федоров внесли свой вклад в выра-

ботку инструментария хорошего перевода: Чуковский — редакторскими комментариями к плохим переводам в книге «Высокое искусство», Федоров — детальным описанием лингвистических сложностей перевода с примерами из художественных текстов (Федоров 2002).

Традиционно все теоретические обобщения в области перевода, начиная с XIX в., делались преимущественно на материале художественной литературы; и всякий раз теоретические концепции были далеки от переводческой практики, потому что при богатстве и разнообразии материала исследования продукция художественного перевода почти не обобщаема: столь много уникальной специфики вносит в текст каждый автор словесного произведения, копируя все прежде сформулированные законы.

И тем интереснее всякий новый успешный опыт подготовки переводчиков в этой сложной сфере.

Обзор методик подготовки литературных переводчиков

Обучение переводчиков художественной литературы никогда не мыслилось как массовое. В России в XVIII в. известны случаи прямо-таки ренессансного обучения у мастера: так подающий надежды молодой переводчик Н. Поповский обучался у М. В. Ломоносова (Модзалевский 1958).

Если говорить о России XX в., то можно выделить три направления: подготовка специалистов в учебных заведениях, подготовка в издательствах и постоянно действующие семинары.

Начнем с исторически самой ранней подготовки в издательствах. Наиболее известной издательской «школой» была на протяжении конца 20-х — конца 30-х годов маршакская редакция, которая находилась при Госиздате (позже ОГИЗ, и в нем отдел — Детгиз) в Ленинграде с конца 20-х годов. С. Я. Маршак собрал молодую творческую команду (Литературный Санкт-Петербург 2015), которая состояла, с одной стороны, из обэриутов: Даниил Хармс (1905–1942), Александр Введенский (1904–1941), Николай Олейников (1898–1937), с другой стороны — из подающих надежды молодых писательниц, закончивших по большей части Институт истории искусств (т. н. Зубовский институт): это Тамара Габбе (1903–1960), Зоя Задунайская (1903–1983), Александра Любарская (1908–2002), Лидия Чуковская (1907–1997). Члены маршакской редакции занимались подготовкой самой разной литературы для детей. Одной из важных фигур в этом плане был Александр Введенский (1904–1941), в это время переводит ряд сказок Братьев Гримм («Горшок каши», «Бременские музыканты» и др. — всего при жизни поэта опубликовано 18 в 1936 г.) и делает их невероятно популярными. Переводит вольно, тогда появляется понятие «пересказ»; его можно рассматривать как особый вид вторичного текста, ориентированный даже не на смысл, а на общее представление о сюжетной основе и сказовом стиле.

Среди книг, которые готовит редакция, самые разные произведения, но тенденция одна и та же: сглаживание уникальных черт, следование единому литературному языку с изрядной долей книжности. Несколько отличается от прочих алгоритм обработки фольклора: он включает как перевод с европейских языков с одновременной обработкой, так и двухступенчатую стратегию подготовки текста, включающую подготовку научного подстрочника на первом

этапе и литературную обработку на втором этапе.

Проследивая динамику появления текстов маршакской редакции, мы можем увидеть, что за недолгое время существования редакции выработался особый язык и особая техника передачи авторской прозы и прозаического фольклора, делающая народную сказку своеобразным наднациональным жанром, близким к притче и провозглашающим общечеловеческие ценности.

Проведенный нами анализ текстов переводов и выборочное сравнение их с оригиналом вскрыл следующий набор ключевых черт.

Стратегия 1

Начнем с книги раннего времени: Дж. Свифт «Гулливер у лилипутов» (Свифт 1931) в пересказе Т. Габбе и З. Задунайской.

- 1) Всегда выдерживается простой синтаксис: «Вода покрыла Гулливера с головой. Когда он вынырнул, возле него никого не было. Все его спутники утонули <...> И вдруг он почувствовал твердую землю. Это была отмель. Гулливер встал и пошел <...>» (Свифт 1931, 6).
- 2) Лексика: книжная, литературная, с примесью архаичного просторечия, но стилистические аналогии пока еще неясны.
- 3) Суть обработки: социальные, философские, сатирические элементы фабулы удалены; фантастические и приключенческие — на переднем плане.

Стратегия 2

Несколько другую картину мы видим в более поздний период, когда З. Задунайская в соавторстве с А. Любарской создают знаменитую русскую версию книги Сельмы Лагерлеф «Необыкновенное путешествие Нильса с дикими гусями» (Лагерлеф 1940). Здесь метод пересказа для детей окончательно сформировался.

- 1) Убирается все, кроме сказочной рамки этого учебника экономической географии для народных школ Швеции.
- 2) Добавляются вставные сюжеты из фольклора: I. Легенда о затонувшем городе; II. Легенда о Крысолове.
- 3) Язык повествования ближе к литературной романтической сказке XIX в., нежели к народной сказке.

Книга из познавательной превращается в сказочно-поучительную, что, видимо, отражало задачи текстов советской детской литературы на тот период, то есть, используя систему понятий теории перевода, тексты менялись

сообразно скопосу — прагматической цели перевода на тот период.

Стратегия 3

А теперь обратимся к народной сказке. Маршак охватили почти весь ее мировой диапазон: сказки славянские, итальянские, китайские, балтийские, африканские, сказки народов Крайнего Севера, Молдавии и др. Открывая сегодня книги этих сказок, мы обнаруживаем, что, кроме личных имен, в мировой сказке для детей от страны к стране, от народа к народу (включая, разумеется, народы СССР) ничего с точки зрения стиля не меняется. В сущности, стилистика архаичного прозаического эпоса, к которому восходит сказка, тоже имела много общих черт, но в данных вариантах все народы говорят абсолютно единым языком. Национальность маркирована личными именами, описанием местности и бытовыми реалиями. Мы провели небольшой экспресс-анализ по 4 книгам — «Сказки народов Прибалтики» (1950) [далее — Б], «Ненецкие сказки» (1954) [далее — Н], «Сказки старого Сюня» (1957) [далее — К], «Калевала» (1975) [далее — Ф], и выявили следующие черты стиля народной сказки (эпоса) в их русской версии:

- 1) Сказовый порядок слов.
Б — «Попросился странник на богатый двор заночевать <...>».
Н — «Жили старик и старуха <...>», «Жили в дружбе мышка и синзевка <...>».
К — «Послал как-то помещик батрака в горы за хворостом».
Ф — «Отшумел веселый пир в суровой Похъёле <...>».
- 2) Совмещение глаголов прошедшего и настоящего времени.
Б — «Бедняк посмотрел, почесал затылок и говорит <...>».
Н — «Увидал он куропатку и говорит <...>», «Ничего не сказала куропатка, дальше бежит».
К — «Поделился он горем с женой, а та отвечает <...>».
Ф — «Пришел старый, мудрый Вяйнемейнен за мечом, осмотрел его со всех сторон и говорит <...>».
- 3) Фольклорные повторы.
Тавтологический повтор:
Ф — «А Илмаринен все стучит и стучит своим молотом <...>».
Н — «шел, шел и подумал».
- 4) Лексика: сказочная, архаичное просторечие, экзотизмы.

Архаичное просторечие:

Б — «дров полным-полно наложила», «квашня», «брюхо», «сыскать себе жену», «Ну, чего привязался?».

Н — «Довольно вам драться!», «услыхала эти слова куропатка».

К — «ничегошеньки», «швыряют» (+ традиция восточных сказок).

Ф — «может, и опаснее», «ломились кладовые» (но: «челн», «ладья», «отважные мужи» — черты эпоса).

Устойчивый эпитет:

Б — «умная крестьянка».

Н — «темный лес».

К — «старый Сюнь».

Ф — «в кладовых у жадной, злой Лоухи <...>».

Экзотизмы — маркеры национальной культуры:

Б — Юргис, Стяпас, Каарел; быт — идентичный русскому: клеть, изба.

Н — Нгум Мята старик, чум, ерник, нарты, хор и важенка, малица, аргиш, паница.

К — Яо, Сюнь, Лян Шань-бо; фанза, кунжутное масло.

Ф — Вяйнемейнен, Сампо; медовый хлеб, заклятье (+ общая лексика, генерализация).

В издательской практике, таким образом, освоение художественного перевода заключалось в умении следовать конвенциям общих представлений о художественном тексте, а индивидуальные особенности авторского стиля оказывались несколько притененными.

В вузах вплоть до конца 90-х гг. XX в. художественному переводу не обучали, его скорее изучали в рамках филологического образования; анализ текста, или предмет «аналитическое чтение», входивший в программу, скажем, Ленинградского госуниверситета, мог включать домашнее задание по переводу художественного текста, но методик обучения тому, как это делать, не существовало. К университетскому переводоведению относятся и труды, предлагающие критерии объективной оценки художественного перевода (Топер 2001; House 1997; Reiss 1971; van den Broek 1985), впрочем, методике обучения художественному переводу эти критерии заменить не могут.

Особое место занимали творческие семинары при Доме писателей в Ленинграде, где молодые переводчики учились у мастеров перевода, совместно переводя общий художественный текст. Автору этой статьи довелось учиться в таком семинаре на протяжении 10 лет (1980–90 гг.) у известной переводчицы И. П. Стребловой.

Рамки допустимого в таком случае устанавливал сам мастер, и приемы достижения эквивалентности предлагал также он. Сегодня эта традиция нашла свое продолжение в авторских курсах в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Аналогичный опыт семинаров описывают немецкие коллеги (Leupold, Raabe 2008).

Наверное, все эти случаи обучения у мастера достойны рассмотрения. Мы же остановимся на самом необычном из них.

Проектная методика в художественном переводе

Поразительно изобретательны бывают люди в продвижении своей профессии. Путь прямого слияния в профессии обучения и практики приходил в голову разным методистам, но Александре Борисенко и Виктору Сонькину удалось осуществить самый блистательный, на наш взгляд, проект в сфере прямого слияния обучения художественному переводу и издания этих переводов. Они организовали один за другим три проекта, в ходе которых силами студентов-филологов на занятиях по переводу с английского на русский переводили давно забытую, но интересную современному читателю беллетристику. Так вышли три больших уникальных книги: «Не только Холмс. Детектив времен Конан Дойла. Антология викторианской детективной новеллы» (Борисенко, Сонькин 2012а); «Только не дворецкий. Золотой век британского детектива: новеллы» (Борисенко, Сонькин 2012b); «Криминальное чтение и не только. Американский детектив первой половины XX века» (Борисенко, Сонькин 2019). Книги эти настолько популярны у читателя, что достать их практически невозможно.

В чем же метод?

Начнем с того, что этот метод — динамический. Он формируется у нас на глазах, отражаясь в книгах — и становится все лучше и лучше. При этом он никогда не исчерпает себя. В том-то и заключается ценность динамического: оно не бывает совершенным, оно всегда способно стать другим — и тоже лучшим. Короче говоря, метод обучения художественному переводу одновременно в становлении и в действии. Такая методика осознает себя в ходе формирования и приносит большие плоды.

Давайте посмотрим, как это работает.

Два известных переводчика — Александра Борисенко и Виктор Сонькин — составляют антологию из 23 британских детективных новелл. Они собирают группу студентов, жаждущих научиться переводить — 10 человек, и пригла-

шают к сотрудничеству историка-холомсоведа, знатока викторианской эпохи Степана Поберовского (псевдоним: Светозар Чернов). Таким образом создана атмосфера, необходимая для начала работы. Команда собирается по вечерам и обсуждает по очереди распределенные между студентами тексты (от одной до трех новелл досталось каждому). Пока все выглядит достаточно традиционно. За исключением того, что итогом должна стать книга, которая придет к читателю. Любые другие творческие семинары, как в России, так и в других странах, ограничивались до сих пор либо учебными (потренироваться в переводе), либо консультативными задачами. В случаях таких изданий в России обычно собирают профессиональных переводчиков, приглашенный литературовед выступает составителем, автором вступительной статьи и зачастую — комментатором. Здесь схема была почти такая, но люди становились профессионалами в ходе работы, вернее, прилагали все мыслимые усилия, чтобы ими стать. А два преподавателя-составителя подсказывали им, что делать с текстом.

Уже на этом первом этапе обнаружился один бесценный ресурс обучения: новеллы должны предваряться предисловиями, содержащими основные сведения об авторе и его месте в литературе. А ведь именно это — залог полноценного понимания текста, того важного в нем, что обязательно должен передать переводчик.

Жанр краткого предисловия оказался вдобавок школой логики и стиля, который потребовался каждому участнику для перевода текста пусть и формульной, но все же — художественной литературы.

Помимо сведений об авторе (краткое предисловие), жанре и литературном процессе викторианского времени (вступительная статья А. Борисенко «Викторианский детектив» — см.: Борисенко, Сонькин 2012а), жизненно необходимым оказалось пояснить обстоятельства жизни того времени и дать глоссарий некоторых слов. В первой книге это делает специалист по эпохе С. Поберовский. Он подробнейшим образом описывает специфику работы полиции, сыска и суда в Англии и Америке в викторианскую эпоху, поскольку для детективного жанра это — самое главное.

Но, пожалуй, самое любопытное в аппарате книги — это сорок девять понятий и слов, которые поясняются в глоссарии. Здесь дается черно-белая иллюстрация — рисунок того времени — и подробное пояснение. Мы видим и узнаем, что такое фаэтон, пенковая трубка, французские окна, круглый пистолет. Каждый

объект эффектно заключен в рамочку, а слово набрано крупным «рекламным» шрифтом, и все шрифты — разные. И вот эта матричность, отсутствие нанизанности на стержень системы в подаче новых знаний очень импонирует. Объем сопроводительного аппарата пока небольшой: 15 страниц до новелл и 50 страниц после, но от книги к книге он будет разрастаться.

Итак, из чего состоит методика обучения переводчиков, если судить по «Холмсу»?

- 1) Погружение в историю страны и ее культуры с конкретной практической целью.
- 2) Подробное знакомство с реалиями и предметным миром, необходимыми для конкретного перевода (на основании документальных источников).
- 3) Сбор основных сведений о специфике жизни социума в викторианскую эпоху (как документы, так и готовые данные от специалистов — участников проекта).
- 4) Освоение законов литературного жанра на малых прозаических формах.
- 5) Практика художественного перевода с публичным обсуждением и под руководством опытного профессионала.
- 6) Владение приемами темпоральной стилизации (исторической архаизации) при работе с текстами XIX в.
- 7) Освоение навыка краткого историко-литературного обзора.
- 8) Получение опыта работы с редактором и корректором.
- 9) Формирование профессиональной ответственности за свой труд перед социумом на основании предшествующих пунктов.

Особо отметим пункт 6 — ведь до сих пор темпоральная стилизация трактовалась как чисто стилистический речевой феномен (Коренева 2000; Ламажаа 2010; Левый 1974; Масленникова 2014; Михайлова 2007); и только в методике А. Борисенко и В. Сонькина она предстает как лингво-визуальный комплекс.

Эта версия методики уже дала свой результат: сразу несколько участников «Холмса» стали восходящими звездами художественного перевода, например, Анастасия Завозова.

Но педагогическая идея продолжала развиваться.

Об этом красноречиво свидетельствует вторая книга под названием «Только не дворецкий» (Только не дворецкий 2012). В ней 30 новелл — на 7 больше, чем в первой; а число переводчиков выросло более чем вдвое: это 21 студент и ... 2 преподавателя! Вот это последнее обстоятельство, пожалуй, самое важное: авторы проекта

А. Борисенко и В. Сонькин выступают в проекте НАРАВНЕ со своими студентами. Вы скажете, что это случайность? Возможно, но гениальная случайность. С точки зрения результата это — самый эффективный метод. И самый честный: ты не скрываешь, что ты можешь и чего не можешь.

Каждый участник сам пишет вступление к своему переводу. Стиль этих вступлений порой разный, но они представляют собой единые, органичные эссе. Разрастается сопроводительный аппарат. В нем теперь 167 страниц — почти четверть объема книги. Но главное, авторами становятся члены переводческой команды. Мало того, что преподаватели плечом к плечу со студентами выступают в качестве переводчиков. Они теперь вместе пишут главы комментария: этих глав 16, и почти треть написана в соавторстве. У глоссария, в котором опять 49 единиц комментирования, теперь тоже четыре соавтора: авторы проекта и двое учеников. Таким образом, равноправное сотрудничество становится средством освоения культурных хитро-сплетений английской жизни золотого века британского детектива: технических, культурных и даже моральных — включая дилемму вины, и, в частности, ответ на вопрос: мог ли дворецкий совершить преступление?

Таким образом, в схему подготовки переводчиков добавляется несколько моментов:

- 10) Работа на равных с профессионалами, которые еще и совершают первичное внутреннее редактирование текста.
- 11) Освоение навыка составления комментария и глоссария.
- 12) Владение приемами детективного стиля XX в.

И признаем: выросший в объеме сопроводительный аппарат книги вызывает не меньший интерес, чем лихо закрученный сюжет. Мы, сами того не замечая, начинаем рассматривать переведенные тексты как иллюстрацию к полученным в комментариях знаниям. Получается такой своеобразный интеллектуальный ликбез, всестороннее погружение.

Версия «школы Борисенко и Сонькина», заключенная в «Дворецком», казалась совершенной. Но в январе 2020 г. вышла третья книга, и оказалось, что ресурсы роста далеко не исчерпаны.

Итак, выходит третья книга серии, чуть меньше второй по объему. Посвящена она американскому детективному рассказу эпохи расцвета жанра, и затем — этапам его постепенного угасания. Представлено 25 авторов, а в создании

текстов переводов и сопровождения приняли участие опять 23 человека.

Собственно тексты составляют здесь около 480 страниц, а аппарат комментирования — без малого 200 страниц, то есть приблизился к 1/3! И это, не считая предисловий к каждой вещи, то есть плюс еще добрых 50 страниц! И какое это сопровождение! Надо сказать, что в последней книге, несмотря на определенные стандарты жанра, значительно усложняются задачи переводчиков, поскольку им необходимо передавать гораздо более разнообразный по регистру, индивидуализированный язык авторов и персонажей, и одновременно — делается прямо таки виртуозной архитектура сопроводительного материала книги: эдакое постмодернистское бельканто современной бель-летр.

Во-первых, в окончательную семантическую триаду сложились три названия сборников: «**Не только** Холмс» / «**Только не** дворецкий» / «Криминальное чтение и **не только**», где изящная игра наречия с отрицанием создает сокрушительную по своей простоте формулу жанра, включающую три компонента: АВТОР-ГЕРОЙ-ТЕКСТ.

Во-вторых, видимо, сам этот простодушно-хитроумный жанр, пробудил к жизни лихую, интерактивно-насыщенную и по-настоящему красивую игру названий. Это и название вступительной статьи А. Борисенко «Американский детектив в самом расцвете сил», которое после Карлсона в версии Лунгиной навсегда будет связано с этим героем — «мужчиной в самом расцвете сил». Это и заголовки остальных разделов: «Кино, вино и домино», «Властители дум и врачеватели душ», «Сыск и суд», ритмичные, складные, тонко апеллирующие к исконно германскому украшающему средству — начальной аллитерации. К эвфонии зачастую добавляется аллюзивность — когда заголовок напоминает какую-то известную цитату, но не полностью: «Дивный новый мир», «Свобода и несвобода совести», «Все для победы».

В этих случаях привлечение интертекстуальных вставок сопровождается едва заметной деструкцией устойчивого оборота — ведь почти как у Олдоса Хаксли: «О дивный новый мир» (Хаксли 2022)! Или устройство еще сложнее, как в случае с заголовком «Свобода и несвобода совести»: начальная аллитерация «с» и деструкция оборота «Свобода лучше, чем несвобода», прочно связанного в наших умах теперь с президентом Д. Медведевым и контаминация двух оборотов: «Свобода лучше, чем несвобода» и «свобода совести». А порой известный нам оборот копируется, применяясь в сходных

обстоятельствах: «Все для фронта, все для победы» — вот как звучал лозунг военного времени. Во всех случаях такие заголовки — авторские находки Александры Борисенко.

Итак, третья книга добавляет в обучение художественному переводу еще кое-что.

- 13) Навык передачи индивидуального авторского стиля в жанре детектива.
- 14) Знакомство с фигурами стиля современного эссеистического жанра, на порядок более изощренными, чем простенькие приемы детектива.
- 15) Участие в создании сложного организма комплексной постмодернистской эстетики.

Назовем еще одно важное дидактическое достоинство описанного метода: он учит отчетливому осознанию места переводчика в сценарии создания книги, учит не только ремеслу, но и социальному взаимодействию.

Вдобавок такой семинар — единственный в своем роде проект, который вопреки всему утверждает рыночность художественной литературы.

Перевод как спасательный круг: теория и эксперимент

Вторая разновидность проектного подхода в обучении литературному переводу — это та ситуация, когда перевод служит средством спасения словесной культуры и языка народа (речь идет прежде всего о коренных народах), а проект из образовательного перерастает в социальный. И методика состоит в подготовке «спасателей собственной культуры» и в спасении литературных произведений одновременно. Здесь необходима небольшая преамбула.

Мировой опыт XX–XXI вв. по поддержке языков и культур коренных народов разнообразен, хотя в основном охватывает чуть более столетия. Стратегия спасения пришла на смену стратегии истребления исторически не так уж давно, причем в большинстве случаев она лишь замедляет процесс исчезновения языков и культур коренных народов, а не консервирует прежнюю ситуацию. Заторможен процесс исчезновения культур коренного населения Южной и Северной Америки — индейцев; многое делается для спасения языка аборигенов Австралии. Однако в большинстве случаев помощь приходит слишком поздно.

Разнообразие коренных языков в России также неуклонно сокращается. Но зададимся вопросом: нужно ли оно? И надо ли препятствовать этому естественному процессу?

Число носителей языков коренных народов постепенно уменьшается потому, что падает естественный спрос на владение их языками, прежде всего — с исчезновением традиционных промыслов, и, если говорить о нашей стране, то динамическое равновесие неуклонно сдвигается в сторону русского языка.

Казалось бы, единый язык — это удобно. Однако культурные практики прошлого — это фундамент развития человечества в будущем, а средоточием культурного опыта являются языки народов — и в своей устной, и в письменной ипостаси. Причем сохранение коренных языков важно не только в качестве стержня памяти о многовековых культурах, но и в качестве средства сохранения многообразия моделей мышления и интеллектуального плюрализма — как залога интеллектуального богатства человечества. Таким образом, разнообразие необходимо, ведь каждый язык — это особая парадигма мышления.

Итак, на поставленный вопрос «Надо ли сохранять культуры коренных народов?» мы находим положительный ответ. Причем во главу угла здесь становится словесная культура, задача сохранения и развития языков, ведь сегодня очевидно, что равноправная коммуникация — залог гармоничного сосуществования. А равноправной она может быть только тогда, когда все языки проживающих в стране народов имеют равные шансы и возможности для развития.

Один из путей такого сохранения — создание литературы на коренных языках, в частности, для детей. Об этом пишет крупный исследователь бытования коренных народов Н. П. Копцева в целом ряде работ (Копцева, Пименова, Резникова, Ситникова 2017; Koptseva, Bakhova, Medyantseva 2011).

Так или иначе, речь всегда идет о предоставлении культурам коренных народов равноправной площадки в социуме, а зачастую и приоритетных условий, обеспечивающих информирование и развитие. Можно обучать представителей коренных народов писательскому мастерству, как это делал в советское время Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. Однако при этом, согласитесь, литература коренного народа невольно утратит часть своей самобытности.

Сохранить эту самобытность в нынешней российской ситуации может помочь перевод на русский язык. Как ни странно, до сих пор в России об этом мало кто задумывался, упор всегда делался на обучение языкам. А между тем в ситуации утраты естественных причин владения коренным языком теряется его функ-

ция как языка деловой коммуникации, и даже повседневная бытовая коммуникация ограничивается (к слову, в таких условиях трудно создать искусственно мотивацию учить и знать родной язык), но роль его как хранителя уникальной культуры остается, и сохранить эту уникальность можно с помощью «отражения» его в другой культуре — то есть с помощью перевода. Особенно если это перевод на язык со столь мощным исторически сложившимся коммуникативным ресурсом, каковым является на сегодня русский язык.

По данным переписи 2010 г., 96,82% населения России владеет русским языком, и эта цифра мало варьируется по регионам, где коренные жители являются носителями других языков: татарского, башкирского, бурятского, тувинского, якутского и т. п. Следовательно, здесь можно создать русскую версию ключевых текстов коренных народов, и таким образом спасти их от забвения.

Как это сделать? Мы с коллегами из Стратегического центра развития переводческого образования в России при Российской академии образования (г. Москва) решили, что правильнее всего будет обратиться к самим представителям коренных народов, ведь именно они больше всего заинтересованы в сохранении своих текстов; обучить их переводу, помочь им составить представительную антологию своей литературы, а затем (самое сложное!) опубликовать ее, причем в варианте билингва, чтобы слева от русского текста перевода все видели слова коренного языка одного из народов России — ведь у большинства этих народов есть письменность. Пилотный этап воплощения нашей стратегии пройден, и можно обсуждать первые результаты.

Шаг 1 воплотился в очных семинарах в Якутии, Бурятии, Чувашии, Хабаровском крае, Татарстане и Туве. Алгоритм был везде одинаков, поэтому возьмем для примера семинар в г. Якутске 31 октября — 4 ноября 2017 г. «Якутская литература — по-русски». Семинар проводился на базе Северо-восточного федерального университета в г. Якутске, и в нем приняли участие магистранты, аспиранты, студенты, преподаватели, писатели (всего — 300 человек). Была выбрана современная литература всех жанров (проза, поэзия, публицистика, детская литература), созданная якутским классиком XX в. Тимофеем Сметаниным. В качестве ведущих выступили сотрудники центра, переводчики художественной литературы Ирина Алексеева и Альбина Бояркина. Семинар, посвященный теории, методике и практике художественного

перевода, включавший и семинар по русскому языку, позволил первично подготовить более 200 страниц литературного текста; тут же обсуждался формат возможного иллюстрированного комментирования и научного сопровождения текстов.

За семинаром последовала серия из 5 ежемесячных вебинаров (декабрь 2017 г., февраль, март, апрель и май 2018 г.), где тексты проходили вторую и третью редактуру, и множество заинтересованных людей освоило начальные навыки художественного перевода, одновременно внося посильный вклад в поддержание своей родной культуры. Итогом уже через полгода стала готовая рукопись объемом около 500 страниц, с обширным иллюстрированным комментарием и двумя вступительными статьями.

Сейчас книга ждет своего издания, т. е. реализации шага 3 «Издание книг-билингва на языках народов России». Мы намеренно запланировали издавать все переведенные тексты только как тексты-билингва, где слева расположен подлинник, а справа — перевод.

Почти завершена работа над антологией бурятской литературы; на подходе чувашская книга и антология текстов коренных народов Дальнего Востока, куда вошли тексты на ульчском, нанайском, нивхском и др. языках (семинар прошел в Хабаровске на базе краевой библиотеки; подготовила, вела автор этих строк).

Семинары по переводу не только способствовали созданию русской версии коренных культур, но и обнажили их уникальную текстовую и жанровую специфику и интенсифицировали оформление самих текстов в письменной форме. Выяснилось, что у малочисленных народов преобладают фольклорные тексты, былички, и часть их до сих пор не переведена. Далеко не завершен сбор сказок, легенд, поверий.

При анализе текстов на местах обнаружилось, что, помимо перевода на русский язык, существует еще один плодотворный путь сохранения исчезающей культуры для билингов: это создание литературы на русском языке, но в духе своих традиций. Многие авторы Хабаровского края пишут на двух языках, а также предлагают самопереводы своих произведений: например, нивхский поэт Вайзгун.

Заключение

Мы рассмотрели два независимо возникших динамических подхода к подготовке переводчиков художественной литературы: с английского на русский и с языков народов России на русский. В обоих случаях продемонстрирована интегративная проектная методика, позволяющая в ходе освоения технологии художественного перевода и по мере накопления опыта создать готовый продукт, который в первом случае (англоязычные детективы) имеет рыночную привлекательность; во втором же (литература народов РФ) обладает мощным социальным импульсом.

Проект «Делаем книгу» по подготовке антологий-билингва, содержащих литературы народов РФ, находится пока в своей экспериментальной фазе. Но и тот, и другой методы служат обогащению русской словесности и увеличивают число компетентных специалистов в сфере духовной культуры человечества.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Источники

- Борисенко, А., Сонькин, В. (сост.). (2012а) *Не только Холмс. Детектив времен Конан Дойла (Антология викторианской детективной новеллы)*. М.: Азбука-Аттикус; Иностранка, 576 с.
- Борисенко, А., Сонькин, В. (сост.). (2012б) *Только не дворецкий. Золотой век британского детектива: новеллы*. М.: Астрель; CORPUS, 728 с.
- Борисенко, А., Сонькин, В. (сост.). (2019) *Криминальное чтение и не только. Американский детектив первой половины XX века*. М.: АСТ, 672 с.
- Калевала: *Карело-финский эпос*. (1975) Л.: Детская литература, 192 с.
- Лагерлеф, С. (1940) *Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями*. М.; Л.: Детгиз, 126 с.
- Ненэця 'вадако'. (1954) М.: ГУПИ Минпросвещения РСФСР, 168 с.
- Свифт, Дж. (1931) *Гулливер у лилипутов*. Л.: Детгиз, 70 с.
- Сказки народов Прибалтики*. (1950) М.; Л.: Детгиз, 144 с.
- Сказки старого Сюня*. (1957) Л.: Детгиз, 198 с.

Литература

- Копцева, Н. П., Пименова, Н. Н., Резникова, К. В., Ситникова, А. А. (2017) *Создание текстов детской литературы на родных языках в современном мире: концепция*. [Б. м.]: Издательские решения, 145 с.
- Коренева, М. Ю. (2000) История русской переводной литературы сквозь призму развития русского литературного языка. В кн.: В. Е. Багно (ред.). *Res traductorica. Перевод и сравнительное изучение литератур: К восьмидесятилетию Ю. Д. Левина*. СПб.: Наука, с. 11–38.
- Ламажаа, Ч. К-О. (2010) Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм. *Знание. Понимание. Умение*, № 2, с. 88–93.
- Левый, И. (1974) *Искусство перевода*. М.: Прогресс, 396 с.
- Масленникова, Е. М. (2014) *Художественный перевод: новое о старом*. Тверь: Изд-во ТГУ, 240 с.
- Михайлова, И. М. (2007) *Язык нидерландской поэзии и проблемы поэтического перевода*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 216 с.
- Модзалевский, А. Б. (1958) Ломоносов и его ученик Поповский (о литературной преемственности). *XVIII век*, т. 3, с. 111–169.
- Топер, П. М. (2001) *Перевод в системе сравнительного литературоведения*. 2-е изд. М.: Наследие, 252 с.
- Федоров, А. В. (1983) *Искусство перевода и жизнь литературы: очерки*. Л.: Советский писатель, 352 с.
- Федоров, А. В. (2002) *Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы)*. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Филология Три, 416 с.
- Хаксли, О. (2022) *О дивный новый мир*. М.: АСТ, 320 с.
- Чуковский, К. И. (1964) *Высокое искусство*. М.: Искусство, 356 с.
- Чуковский, К. И. (2012) *Дневник: в 3-х т. Т. 1*. М.: ПРОЗАиК, 590 с.
- House, J. (1997) *Translation quality assessment: A model revisited*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 207 p.
- Koptseva, N. P., Bakhova, N. A., Medyantseva, N. V. (2011) Classical and contemporary approaches to ethno-cultural studies. The kernel of ethnos. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 4, no. 5, pp. 615–632.
- Leupold, G., Raabe, G. (eds.). (2008) *In Ketten tanzen. Übersetzen als interpretierende Kunst*. Göttingen: Wallstein Verlag, 294 p.
- Reiss, K. (1971) *Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik. Kategorien und Kriterien für eine sachgerechte Beurteilung von Übersetzungen*. München: Hueber Verlag, 124 p.
- Van den Broek, R. (1985) Second thoughts on translation criticism. A model of its analytic function. In: T. Hermans (ed.). *The manipulation of literature. Studies in literature translation*. London; Sydney: Croom Helm Publ., pp. 54–62.

Sources

- Borisenko, A., Sonkin, V. (comp.). (2012a) *Ne tol'ko Holms. Detektivnnoe vremya Konan Dojla (Antologiya viktorianskoj detektivnoj novelly) [Holmes and more. The Detective fiction of the Conan Doyle times (Anthology of the Victorian detective novel)]*. Moscow: Azbuka-Attikus Publ.; Inostranka Publ., 576 p. (In Russian)
- Borisenko, A., Sonkin, V. (comp.). (2012b) *Tol'ko ne dvoretskij. Zolotoj vek britanskogo detektiva: novelly [Just not the butler. The Golden Age of the British Detective fiction: Novels]*. Moscow: Astrel Publ.; CORPUS Publ., 728 p. (In Russian)
- Borisenko, A., Sonkin, V. (comp.). (2019) *Kriminal'noe chtivo i ne tol'ko. Amerikanskij detektiv pervoj poloviny XX veka [Pulp crime and more. American detective fiction of the first half of the 20th century]*. Moscow: AST Publ., 672 p. (In Russian)
- Kalevala: *Karelo-finskij epos [Kalevala: The Karelian-Finnish epos]*. (1975) Leningrad: Detskaya literatura Publ., 192 p. (In Russian)
- Lagerlöf, S. (1940) *Chudesnoe puteshestvie Nil'sa s dikimi gusyami [The Wonderful Adventures of Nils]*. Moscow; Leningrad: Detgiz Publ., 126 p. (In Russian)
- Nenetsya' *vadako' [Nenets fairy tales]*. (1954) Moscow: GUPI Minprosveshcheniya RSFSR Publ., 168 p. (In Nenets)
- Skazki narodov Pribaltiki [Tales of the Baltic peoples]*. (1946) Moscow; Leningrad: Detgiz Publ., 144 p. (In Russian)
- Skazki starogo Syunya [Old Xun tales]*. (1957) Leningrad: Detgiz Publ., 198 p. (In Russian)
- Swift, J. (1931) *Gulliver u lilliputov [A Voyage to Lilliput and Blefuscu]*. Leningrad: Detgiz Publ., 70 p. (In Russian)

References

- Chukovskij, K. I. (1964) *Vysokoe iskusstvo [High art]*. Moscow: Iskusstvo Publ., 356 p. (In Russian)
- Chukovskij, K. I. (2012) *Dnevnik [The Diary]: In 3 vols. Vol. 1*. Moscow: PROSAiK Publ., 590 p. (In Russian)
- Fedorov, A. V. (1983) *Iskusstvo perevoda i zhizn' literatury: ocherki [The art of translation and the life of literature: Essays]*. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ., 352 p. (In Russian)

- Fedorov, A. V. (2002) *Osnovy obshchej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) [Fundamentals of translation theory (linguistic problems)]*. 5th ed. Saint Petersburg: Faculty of Philology of Saint Petersburg State University Publ.; Moscow: "Filologiya Tri" Publ., 416 p. (In Russian)
- House, J. (1997) *Translation quality assessment: A model revisited*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 207 p. (In English)
- Huxley, O. (2022) *O divnyj novyj mir [Brave New World]*. Moscow: AST Publ., 320 p. (In Russian)
- Leupold, G., Raabe, G. (eds.). (2008) *In Ketten tanzen. Übersetzen als interpretierende Kunst [Dance in chains. Translation as an interpretive art]*. Göttingen: Wallstein Verlag, 294 p. (In German)
- Koptseva, N. P., Pimenova, N. N., Reznikova, K. V., Sitnikova, A. A. (2017) *Sozdanie tekstov detskoj literatury na rodnykh yazykakh v sovremennom mire: kontseptsiya [Creation of children's literature texts in native languages in the modern world: The concept]*. [S. l.]: Izdatel'skie resheniya Publ., 145 p. (In Russian)
- Koptseva, N. P., Bakhova, N. A., Medyantseva, N. V. (2011) Classical and contemporary approaches to ethno-cultural studies. The kernel of ethnos. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 4, no. 5, pp. 615–632. (In English)
- Koreneva, M. Yu. (2000) *Istoriya russkoj perevodnoj literatury skvoz' prizmu razvitiya russkogo literaturnogo yazyka [The history of the Russian translated literature through the prism of the Russian literary language development]*. In: V. E. Bagno (ed.). *Res traductora. Perevod i sravnitel'noe izuchenie literatur: K vos'midesyatiletiju Yu. D. Levina [Res traductora. Translation and comparative study of literature: To the eightieth birthday of Yu. D. Levin]*. Saint Petersburg: Nauka Publ., pp. 11–38. (In Russian)
- Lamazhaa, Ch. K-O. (2010) *Arkhaizatsiya, traditsionalizm i neotraditsionalizm [Archaization, traditionalism and neotraditionalism]*. *Znanie. Ponimanie. Umenie — Knowledge. Understanding. Skill*, no. 2, pp. 88–93. (In Russian)
- Levý, J. (1974) *Iskusstvo perevoda [The art of translation]*. Moscow: Progress Publ., 396 p. (In Russian)
- Maslennikova, E. M. (2014) *Khudozhestvennyj perevod: novoe o starom [Literary translation: The new about the old]*. Tver: Tver State University Publ., 240 p. (In Russian)
- Mikhajlova, I. M. (2007) *Yazyk niderlandskoj poezii i problemy poeticheskogo perevoda [The Language of the Dutch poetry and problems of poetic translation]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., 216 p. (In Russian)
- Modzalevskij, L. B. (1958) *Lomonosov i ego uchenik Popovskij (o literaturnoj preemstvennosti) [Lomonosov and his student Popovsky (on literary continuity)]*. *XVIII vek*, vol. 3, pp. 111–169. (In Russian)
- Toper, P. M. (2001) *Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniya [Translation in the system of comparative literature studies]*. 2nd ed. Moscow: Nasledie Publ., 252 p. (In Russian)
- Reiss, K. (1971) *Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik. Kategorien und Kriterien für eine sachgerechte Beurteilung von Übersetzungen. [Possibilities and limits of translation criticism. Categories and criteria for a proper assessment of translations]*. München: Hueber Verlag, 124 p. (In German)
- Van den Broek, R. (1985) *Second thoughts on translation criticism. A model of its analytic function*. In: T. Hermans (ed.). *The manipulation of literature. Studies in literature translation*. London; Sydney: Croom Helm Publ., pp. 54–62. (In English)

Английские структуры-носители вторичной предикативности с точки зрения перевода

Н. Н. Беклемешева^{✉1}

¹ Московский городской педагогический университет,
129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4

Сведения об авторе

Наталья Николаевна
Беклемешева,
SPIN-код: 6239-9998,
ORCID: 0000-0003-0906-1881,
e-mail: beclemesheva@mail.ru

Для цитирования:

Беклемешева, Н. Н.
(2022) Английские структуры-носители вторичной предикативности с точки зрения перевода. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 4, № 2, с. 91–100.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-91-100>
EDN EEWQSI

Получена 22 февраля 2022;
прошла рецензирование 13 июля
2022; принята 13 августа 2022.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Н. Н. Беклемешева (2022). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности английских полупредикативных структур: инфинитива последующего действия и абсолютной причастной конструкции. Анализ конструкций-носителей редуцированной предикативности выполнен с точки зрения возможных способов их передачи на русский язык. Для выбора и обоснования переводческой стратегии анализируются грамматические функции данных конструкций в предложении, их семантика и коммуникативная значимость. При анализе инфинитива последующего действия основной акцент сделан на выявлении отличий данной конструкции от инфинитива в функции цели, результата, причины и на дополнительных значениях, которые вносятся в текст. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что инфинитив последующего действия всегда является коммуникативным центром предложения, поскольку вводит абсолютно новую информацию, которая является для субъекта неожиданной и часто носит неприятный характер. Главным направлением анализа английской абсолютной причастной конструкции стал грамматический характер вносимой информации (тип обстоятельства) и ее коммуникативная значимость. Основным инструментом анализа стало актуальное членение и функционально-синтаксический анализ независимого причастного оборота. Анализ показал тесную связь между коммуникативной значимостью абсолютной конструкции (АК) и ее грамматической функцией в предложении. АК в функции обстоятельства времени и причины, как правило, являются носителями тематической информации, в функции сопутствующего обстоятельства и образа действия приобретают рематический статус. Результаты анализа позволили предложить модели перевода данных конструкций с английского языка на русский с учетом их коммуникативной значимости и стилового регистра текста. Также была сформулирована стратегия использования инфинитива последующего действия и АК при переводе с русского языка на английский.

Ключевые слова: вторичная предикативность, переводческие трансформации, актуальное членение, инфинитив последующего действия, абсолютная причастная конструкция

English secondary-predicative structures in terms of translation

N. N. Beklemesheva

¹ Moscow City University, 4 Vtoroj Selskokhozyajstvennyj proezd, Moscow 129226, Russia

Author

Natalia N. Beklemesheva,
SPIN: 6239-9998,
ORCID: 0000-0003-0906-1881,
e-mail: beklemesheva@mail.ru

For citation:

Beklemesheva, N. N.
(2022) English secondary-
predicative structures in terms
of translation. *Language Studies and
Modern Humanities*, vol. 4, no. 2,
pp. 91–100.
[https://doi.org/10.33910/2686-
830X-2022-4-2-91-100](https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-91-100)
EDN EEWQSI

Received 22 February 2022;
reviewed 13 July 2022; accepted
13 August 2022.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: © N. N. Beklemesheva
(2022). Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC
License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The paper looks into English semi-predicative structures: the Infinitive as a connective link and the Nominative absolute participle construction and the ways they might be rendered into the Russian language. The rationale behind the choice of the translation strategy is based on identifying the grammatical functions of these constructions in a sentence, their semantics and communicative significance. The analysis of the Infinitive as a connective link is focused on discerning its most characteristic features differentiating it from the infinitives of purpose, result/consequence and cause, as well as additional meanings it brings into a sentence. There is evidence to suggest that the Infinitive as a connective link is always the communicative peak of a sentence as it brings absolutely new information which appears quite unexpected and often upsetting for the subject.

The main emphasis in the analysis of the English Absolute construction is made on revealing the type of the adverbial modifier — the role it takes on in a sentence and communicative significance of this information. Empirical data revealed a close link between the degree of communicative dynamism of the Absolute construction and its grammatical function in a sentence. The Absolute construction in the function of an adverbial modifier of cause/time is commonly thematic, while the functions of an adverbial modifier of attendant circumstance/manner make this information rhematic in a sentence. The findings afford ground for building transformation patterns, which can be used in English-Russian translation. Apart from this, the study results help develop a strategy of making the best use of these constructions while translating from Russian into English.

Keywords: secondary predication, translation transformations, FSP, Infinitive as a connective link, Nominative Absolute participle construction

Введение

Вторичная предикативность всегда привлекала внимание исследователей — с точки зрения функционирования носителей редуцированной предикативности в речи, предпочтений в использовании определенных видов вторично-предикативных структур в разных языках, и, соответственно, перевода.

Вторичная, или редуцированная предикативность является одним из основных способов языковой экономии, позволяя информационно уплотнить высказывание за счет сокращения синтаксической структуры. Полная предикативность, как известно, представляет собой соотношение содержания высказывания к действительности за счет языковых маркеров наклонения и времени (сказуемое, выраженное личной формой глагола) (Виноградов 1975). Редукция предикативности относится преимущественно к ее грамматическим признакам — носители вторичной предикативности могут указывать либо на видовременную соотносительность действий/событий в высказывании

(инфинитив, причастие, деепричастие), либо грамматические признаки предикативности отсутствуют полностью (сложное определение типа *health-conscious*; отглагольные существительные), однако они легко восстанавливаются с опорой на сказуемое в главном (матричном) предложении, ср.: *целью компании является расширение присутствия на рынке vs компания нацелена на то, чтобы ее доля на рынке была расширена*.

Иными словами, любая вторично-предикативная структура всегда может быть развернута в полную предикативность. В плане синтаксического оформления в рассматриваемых в данной работе сложных предложениях структура-носитель полной предикативности обозначается как матричная структура, а осложняющая ее структура-носитель вторичной предикативности — как включенная структура, что позволит снять возможную путаницу в терминологии.

Несмотря на значительный интерес к структурам носителям редуцированной предикативности в английском и русском языках

(Беклемешева 2011; Манаенко 2006; Николаева 2004; Сулейманова 2009), среди них можно выделить так называемые периферийные (Сулейманова, Карданова-Бирюкова 2021), которые практически не получают внимания исследователей, в том числе и с точки зрения перевода.

Например, на сегодняшний день в существующих пособиях по переводу не представлен инфинитив последующего действия, на что указывает О. А. Сулейманова (Souleimanova 2014). Более того, эта английская структура практически не освещается в учебниках по переводу (за редким исключением, см. Сулейманова, Беклемешева, Карданова-Бирюкова и др. 2010). Недостаточно внимания уделяется и английскому независимому причастному обороту (абсолютной конструкции).

Между тем, данные структуры не имеют аналогов в русском языке и для их передачи при переводе требуются значительные трансформации.

Методика исследования

Эмпирический корпус исследования был сформирован на базе Британского Национального корпуса текстов (BNC); данных, собранных с помощью поисковой системы Google; а также путем сплошной выборки из художественных произведений: Б. Бейнбридж «Master Georgie» (Bainbridge 1998) и перевода романа на русский язык (Бейнбридж 2001) и П. Баркер «Regeneration» (Barker 1991).

Для решения поставленных задач, помимо традиционного контекстуального анализа фрагмента текста для выявления функций исследуемых структур, также использовался метод актуального членения. Анализ коммуникативной значимости исследуемых структур позволил сопоставить коммуникативный статус структуры и с ее местом в переводном предложении, а также выбором соответствующей русской структуры для передачи исходной предикативности. Для проверки сложности распознавания исследуемых структур была использована автоматизированная система перевода Google translator.

Результаты

Особенности инфинитива последующего действия с точки зрения перевода

Инфинитив последующего действия (далее ИПД) в английском языке полностью совпадает с инфинитивом цели/результата по форме,

но не по значению, ср.: *He came to island to die there* [Он приехал на остров, чтобы умереть там] (возможно, но маловероятно) vs [Он приехал на остров и там неожиданно скончался]. Или: *Portugal has extended its nationwide lockdown until 1 March to tackle its worst surge of Covid infections since the pandemic began* [Для того, чтобы остановить распространение самой мощной с начала пандемии вспышки Ковида, в Португалии карантин был продлен до 1 марта] (**цель**) (*здесь и далее перевод наш — Н. Б.*) vs *Portugal has extended its nationwide lockdown until 1 March to face with a new, more severe spike of infections* [Карантин в Португалии был продлен до 1 марта. К сожалению, за этим последовала новая, еще более серьезная вспышка заболевания] (**последующее событие**, неожиданное и малоприятное).

С одной стороны, провести различия между этими амбивалентными конструкциями и выявить их значения можно в результате контекстуального анализа. С другой стороны, ИПД вносит в текст дополнительную информацию, а также является средством создания экспрессии, что требует дополнительных усилий переводчика.

Сложность распознавания инфинитива последующего действия в тексте и необходимость контекстуального анализа для передачи этой предикативной структуры на русский язык подтверждает эксперимент с использованием программы Google translator. Для оценки распознавания ИПД программой машинного перевода в систему был введен несколько предложений из произведения П. Баркера «Regeneration» (Barker 1991) и получены следующие результаты:

- (1) *The swing doors banged open to reveal beds full of people* [Распашные двери с грохотом распахнулись, **открывая** кровати, полные людей].
- (2) *He woke to find Orme standing immediately inside the door* [Он проснулся и **обнаружил**, что Орм стоит прямо за дверью].
- (3) *Sarah looked away in embarrassment, only to realize she was herself the object of amused appreciation from all parts of the ward* [Сара смущенно отвела взгляд только **для того, чтобы понять**, что она сама была объектом насмешливого одобрения со всех уголков отделения].

Программе удастся отличить ИПД от инфинитива цели только в том случае, если используются глаголы со значением неожиданной находки, открытия: *to find, to reveal*, ср. переводы предложений № 1, 2. В остальных случаях

(№ 3) программа не распознает ИПД, приписывая данной структуре значение цели.

Многозначность данной конструкции и неопределенность ее статуса подчеркивают ее названия: в отечественной лингвистике это — инфинитив последующего действия (Крылова, Гордон 2011), инфинитив сопутствующего обстоятельства (Каушанская, Ковнер, Кожевникова и др. 2016). Отсутствие единства в терминологии подчеркивает, что характер действия, выраженного инфинитивом, трудно описать. В. А. Каушанская отмечает, что многие лингвисты относят инфинитив в функции сопутствующего обстоятельства к инфинитиву цели или результата (с чем трудно согласиться).

В англоязычных учебниках по грамматике данная конструкция получила название *the Infinitive as a connective link* (Thomson, Martinet 2001), *the Infinitive in the function of sequence* (Cotte 2008).

По мнению П. Котта (Cotte 2008), три функции инфинитива (цели, результата, последовательности событий), которые имеют одну синтаксическую структуру, в целом имеют много общего, поскольку развивают значение предлога *towards*, от которого произошла инфинитивная частица *to*, а именно «*motion directed towards and reaching*» (движение, направленное в определенном направлении для достижения некоей цели), ср.:

He sent over to find out why he had not seen me at the meeting (цель);

It is the story of a French singer (Yvette Guilbert) who rose from the gutter to become the idol of Paris cafe society in the 1890s (результат);

Quarrels in the past have been patched up between them only to break out again (последовательность событий) (OED online).

При этом автор утверждает, что значение цели у инфинитива имеет отношение к первой части данного определения — движение в определенном направлении. Что касается значений результата и последовательности событий, они относятся ко второй части данного определения — достижение некоей цели (Cotte 2008).

Как представляется, в третьем случае действие, описанное инфинитивом, не является намеренным, поэтому едва ли можно утверждать, что оно направлено на достижение некоей цели/результата. События в представленном примере: *мирились, но потом (неизменно/спонтанно) ссорились опять*, не связаны между собой.

В некоторых изданиях к инфинитиву последующего действия относят конструкции типа

he was shocked to discover (Сулейманова, Беклемешева, Карданова-Бирюкова и др. 2010), что можно оспорить. Во-первых, ИПД *всегда* является коммуникативным центром предложения, поскольку вводит абсолютно новую информацию (неожиданную, часто неприятную). Однако в приведенной выше конструкции ремой является информация об эмоциональной реакции субъекта, носителем которой является сказуемое (полная предикативная структура) — *was shocked*. Предложение можно перестроить без потери смысла следующим образом: *When he discovered (smth), he was shocked*. При перестроении предложения полупредикативная структура *to discover* разворачивается в полную предикативность и располагается в начале предложения, поскольку данная информация — причина последующего эмоционального состояния — менее значима, чем результат. Оба предиката связаны между собой причинно-следственными отношениями, соответственно, *to discover* не может считаться инфинитивом последующего действия, это инфинитив в функции причины. Это мнение представлено в грамматике Р. Квирка: *I was bored/furious to hear about it. (= To hear about it bored me/infuriated me. It bored me/infuriated me to hear about it.)* (Quirk 1972).

В целом, в силу отсутствия причинно-следственной связи между событиями в предложениях с ИПД, чаще всего инфинитив в данной функции образуется от глаголов с семантикой неожиданной находки, открытия: *he came to realize/to discover/to learn/to see/to hear/find/meet, etc.*

Ср.: *He had a tremendous quarrel with her in her flat and she had walked out and left him there, only to discover, when she returned three hours later, that he had shot himself.*

Другой важной характеристикой является терминативность данных глаголов. ИПД всегда вводит в текст действие, стремящееся к своему пределу, завершенности, в отличие от русских инфинитивных конструкций типа *Он бежать, да не тут-то было* (lit. *He run (inf) but here-yes was*) — *He started to run but he couldn't*, описанных в работе О. А. Сулеймановой (Suleimanova 2014).

Таким образом, главным отличием между инфинитивом последующего действия и инфинитивом цели/результата/причины является отсутствие зависимости между двумя действиями, что находит выражение в значении неожиданности, которое всегда присутствует в предложении с ИПД, усиленное терминативными

глаголами, от которых образуется данная инфинитивная конструкция, ср.:

He stopped just to find all eyes on him [Он остановился и понял, что оказался в центре внимания — все глаза были устремлены на него]. Для передачи эффекта неожиданности в русском языке могут использоваться дополнительные средства. При переводе практически всегда можно вставить дополнительные лексемы *вдруг, неожиданно: остановился и неожиданно / вдруг понял...*

Очень часто это значение в оригинальном варианте подчеркивается и с помощью слова *only, just*, ср.:

He left London to study business in the sleepy spa town of Bath, only to find himself missing the dynamism and fast pace of the tech industry [Он приехал на учебу в сонный Бат, и там **вдруг/неожиданно для себя** осознал, как ему не хватает продвинутых технологий, которые делают нашу жизнь столь динамичной].

При этом частица *to (to find)*, если следовать логике П. Котта (P. Cotte), скорее обозначает направление второго действия — оно происходит сразу же после первого, представляя именно последовательные события.

Чаще всего смена событий является быстрой, ср.:

He glanced up just to see a stranger on the neighboring roof [поднял глаза и тут же увидел]; *He entered the building to receive a heavy blow to his face* [В тот момент, когда он вошел здание, он получил сокрушительный удар в челюсть].

Впрочем, в некоторых случаях эти два действия значительно разделены во времени, ср. пример выше: *He came to the island to die there, or: I knew Portuguese fishermen sometimes lose their way in the fog, some never to be seen again* [Португальские рыбаки могут заблудиться в океане. Некоторые остаются в океане навсегда / Некоторые так и не находят дорогу домой]. Однако таких примеров гораздо меньше.

Неожиданное событие, следующее за действием, выраженным сказуемым, чаще всего носит для субъекта негативный характер, ср. примеры, приведенные выше, а также:

They made their way to the hotel only to find it gloomy and freezy cold [Они добрались до гостиницы, однако здание выглядело совершенно нежилым: промерзшие стены, темные окна].

Эмоции разочарования, отчаяния, сопровождающие неприятные события, могут передаваться при переводе эксплицитно:

They arrived at the port in the early morning just to find that the ship had gone [... и, к своему ужасу, обнаружили, что их корабль уже отчалил].

They applied for the patent on the invention, only to discover that someone had done it [Они подали заявку на патент и, к своему полному разочарованию, узнали, что кто-то их уже опередил].

Все вышеперечисленные значения определяют рематический характер ИПД, именно поэтому при переводе данную информацию можно выделять акцентно, с помощью дополнительных приемов и языковых средств. Например, с точки зрения точности передачи экспрессии оригинала неплохим вариантом перевода может стать членение предложения. Благодаря данному приему в повествовании создается пауза, которая хорошо передает эмоции человека при встрече с неожиданным/неприятным событием, ср.: *He came out to find the street dark and deserted* [Он вышел на улицу. Было темно и абсолютно безлюдно]. Или: *I have spent many hours looking for the examples for this presentations, only to discover that they are inappropriate* [Я потратил кучу времени, чтобы найти примеры для презентации. Как выяснилось, все зря — ни один не подошел]. В случае использования операции членения можно «сэкономить» на дополнительных лексемах-носителях экспрессивности, ср.: «Я потратил кучу времени, чтобы найти примеры для презентации и, к своему ужасу/горькому разочарованию, обнаружил, что ни одни из них не подходит».

Подводя итог, можно выделить следующие способы перевода ИПД:

- 1) введение в предложение дополнительных лексем со значением:
 - быстрой смены событий — *как сразу, в тот же момент, немедленно;*
 - разочарования — *к своему ужасу, полному разочарованию;*
 - неожиданности — *как вдруг, неожиданно, к моему удивлению* (при этом иногда эти значения могут быть взаимозаменяемы, ср.:

It seems like I have entered the university only to reconsider my expectations (разочарование) [Мне кажется, что **как только** я попал в университет, **сразу же** понял, что это не мое] (быстрая смена событий);

- 2) использование приема членения для создания экспрессивной паузы между двумя событиями при переводе;
- 3) при переводе экспрессивность может, как и в оригинале, создаваться контекстом и не требовать усиления при передаче на русский язык:

I woke up to find myself famous [Я проснулся и понял, что теперь значит vs Я проснулся и понял, что значит! / Я проснулся и **обнаружил**, что значит vs Я проснулся и, **к своему удивлению**, обнаружил, что стал знаменитостью! vs Когда я проснулся на следующее утро, все изменилось. Я стал значит].

Особенности английского независимого причастного оборота (абсолютной конструкции) с точки зрения перевода

С точки зрения структуры хорошо известной особенностью абсолютной причастной конструкции (АК) является наличие собственного субъекта, не совпадающего с субъектом матричного предложения, что делает данную полупредикативную конструкцию независимой. Редукция предикативности в данном случае выражается в использовании причастия I/II (*being*, которое может опускаться) вместо сказуемого, выраженного личной формой глагола, что создает эффект динамичности повествования, однако не сопровождается дополнительными значениями или экспрессией, как в случае с ИПД, ср.: *Researchers recorded 1,172 attacks on medical personnel in 2020, most of them in areas of conflict, with about 400 violent incidents linked directly to the coronavirus pandemic*. Эти особенности объясняют достаточно высокую частотность АК в языке СМИ. В художественной литературе употребление АК скорее определяется авторским стилем, ср. примеры из романа Б. Бейнбриджа «Мастер Джоржи» (пер. Е. Суриц) (Бейнбридж 2001):

I stood, resentment wriggling like a worm within my breast [Так стояла я, а сердце червем глодала обида]; *He was looking at me, eyes wide with surprise* [Он на меня смотрел большими от удивленья глазами]; *Behind, on the brow of the hill I saw Myrtle, arms stretched wide, circling round and round, like a bird above a robbed nest* [Сзади, на бровке, я видел Миртл, она широко раскинула руки и кружила, кружила, как птица над разоренным гнездом].

Структурные особенности АК достаточно полно описаны в лингвистической литературе, однако инструкции по поводу перевода данной конструкции трудно назвать исчерпывающими: в пособиях по переводу отмечается, что АК является носителем тематической/фоновой информации (что неверно) и подлежит разворачиванию в полную предикативную структуру — придаточное предложение (Сулейманова, Беклемешева, Карданова-Бирюкова и др. 2010).

Что касается коммуникативной значимости информации, представленной в АК, ее тематический или рематический характер, как представляется, определяется грамматической функцией АК в предложении. АК в функции обстоятельства времени и причины, как правило, являются носителями тематической информации, ср.:

АК в функции обстоятельства времени:

With winter approaching, you will want to wrap up warm while looking good.

АК в функции обстоятельства причины:

With those measures still in place, the EU and euro area economies are expected to contract in the first quarter of 2021/ But with vaccines distributed unequally by race, class and nationality, "it is not obvious that they are ethical".

Гораздо реже встречаются ситуации, когда АК в функции обстоятельства причины имеет статус ремы, ср.:

Data published on Thursday shows that 30% of applications are rejected, with many EU citizens unable to pass the paperwork test [Согласно последним данным, 30% заявлений отклоняется, *поскольку многие граждане ЕС не могут справиться с заполнением бумаг*].

В функции сопутствующего обстоятельства и образа действия АК всегда является носителем рематической информации, поскольку вносит в повествование уточняющие детали, ср.:

АК в функции обстоятельства сопутствующего действия:

Drugs designed to target the virus are a comparatively recent development, with major trials now in progress.

АК в функции обстоятельства образа действия:

Miss Lawson stood in the doorway smiling rather foolishly after them, her mouth a little open. His face in her hair, he whispered <...>.

Как представляется, основное различие между последними двумя функциями заключается в отношениях между субъектом АК и субъектом матричного предложения: если между ними существует метонимическая связь (по модели *часть-целое*, например, *he vs his lips/hands/knees*), это, как правило, обстоятельство образа действия, поскольку АК вносит информацию о том, как именно субъект совершил действие: *на его лице была улыбка, его губы шептали слова любви, в его глазах был упрек / плескался смех* и пр.

Если же субъекты АК и матричного предложения полностью независимы друг от друга, АК выступает в роли сопутствующего обстоятельства:

Health officials said pressures on the NHS were expected to continue to rise, with flu levels surging [В официальных кругах считают, что **нагрузка** на НСЗ вряд ли уменьшится, на данный момент **количество заболевших** только растет / поскольку **эпидемия продолжает распространяться**].

Drugs designed to target the virus are a comparatively recent development, with major trials now in progress [Препараты для борьбы с вирусом только начали разрабатываться, **на данный момент проводятся клинические исследования**].

С точки зрения передачи данной конструкции на русский язык выбор стратегии перевода, как представляется, обусловлен не столько различиями в значимости информации, вводимой АК в предложение, сколько стиливым регистром текста. Если текст носит публицистический характер, возможно сворачивание АК до русского отглагольного существительного / определения, ср. предыдущее предложение: «В официальных кругах считают, что нагрузка на НСЗ вряд ли уменьшится в связи с **резким ростом случаев инфекции**». Однако гораздо чаще случаи сворачивания предикативности при переводе наблюдаются при передаче тематической АК:

With company insolvency rising, analysts expect more and more wrongdoings to be revealed [На фоне роста числа **банкротств** аналитики предсказывают всплеск противоправных действий в бизнес среде] или [Растущее количество

банкротств дает основание предположить <...>].

With winter approaching, you will want to wrap up warm while looking good [С наступлением **зимы / В связи с приближающейся зимой** <...>].

Как показывает опыт и статистика, большая часть АК вносит в текст рематическую информацию. Самая распространенная функция АК с рематическим статусом — сопутствующее обстоятельство. В связи с тем, что субъекты АК и матричного предложения различны, самый частотный способ перевода АК в данной грамматической функции — это разворачивание включенной вторично-предикативной структуры в независимое полнопредикативное предложение. Иными словами, в русском языке переводческим эквивалентом становится сложносочиненное предложение:

There are fewer trees being planted in England than at any time since the Second World War, with a similar projection for this year [На сегодняшний день в Англии высаживается меньше деревьев, чем когда-либо, начиная со Второй Мировой войны, **при этом прогнозы на будущее также неутешительны**].

One of the most striking developments is the increase in depression and anxiety among young women in England, with more than a third reporting symptoms of distress [Одно из самых поразительных изменений в жизни общества — это рост количества случаев депрессивных и тревожных расстройств, **при этом более чем 30% данной статистики приходится на молодых женщин**].

The financial burden which alcohol-related harm places on society is not reflected in its market price, with taxpayers picking up a larger amount of the overall cost compared to the individual drinkers [Цена, которую обществу приходится платить за ущерб, связанный с чрезмерным потреблением алкоголя, никак не отражается на его цене, **поэтому большая часть этих расходов ложится на плечи рядовых налогоплательщиков**, а не на тех, кто злоупотребляет алкоголем].

К сожалению, на сегодняшний день в практически отсутствуют работы, в которых бы предлагались стратегии перевода с русского на английский с использованием АК. Однако в связи с большой распространенностью АК в английском языке данная задача представляется достаточно актуальной.

Результаты анализа позволяют сделать выводы, которые можно использовать как основу для переводческой стратегии при переводе с русского языка на английский. Во-первых, АК используется в полипредикативной структуре для описания минимум двух ситуаций, связанных между собой. Одна из ситуаций описывается с помощью полной предикативной структуры, вторая — полупредикативной (АК), причем использование редуцированной предикативности не означает ее сниженной коммуникативной значимости. Отношения между двумя ситуациями могут носить причинно-следственный характер или же АК может вносить уточнения в ситуацию, описанную в матричном предложении. При этом субъекты в каждой предикативной структуре разные, впрочем, они могут быть связаны между собой метонимическими отношениями. Как правило, АК, открывающая предложение, выполняет функцию причины/времени и вводится с помощью слова *with* (может опускаться): (With) + Субъект + Причастие I (если субъект сам выполняет действие); Причастие II (если действие совершается над ним); *being* (описывается состояние), может опускаться:

В связи с ростом цен — with prices (being) on the rise;

По окончании проверки — (with) inspection (being) over.

Ср.: *До Рождества оставалась всего ничего (причина), и все носились по магазинам, закупаая подарки. “With Christmas looming, people were hunting for presents”.*

Поскольку на море был шторм (причина), корабли остались в гавани. “(With) the sea being rough, the boats stayed in the harbour”.

Когда все уже были дома (время), мы сели за стол. “(With/once) everyone (being) at home, we sat down to table”.

Как правило, АК, которая находится в конце предложения, выполняет обстоятельственную функцию — образа действия/сопутствующего обстоятельства.

Он сидел (как?), положив руки на колени (обстоятельство образа действия). “He was sitting, (with) his hands on the knees”.

Она слушала пение птиц (как?) с закрытыми глазами (обстоятельство образа действия). “She was listening to bird song, her eyes closed”.

Он был готов и ждал меня, в руке у него была шляпа (сопутствующее обстоятельство).

“He was ready, waiting for me, (with) a hat (being) in his hand”.

Количество посетителей в день ограничено до трех человек в день, по всем вопросам рекомендуется обращаться онлайн (сопутствующее обстоятельство). “The number of visitors per day is limited to three people, with the authorities encouraging everyone to connect digitally”.

В результате пребывания в гостинице Президента парадный вход был перекрыт, на крышах близстоящих зданий дежурили вооруженные полицейские (сопутствующее обстоятельство). “President’s presence caused the hotel front door to be locked, with armed police patrolling the roofs”.

Иногда существует несколько вариантов для использования АК в рамках одного предложения. В АК можно «упаковать» как тематическую, так и рематическую информацию, ср.:

На фоне урезания социальных льгот и роста цен на аренду жилья (вариант 1, тема, обстоятельство причины) в Британии наблюдается резкий рост числа бездомных: с 2010 г. число тех, кому приходится спать на улице, выросло почти в два раза (вариант 2, рема, обстоятельство следствия).

1) **“With social benefits cut and rents soaring, Britain has seen a staggering rise in homelessness: the number of rough sleepers in England alone has doubled since 2010”.**

2) **“Britain has seen a staggering rise in homelessness, fueled by slashed social security benefits and soaring rents, with the number of rough sleepers doubled since 2010”.**

Таким образом, описанные выше стратегии могли бы облегчить решение практической задачи обучения использованию АК при переводе с русского языка на английский.

Выводы

Результаты, полученные в ходе исследования особенностей функционирования в речи английских полупредикативных структур и способов их перевода на русский язык, позволили выявить значительные расхождения в способах описания сходных ситуаций в английском и русском языках. При отсутствии аналогичных русских конструкций инфинитив последующего действия и абсолютная конструкция требуют значительных преобразований при переводе. Для достижения адекватности перевода важным

представляется не только анализ грамматической функции в предложении, семантики исследуемых единиц, но и значимости передаваемой ими информации в структуре предложения (актуальное членение). Именно совокупность данных направлений анализа помогает в выборе переводческой трансформации (сворачивание/разворачивание/опущение) для передачи предикативности и экспрессивного потенциала данных конструкций.

Не менее важно использование данных аутентичных конструкций при обратном переводе — с русского языка на английский.

Это требует целенаправленных усилий при обучении студентов на переводческих отделениях, и представляется выполнимой задачей.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Список сокращений

АК — Абсолютная конструкция

ИПД — Инфинитив последующего действия

BNC — British National Corpus, Британский Национальный корпус текстов

OED — Oxford English Dictionary

Источники

Бейнбридж, Б. (2001) *Мастер Джорджи*. М.: Иностранка; Б.С.Г.–Пресс, 190 с.

Bainbridge, B. (1998) *Master Georgie*. London: Abacus Publ., 212 p.

Barker, P. (1991) *Regeneration*. London: Penguin Books Publ., 251 p.

British National Corpus. (2022) [Online]. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc> (accessed 05.02.2022).

Литература

Беклемешева, Н. Н. (2011) *Интерпретация вторично-предикативных структур в перспективе актуального членения. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. М., Московский городской педагогический университет, 26 с.

Виноградов, В. В. (1975) Основные вопросы синтаксиса предложения: (На материале русского языка). В кн.: *Избранные труды: Исследования по русской грамматике*. М.: Наука, с. 254–294.

Каушанская, В. Л., Ковнер, Р. Л., Кожевникова, О. Н. и др. (2016) *Грамматика английского языка*. 8-е изд. М.: Айрис-пресс, 384 с.

Крылова, И. П., Гордон, Е. М. (2011) *Грамматика современного английского языка*. М.: Университет, 448 с.
Манаенко, Г. Н. (2006) Пропозиция и осложненное предложение. В кн.: К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева (ред.). *И. А. Бодуэн де Куртэнэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: материалы III Международных Бодуэновских чтений (Казань, 23–25 мая 2006 г.): в 2 т. Т. 2*. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, с. 68–71.

Николаева, Т. М. (2004) *Семантика акцентного выделения*. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 104 с.

Сулейманова, О. А. (2009) Вторичная предикативность в контрастивной перспективе (русский и английский языки). В кн.: Д. Б. Никуличева (ред.). *Контрастивные исследования языков мира. Материалы Третьих Лингвистических чтений памяти В. Н. Ярцевой (Москва, 12 октября 2009 г.)*. Вып. 3. М.: Институт языкознания РАН, с. 115–126.

Сулейманова, О. А., Беклемешева, Н. Н., Карданова-Бирюкова, К. С. и др. (2010) *Грамматические аспекты перевода*. М.: Академия, 240 с.

Сулейманова, О. А., Карданова-Бирюкова, К. С. (2021) Контрастивный анализ русских и английских «периферийных» синтаксических структур в переводческой перспективе. *Русистика и компаративистика*, № 15, с. 297–315. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.17>

Cotte, P. (2008) Subordination and the English Infinitive. *Études Anglaises*, vol. 61, no. 4, pp. 455–468 <https://doi.org/10.3917/etan.614.0455>

Quirk, R. (1972) *A Grammar of Contemporary English*. London: Longman Publ., 1120 p.

Souleimanova, O. A. (2014) English-to-Russian translation: Traduttore. Traditore (The Day of the Triffids). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 2, no. 7, pp. 312–319.

Suleimanova, O. A. (2014) Cognitive potential of atelic verbs. *Linguistic Insights: Studies on Languages*, no. 14, pp. 185–196.

Thomson, A. J., Martinet, A. V. (2001) *A practical English grammar. Exercices 1, 2*. Oxford: Oxford University Press, 382 p.

Sources

- Bainbridge, B. (2001) *Master Dzhordzhi [Master Georgie]*. Moscow: Inostranka Publ.; B.S.G.–Press Publ., 190 p. (In Russian)
- Bainbridge, B. (1998) *Master Georgie*. London: Abacus Publ., 212 p. (In English)
- Barker, P. (1991) *Regeneration*. London: Penguin Books, 251 p. (In English)
- British National Corpus*. (2022) [Online]. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc> (accessed 5.02.2022). (In English)

Dictionaries

- Oxford English Dictionary*. (2022) [Online]. Available at: <https://www.oed.com> (accessed 07.02.2022). (In English)

References

- Beklemesheva, N. N. (2011) *Interpretatsiya vtorichno-predikativnykh struktur v perspective aktual'nogo chleneniya [Interpretation of secondary predicative structures in the perspective of actual articulation]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Moscow, Moscow City University Publ., 26 p. (In Russian)
- Cotte, P. (2008) Subordination and the English Infinitive. *Études Anglaises*, vol. 61, no. 4, pp. 455–468 <https://doi.org/10.3917/etan.614.0455> (In English)
- Kaushanskaya, V. L., Kovner, R. L., Kozhevnikova, O. N. et al. (2016) *Grammatika anglijskogo yazyka [A Grammar of the English Language]*. 8th ed. Moscow: Airis-press Publ., 384 p. (In Russian)
- Krylova, I. P., Gordon, E. M. (2011) *Grammatika sovremennogo anglijskogo yazyka [Modern English grammar]*. Moscow: Universitet Publ., 448 p. (In Russian)
- Manaenko, G. N. (2006) Propozitsiya i oslozhnennoe predlozhenie [Proposition and complicated sentence]. In: K. R. Galiullina, G. A. Nikolaeva (eds.). *I. A. Boduen de Kurtene i sovremennyye problemy teoreticheskogo i prikladnogo yazykoznanija: materialy III Mezhdunarodnykh Boduenovskikh chtenij (Kazan', 23–25 maya 2006 g.): v 2 t. T. 2 [I. A. Baudouin de Courtenay and modern problems of theoretical and applied linguistics: Proceedings of the III International Boduen's readings (Kazan, 23–25 May 2006): In 2 vols. Vol. 2]*. Kazan: Kazan Federal University Publ., pp. 68–71. (In Russian)
- Nikolaeva, T. M. (2004) *Semantika aktsentnogo vydeleniya [Semantics of the stress group]*. 2nd ed., stereotype. Moscow: URSS Publ., 104 p. (In Russian)
- Quirk, R. (1972) *A Grammar of Contemporary English*. London: Longman Publ., 1120 p. (In English)
- Suleimanova, O. A. (2009) Vtorichnaya predikativnost' v kontrastivnoj perspektive (russkij i anglijskij yazyki) [Secondary Predicativity in Contrastive Perspective (the Russian and English languages)]. In: D. B. Nikulicheva (ed.). *Kontrastivnye issledovaniya yazykov mira. Materialy Tret'ikh Lingvisticheskikh chtenij pamyati V. N. Yartsevoj (Moskva, 12 oktyabrya 2009 g.) [Contrastive studies of the languages of the world. Proceedings of the Third Linguistic readings in memory of V. N. Yartseva (Moscow, 12 October 2009)]*. Iss. 3. Moscow: Institute of Linguistics RAS Publ., pp. 115–126. (In Russian)
- Suleimanova, O. A., Beklemesheva, N. N., Kardanova-Biryukova, K. S. et al. (2010) *Grammaticheskie aspekty perevoda [Grammatical aspects of translation]*. Moscow: Academia Publ., 240 p. (In Russian)
- Suleimanova, O. A., Kardanova-Biryukova, K. S. (2021) Kontrastivnyj analiz russkikh i anglijskikh “periferijnykh” sintaksicheskikh struktur v perevodcheskoj perspektive [Contrastive analysis of English and Russian “peripheral” syntactic constructions in translation perspective]. *Rusistika i komparativistika — Russian Philology and Comparative Studies*, no. 15, pp. 297–315. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.17> (In Russian)
- Souleimanova, O. A. (2014) English-to-Russian translation: Traduttore. Traditore (The Day of the Triffids). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 2, no. 7, pp. 312–319. (In English)
- Suleimanova, O. A. (2014) Cognitive potential of atelic verbs. *Linguistic Insights: Studies on Languages*, no. 14, pp. 185–196. (In English)
- Thomson, A. J., Martinet, A. V. (2001) *A practical English grammar. Exercices 1, 2*. Oxford: Oxford University Press, 382 p. (In English)
- Vinogradov, V. V. (1975) Osnovnye voprosy sintaksisa predlozheniya: (Na materiale russkogo yazyka). [Basic issues of sentence syntax: (Exemplified by the Russian language)]. In: *Izbrannye trudy: Issledovaniya po russkoj grammatike [Selected works: Russian grammar research]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 254–294. (In Russian)

UDC 8.81`2

EDN AZMVCH

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-101-109>

Inter-lingual correspondence between the conceptual systems of patent law in Russia and the United States

M. V. Bumakova^{✉1}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Mariia V. Bumakova,
SPIN: 3219-1517,
ORCID: 0000-0002-1715-436X,
e-mail: bumakovamv@mail.ru

For citation:

Bumakova, M. V.
(2022) Inter-lingual correspondence between the conceptual systems of patent law in Russia and the United States. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 4, no. 2, pp. 101–109.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-101-109>
EDN AZMVCH

Received 11 February 2022;
reviewed 10 June 2022; accepted
13 August 2022.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © M. V. Bumakova (2022). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. Due to its deep connection with international law and the requirement to register patents in every country where protection of an invention is sought, patent law requires an immense number of translations every year. Nevertheless, considerable diversity in national patent legislations around the world hinders translation of patent documentation because of significant terminology differences. This paper studies patent law terminology equivalence in Russian and U.S. patent law. The main objective is to identify concept correlation between the main patent law terms in the U.S. and Russian legal systems and to classify the identified term-pairs according to their degree of equivalency, pointing out problematic cases and suggesting ways of their resolution for better translation of documents in this field. This objective is reached through comparative definitional analysis of the key patent law terminological units extracted from legislation texts, monolingual term glossaries, and bilingual term dictionaries. Notwithstanding the predominance of full equivalents, the research shows that national patent law systems preserve their characteristic features which result in a significant number of partially equivalent and non-equivalent terms, many of which are related to the very basic patent law concepts such as patentability. However, no currently existing bilingual English-Russian or Russian-English dictionary provides up-to-date and accurate information about Russian and American patent law terms with all necessary remarks concerning possible differences between the concepts. The research results can serve as the basis for compilation of a specialised bilingual glossary of Russian and American patent terms which can be used as a reference during translation of patent documentation.

Keywords: term, terminology, equivalence, legal translation, patent, patent law, glossary

Introduction

Patent law is a field that requires an immense number of translations every year due to the requirement to register patents in every country where the protection of an invention is sought. According to the latest annual report published by Rospatent, in 2020 the Russian Federal Service for Intellectual Property issued 28788 new patents granting protection of an invention, of which 11607 patents belong to foreign applicants. Among foreign countries the U.S. has the largest number of effective patents registered in Russia (Rospatent. Godovoj otchet 2020). Thus, patent translation is in high demand in the translation market.

However, despite the deep connection between patent and international law, existing diversity of national patent law systems around the world results in multiple terminological differences that may cause significant challenges in translation of patent documentation (Shiflett 2015, 29–30). Terminological inaccuracy or ambiguity in translated texts may be as critical as to alter the scope of the patent, resulting in serious legal complications (Larroyed 2019, 355). Together with the rapid development of technology and international cooperation in science and business, this proves the importance of comparative research into patent terminology.

Most of the existing English-Russian and Russian-English dictionaries of patent terminology date

back to the 1970s and 1980s and are largely outdated because the patent law systems of both Russia and the U.S. have undergone significant changes since then. *The English-Russian Dictionary of Patents and Trademarks* by S. V. Glyadkov (Glyadkov 2004) lacks definitions and sufficient comments whenever it suggests several translations for a term, which can lead to errors due to misunderstanding of the concept designated by the term. A deeper analysis of the Russian and American patent terminology systems and their conceptual equivalency can provide a clearer understanding of the existing language practice and help suggest better ways of translation.

The aim of this paper is to study correspondence between patent law terminology in Russia and the U.S. The major objectives are to identify main concepts in the term systems of the U.S. and Russian patent law, classify the identified terms according to their equivalency, point out problematic cases and suggest ways of their resolution in order to achieve higher quality translation of patent documentation. In this paper *term* is understood as a unity of a concept of a specialised conceptual system and its designative unit (Rey 1995); *equivalence* is understood as *inter-lingual conceptual terminological equivalence* established at the level of concepts of individual words and phrases, which implies that two or more lexical units of different languages have the same or similar terminological meaning.

Method

The first step of the study was to compile Russian and English corpora of specialised texts related to patent law for the subsequent terminology extraction.

Unlike many terminology studies limited to the analysis of dictionary definitions, the present paper studies both reference texts and specialised texts that provide context for the functioning of the term.

The compiled corpora include monolingual patent term glossaries and bilingual law dictionaries, legislation texts, patent documentation, law textbooks, and websites of national and international organisations. The glossaries and dictionaries served as the primary source for the list of selected patent terms, which was later expanded with terms automatically extracted from other patent-related texts.

The term selection was based on the following criteria: a certain word or word-combination should be fixed to a specific concept of patent law and its usage in specialised texts should be consistent.

Apart from patent terminology, the glossaries included titles of legal acts and names of organisa-

tions; however, these lexical units were excluded from the final list of selected terms due to their obvious harmonisation and lack of clear definitions.

The selected terms were later combined into term-pairs. In cases where a term lacked an equivalent in the corresponding conceptual system, such term was paired with its possible translation variant. We understand a translation variant as a lexical unit that can be used to designate a concept of a foreign specialised field that is absent in the conceptual system of the target language.

Then, the identified term-pairs were classified into the following categories based on their equivalence: exact equivalence, partial equivalence (further subdivided into overlapping and one-to-many equivalence), and non-equivalence.

- 1) **Exact equivalence** — two terms in different languages refer to identical concepts.

Notably, exact equivalents can be called “exact” only relatively, since significant differences in national legal systems make absolutely equivalent terms impossible. Only terminology harmonisation in international law can achieve absolute equivalence. Certainly, international law significantly affects national patent law systems; nevertheless, differences persist to some extent. In this study, exact equivalents include terms which designate concepts coinciding in the essence of a legal phenomenon and the legal consequences arising in connection with this phenomenon.

- 2) **Partial equivalence:**
 - overlapping — two terms in different languages refer to concepts that share their characteristics only partially;
 - one-to-many equivalence — a single concept which exists in one concept system corresponds with two or more concepts in another concept system.

In this category the degree of equivalence is individual in each term-pair. Partial equivalents can be organised not only in pairs, but also in groups of terms, and in some cases they might include terms with a synonymous meaning.

- 3) **Non-equivalence** — a concept exists in one concept system but is absent in the other.

It might be possible to find a translation variant in the target language for a non-equivalent term; however, this does not make a corresponding concept appear in the legal concept system of the target language. Such translation variants only refer to the concept that exists in the concept system of the source language. This paper compares multiple translation variants and suggests new ones in cases where there are none.

The classification stated above is a modified version of a term equivalence classification suggested by A. V. Achkasov and based on the ISO 5964–1985 international standard that regulates compilation of multilingual thesauri which include equivalent terms necessary for inter-lingual exchange (Achkasov 2013, 6). Creation of such thesauri does not require harmonisation of the concepts; they only describe the current state of a language for specific purposes and record differences between the concepts.

The term equivalence classification includes the following categories:

- 1) exact equivalence;
- 2) inexact or near equivalence — concepts designated by the terms differ in few cultural characteristics but correspond in the most part;
- 3) partial equivalence — concepts designated by the terms differ significantly;
- 4) one-to-many equivalence;
- 5) non-equivalence.

Thus, the classification used in this paper combines inexact and partial equivalence since their

differentiation is based only on the degree of the discrepancy between the concepts (minor/major differences), which in many cases is impossible to determine objectively. Moreover, one-to-many equivalence is treated as a special case of partial equivalence.

Results and discussion

In total, 302 terms (145 Russian and 157 American) were extracted and later combined into 161 term-pairs. Non-equivalent terms were paired with their translation variants.

Based on the degree of their equivalency, term-pairs fall into categories as follows:

- 1) exact equivalence: 116 terms (63 PCT terms and 53 national terms);
- 2) partial equivalence: 25 terms (22 cases of overlapping and three cases of one-to-many equivalence);
- 3) non-equivalence: 24 terms (20 U.S. terms and four Russian terms).

Fig. 1 demonstrates this distribution in percentage terms.

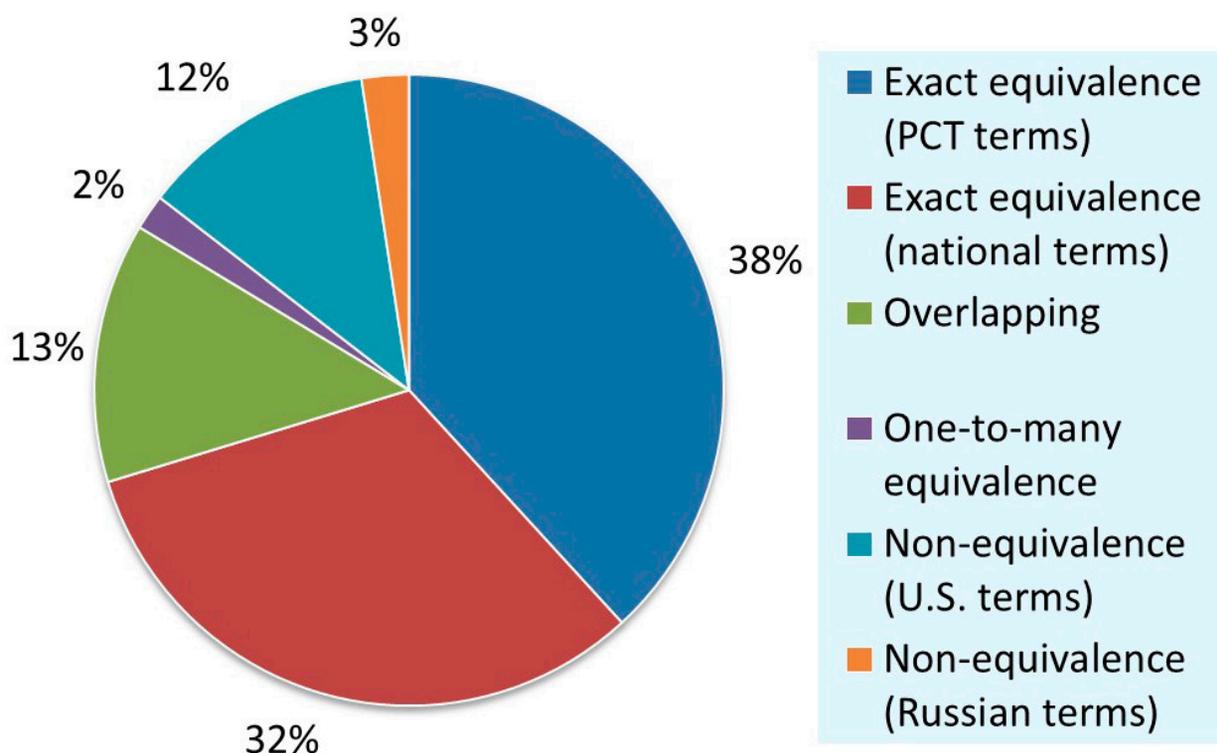

Fig. 1. Distribution of Russian and U.S. patent terms according to their equivalence

Let us review each category in detail and consider the most illustrative examples.

Exact equivalents

The majority of the terms belong to the exact equivalence category. This is due to the successful process of legal internationalisation and subsequent term harmonisation which is required for effective functioning of patent law as a significant part of international law (Gervais 2002). The terms are further subdivided into two groups: (1) international terms of the Patent Cooperation Treaty (PCT); and (2) terms of the national patent law systems.

PCT terms

Both Russia and the U.S. are contracting states of the Patent Cooperation Treaty that establishes a unified system of international patent applications — the PCT System. Based on the PCT and the PCT Instructions Annex, the World Intellectual Property Organization (WIPO) has published glossaries of the main PCT terms in the languages of the contracting states.

From a legal point of view, international treaties signed by the state become a source of law in this state; therefore, the PCT terms form an integral part of the U.S. and the Russian patent law systems. Although the PCT glossaries are monolingual, all terms are present in both the Russian- and the English-language glossaries. Comparison of the corresponding term-pairs revealed exact equivalence of the designated concepts, which, among other things, is obvious from the similar wording of definitions (see Example 1).

Example 1

Designated State

“a Contracting State indicated in the international application in which protection for the invention is sought” (PCT Glossary).

Указанное государство

«договаривающееся государство, указанное в международной заявке, в котором испрашивается охрана изобретения» (PCT Glossary).

Since the equivalence of the PCT terms was achieved artificially through harmonisation, these term-pairs are truly exact equivalents, unlike the second group (terms of the national patent law systems) which, as mentioned above, can be considered exact equivalents only relatively.

Nevertheless, the analysis indicated several cases where concepts have alternative designations despite the fact that corresponding terms (and their full

equivalents) are fixed in such an authoritative source as the PCT.

Example 2

A rather problematic case is the term *patent agent*. The PCT Glossary provides the following definitions for this term and the related Russian term *патентный агент*:

(patent) agent

“a person who has the right to practice before a national Office or PCT Authority and who may be appointed to act on behalf of an applicant for an international application” (PCT Glossary);

(патентный) агент

«лицо, которое имеет право на ведение дел в национальном Ведомстве или органе PCT и которое может быть назначено для совершения действий в отношении международной заявки от имени заявителя» (PCT Glossary).

However, in practice, Russian patent documentation often contains another name for such a person — *патентный поверенный*. Let us analyse what functions this person performs under the Russian legislation:

«Патентный поверенный осуществляет ведение дел с федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности по поручению заявителей, правообладателей и иных заинтересованных и иных заинтересованных граждан и юридических лиц <...> Патентными поверенными признаются граждане, получившие в установленном настоящим Федеральным законом порядке статус патентного поверенного и осуществляющие деятельность, связанную с правовой охраной результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, защитой интеллектуальных прав, приобретением исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, распоряжением такими правами <...>»¹ (Federal Law No. 316-FZ “On patent attorneys” 2022, article 1.2–2.1).

¹ “The patent attorney is responsible for solicitation with the federal executive governmental body charged with intellectual property matters on behalf of applicants, right-holders and other concerned citizens and legal entities... The following persons shall be deemed patent attorneys: citizens who have received in the procedure established by the present Federal Law the status of patent attorney and who are pursuing an activity relating to the legal protection of the results of intellectual activities and means of individualisation, protection of intellectual rights, acquisition of exclusive rights to the results of intellectual activities and

The definition reveals that the concept of *патентный поверенный* is much broader than that of patent agent, who performs only one function of the person called *патентный поверенный* (namely, “activity relating to <...> acquisition of exclusive rights”). Therefore, the WIPO’s attempt to create a separate lexical unit to designate this concept is justified.

Furthermore, the concept denoted by the Russian term *патентный поверенный* also correlates with the English term *patent attorney*. Indeed, the official translation of the Federal Law No. 316-FZ uses the latter to designate this concept.

Let us compare the definitions of *patent attorney* and *patent agent* in the glossary of the United States Patent and Trademark Office:

(patent) agent

“one who is not an attorney but is authorized to act for or in place of the applicant(s) before the Office, that is, an individual who is registered to practice before the Office” (USPTO glossary);

patent attorney

“an individual who is a member in good standing of the bar of any United States court or the highest court of any State and who is registered to practice before the Office” (USPTO glossary).

The main difference between these terms is that a patent attorney is a lawyer who has the right to perform any activity related to the protection of exclusive rights, including to represent the applicant and appear in court, while a patent agent is not a lawyer, but only a representative of the applicant during filing a patent application with the national patent office.

The analysis shows that *патентный поверенный* in the Russian Federation performs the functions of both the patent agent and the patent attorney; consequently, in practice, we are dealing with a partial equivalence of these terms, more specifically with one-to-many equivalence. Thus, although in theory the term *patent agent* has an exact Russian equivalent codified in a legal source, in practice a partial equivalent of this term is often used instead. To eliminate this inconsistency, we suggest the following approach:

patent agent — *патентный агент*;
patent attorney — *патентный поверенный*,

where a patent agent is a patent attorney appointed to act on an international application

means of individualisation and disposal of such rights <...>” (Official translation of Federal Law No. 316-FZ).

on behalf of the applicant before the national office or the PCT authority.

Terms of the national patent law systems

The second subgroup of the exact equivalents includes terms of the national U.S. and Russian legal systems that did not undergo harmonisation. Many pairs of national terms may be considered exact equivalents only relatively because their equivalence is determined on the level of the basic concept without taking into account differences of the procedural details or legal consequences.

Example 3

The terms *design patent* and *патент на промышленный образец* denote similar types of patents issued by the national patent offices of Russia and the U.S.:

design patent

“a patent issued for a new, original, and ornamental design embodied in or applied to an article of manufacture” (USPTO glossary);

патент на промышленный образец

«в качестве промышленного образца охраняется решение внешнего вида изделия промышленного или кустарно-ремесленного производства» (Civil code of the Russian Federation, Part 4, article 1352, sec. 1).

It is not obvious from the definitions, but these patent types have different validity periods (Design patent application guide 2022). This fact leads to a mismatch in the scope of the concepts and, therefore, using these equivalents in translation is possible, but in certain cases may require clarification.

Example 4

non-obviousness

“in order to be patentable, an invention must not be obvious to a person having ordinary skill in the art to which the invention pertains” (Patent glossary 2022);

изобретательский уровень

«одно из условий патентоспособности; изобретение имеет изобретательский уровень, если для специалиста оно явным образом не следует из уровня техники» (Civil code of the Russian Federation... 2022, article 1350).

The definition analysis indicates the exact equivalence of the concepts; however, this term-pair has several synonymous terms. While *non-obviousness* is a national term of the U.S. jurisdiction, in international law it is called *inventive step*:

“One of the requirements for patentability; an invention is considered to include an inventive step if it is not obvious to a skilled person in the light of the state of the art” (Glossary of relevant patent and related terms 2022).

Since *изобретательский уровень* is a calque of the term *inventive step*, the use of the latter instead of *non-obviousness* when translating from Russian into English might, at first glance, seem preferable. Nevertheless, this is only possible in international legal practice, while it is unacceptable to use this term in relation to the patentability requirement under the U.S. national law. A number of glossaries, including the “PCT glossary”, suggest the term *неочевидность* as an equivalent of *non-obviousness*. This term is found in a number of academic papers, but it is less common than *изобретательский уровень*. Moreover, Russian national legislation states only *изобретательский уровень* as a patentability requirement. Therefore, the usage of *неочевидность* in practice is not recommended.

Partial equivalents

Currently, there is no single international patent that could eliminate the need to file an application with national patent offices, and differences between national patent law systems still largely affect terminology. Including the terms in Example 2, 15% of the identified term-pairs belong to partial equivalents. This category demonstrates significant variation in meaning due to discrepancies in the Russian and the U.S. national patent systems.

Example 5

For instance, we can observe significant difference between the terms *right of attribution* and *право авторства*:

right of attribution

“the inventor shall have the right to be mentioned as such in the patent” (Gader-Shafran 2013, 76);

право авторства

«право признаваться автором изобретения, полезной модели или промышленного образца» (Civil code of the Russian Federation... 2022, article 1356).

In the Russian legal system, *право авторства* is a major right acquired with the grant of a patent—the right to prohibit all other persons in the country to call themselves authors of this invention. On the other hand, in the American legal system, the right of attribution as the right to be recognised as the author of a work refers mainly to copyright, while in patent law the implementation of this right

is limited to the text of the patent and does not imply any legal protection that would prohibit other persons from being called the authors of the invention in other cases.

Example 6

The following concept is one of the main patentability requirements under U.S. law:

utility

“a statutory requirement that a patent have some usefulness” (Glossary of patent terms 2022).

In Russian patent law it corresponds with the concept below:

промышленная применимость

«изобретение является промышленно применимым, если оно может быть использовано в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении, других отраслях экономики или в социальной сфере» (Civil Code art. 1350 sec. 4).

The U.S. Code states that in order to be patentable an invention should be useful (United States Code... 2022). Utility, or usefulness, has a much broader sense than applicability in a certain industry. In American law, the main point of utility is understood as the possibility to utilise properties of an invention in order to satisfy certain needs of people or bring them other benefits (Pilicheva 2016, 32).

The PCT glossary provides two synonymous equivalents for the term *utility*: *полезность* and *промышленная применимость*. The former synonym seems preferable as it refers to utility in a broader sense. In international law, the term industrial applicability is used when talking about *промышленная применимость*.

Example 7

An illustrative example of the one-to-many equivalence is the term *patentability* (referring to all possible subjects of patenting) that corresponds to two Russian terms at once: *охраноспособность* (used only in relation to new animal breeds and plant varieties) and *патентоспособность* (denoting other subjects of patenting):

patentability

“the ability of an invention to satisfy the legal requirements for obtaining a patent” (Glossary of relevant patent... 2022);

патентоспособность

«совокупность свойств технического решения, без наличия которых оно не может быть признано изобретением на основе действующего

в данной стране законодательства» (Dodonov, Ertaikov, Krylova et al. 2001, 377);

охраноспособность

«термин, применяемый для оценки селекционных достижений вместо термина патентоспособность» (Dodonov, Ertaikov, Krylova et al. 2001, 370).

In case of Russian-to-English translation where these terms occur in one sentence or in a close context and their distinction is necessary for the adequacy, *okhranosposobnost'* (transliteration) or *protectability* (calque) may be used to refer to *охраноспособность* with an additional explicatory comment from the translator.

Non-equivalent terms

15% of the analysed concepts lack equivalents due to asymmetry of national legal conceptual systems. Non-equivalent terminology is predominantly translated with calques.

A number of non-equivalent terms of the U.S. conceptual system reflect the national procedural features of filing applications.

Example 8

provisional application

“a U. S. national application for patent filed in the USPTO under 35 U.S.C. § 111(b). It allows filing without a formal patent claim, oath or declaration, or any information disclosure (prior art) statement. It provides the means to establish an early effective filing date in a nonprovisional patent application filed under 35 U.S.C § 111(a) and automatically becomes abandoned after one year” (USPTO glossary).

The definition itself reflects the fact that this type of application is a specific U.S. national patent application. This term is consistently translated into Russian as *предварительная заявка*; however, Russian patent law provides for no similar type of patent application. Thus, this translation variant refers only to the concept of American law.

Example 9

The term *provisional application* leads to another rather frequently used American term that has no equivalent in the Russian legal system — **patent pending** (or **PP**):

“It means that someone has applied for a patent on an invention that is contained in the manufactured item. It serves as a warning that a patent may issue that would cover the item and that copiers should be careful because they might infringe if the patent issues” (USPTO glossary).

Filing a U.S. provisional application entitles inventors to apply the patent pending mark on their product for 12 months. The Russian translation of this term is not unified; some of the most frequent translation variants are as follows: *патентная заявка находится на рассмотрении, патент заявлен, вопрос о выдаче патента рассматривается*.

Another group of non-equivalent American concepts is associated with types of claims. American patent law is complex and varied in this regard, unlike Russian patent law where most claims have the same structure: one sentence which includes a generic concept (reflecting the purpose of the invention), the prior art clause (indicating what the invention has in common with the closest prior art), and a characterising clause (indicating what distinguishes the invention from the closest prior art).

Example 10

For instance, the classic U.S. patent claim is an apparatus claim, which requires the applicant to describe the invention through its structure:

apparatus claim

“a claim directed to a machine, must be structurally different from the prior art (not just functionally different)” (Glossary of Patent Terms 2022).

A translation variant suggested in dictionaries is *формула изобретения на устройство* (АВВУУ Lingvo Live 2022; Glossarij dlya perevoda patentov... 2022; Multitran Dictionary 2022).

Example 11

Another common U.S. claim often used in the field of computer electronics describes the invention through its function instead of its structure:

means-plus-function claim

“a claim in which function rather than structure is recited; when a means-plus-function claim is properly used, the recited function corresponds to structure recited within the specification” (Glossary of patent terms 2022).

Multitran Dictionary suggests the following translation variant: *формула изобретения «шаг плюс функция»* (Multitran Dictionary... 2022). However, the application of this expression in patent-related texts is limited.

The existing variety of American claims as well as the requirements imposed on them by law cause challenges for translators, who often have to rewrite the claims completely. At the same time, knowledge

of the relevant terminology is necessary since the examiners of the US Patent Office utilise it to indicate the need to make corrections in the filed application.

All the identified non-equivalent Russian terms are associated with the national patent types.

Example 12

One of such patent types is the following:

патент на полезную модель

«в качестве полезной модели охраняется техническое решение, относящееся к устройству» (Civil code of the Russian Federation... 2022, article 1351, sec. 1).

A technical solution related to a device can be protected by both *патент на полезную модель* and *патент на изобретение* (U.S. *utility patent*), which protects a technical solution related to any product (including a device). The difference between the two is the term of the patent as well as the applicable patentability requirements (*патент на полезную модель* does not require an inventive step).

In the U.S. this type of patent is not granted, therefore, we are dealing with a non-equivalent concept. Despite the existing suggestion to translate the Russian term as *utility model* and vice versa (Multitran Dictionary), this is not recommended since it misleads the reader by referring to a different concept of the U.S. legal system. In international practice, this patent type (which exists not only in Russia) is usually called *utility model patent* (WIPO), which is a calque of the Russian term. The existing translation variant *useful model patent* (Glyadkov 2004) is uncommon and not recommended for use.

Conclusion

Notwithstanding the predominance of exact equivalents, for a number of terms their exact

equivalence is identified at the level of the basic concept, while a more detailed study of the procedural features and legal consequences associated with them reveals differences between the concepts. At the same time, a number of alternative equivalents are used in practice despite the fact that a different equivalent is stated in authoritative sources such as international treaties.

Furthermore, national patent law systems still preserve their characteristic features which results in a significant number of partially equivalent and non-equivalent terms, many of which are related to the very basic patent law concepts such as patentability.

All this may cause significant challenges for translators, especially those with little experience in this field. However, no currently existing bilingual English-Russian or Russian-English dictionaries provide up-to-date and accurate information about Russian and American patent law terms with all necessary remarks concerning possible differences between the concepts.

The research results can be used to compile a specialised glossary of Russian-American patent terms which can be used as a reference material during translation of patent documentation as well as the basis for further research—possibly, expanding the glossary by including terms from the related fields of intellectual property law.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Acknowledgements

I would like to express my deepest gratitude to Andrei V. Achkasov, the head of the Herzen University Institute of Foreign Languages, for his continuous guidance and assistance that helped to make this research possible.

Abbreviations

OECD—Organisation for Economic Co-operation and Development

PCT—Patent Cooperation Treaty

USPTO—United States Patent and Trademark Office

WIPO—World Intellectual Property Organization

Sources

ABBYY *Lingvo Live*. (2022) [Online]. Available at: <https://www.lingvolive.com/ru-ru> (accessed 07.08.2022). (In Russian)

Civil code of the Russian Federation—Part Four. (2006) *Federal Institute of industrial property*. [Online]. Available at: <https://new.fips.ru/en/documents/civil-code-of-the-russian-federation-4.php> (accessed 10.02.2022). (In English)

- Dodonov, V. N., Ermakov, V. D., Krylova, M. A. et al. (2001) *Bol'shoj yuridicheskij slovar'* [The Great Dictionary of Law]. Moscow: Infra-M Publ., 790 p. (In Russian)
- Federal'nyj zakon "O patentnykh poverennykh" ot 30 dekabrya 2008 g. № 316-FZ (poslednyaya redaktsiya) [Federal Law No. 316-FZ "On patent attorneys" of 30 December 2008 (as amended)]. [Online]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83197 (accessed 09.02.2022). (In Russian)
- Federal Law No. 316-FZ "On patent attorneys" of 30 December 2008 (as amended by Federal Law No. 200-FZ of July 11, 2011). (2008) *World Intellectual Property Organization*. [Online]. Available at: <https://wipo.int/ru/text/276926> (accessed 09.02.2022). (In English)
- Gader-Shafran, R. (2013) *The Patent Law Dictionary: United States Domestic Patent Law Terms*. Bloomington: iUniverse Inc. Publ., 250 p. (In English)
- Glossarij dlya perevoda patentov (anglijskij-russkij) [Glossary for patent translation (English-Russian)]. (2022) *Flarus Translation Company*. [Online]. Available at: <http://glossary-of-terms.ru/?do=g&v=323> (accessed 07.08.2022). (In Russian)
- Glossary of patent terms. (2022) *Morgan law offices*. [Online]. Available at: <https://patentaz.com/glossary-of-patent-terms/> (accessed 28.01.2022). (In English)
- Glossary of relevant patent and related terms. (2022) *Organisation for Economic Co-operation and Development*. [Online]. Available at: <https://www.oecd.org/env/consumption-innovation/48818649.pdf> (accessed 28.01.2022). (In English)
- Glyadkov, S. V. (2004) *Anglo-Russkij slovar' po patentam i tovarnym znakam* [English-Russian dictionary of patents and trademarks]. [Online]. Available at: <https://slovar-vocab.com/english-russian/patents-trademarks-vocab.html> (accessed 27.01.2022). (In Russian)
- Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federatsii (chast' chetvertaya) ot 18 dekabrya 2006 g. № 230-FZ [Civil code of the Russian Federation (Part Four) No. 230-FZ of December 18, 2006)]. [Online]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629 (accessed 10.02.2022). (In Russian)
- Multitran Dictionary. (2022) [Online]. Available at: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=1&l2=2&fl=1> (accessed 28.01.2022). (In English)
- Patent Cooperation Treaty glossary. (2022) *World Intellectual Property Organization*. [Online]. Available at: <https://www.wipo.int/pct/en/texts/glossary.html> (accessed 28.01.2022). (In English)
- Patent Glossary. (2022) [Online] *Brown & Michaels, PC*. Available at: <https://www.bpmlegal.com/content/patgloss> (accessed 27.01.2022). (In English)
- United States Code: Title 35. (2022) [Online] *Legal Information Institute*. Available at: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/35> (accessed 28.01.2022). (In English)
- United States Patent and Trademark Office Glossary. (2022) [Online] Available at: <https://www.uspto.gov/learning-and-resources/glossary> (accessed 28.01.2022). (In English)
- Utility models. (2022) *World Intellectual Property Organisation*. [Online]. Available at: http://www.wipo.int/patents/en/topics/utility_models.html (accessed 10.02.2022). (In English)

References

- Achkasov, A. V. (2013) *Osnovy dvuyazychnoj terminografii dlya perevodchikov* [Fundamentals of bilingual terminography for translators]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., 89 p. (In Russian)
- Design patent application guide. (2022) *United States Patent and Trademark Office*. [Online]. Available at: <https://www.uspto.gov/patents/basics/types-patent-applications/design-patent-application-guide> (accessed 07.08.2022). (In English)
- Gervais, D. (2002) The internationalisation of intellectual property: New challenges from the very old and the very new. *Fordham Intellectual Property, Media and Entertainment Law Journal*, vol. 12, no 4. [Online]. Available at: <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1232&context=iplj> (accessed 07.08.2022). (In English)
- Larroyed, A. A. (2019) *Translation accuracy and dissemination of disclosure of patent information: An analysis of translation and its influence on patent law*. PhD dissertation (Linguistics Studies). Maastricht, Maastricht University. [Online]. Available at: <https://doi.org/10.26481/dis.20190925al> (accessed 07.08.2022). (In English)
- Pilicheva, A. V. (2016) *Lekarstvennye sredstva kak obekty patentnykh prav* [Medicines as subject matter of patent rights]. Moscow: Infotropik Media Publ., 184 p. (In Russian)
- Rey, A. (1995) *Essays on Terminology*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 223 p. <https://doi.org/10.7202/002029ar> (In English)
- Rospatent. *Godovoj otchet 2020* [Rospatent. Annual report 2020]. (2020) [Online]. Available at: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2020-ru.pdf> (accessed 27.01.2022). (In Russian)
- Shiflet, M. M. (2015) Functional equivalence and its role in legal translation. *English Matters*, no. 3, pp. 29–33. (In English)

Научно-ориентированная метафора как средство интерпретации восприятия мира автором vs поэтический перевод

А. В. Гунсурунова^{✉1}

¹ Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а

Сведения об авторе

Анна Викторовна Гунсурунова,
SPIN-код: 4509-8662;
ORCID: 0000-0003-1637-7198;
e-mail: Ann03ann@mail.ru

Для цитирования:

Гунсурунова, А. В.
(2022) Научно-ориентированная метафора как средство интерпретации восприятия мира автором vs поэтический перевод. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 4, № 2, с. 110–119.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-110-119>
EDN GIKTSY

Получена 1 февраля 2022; прошла рецензирование 4 августа 2022; принята 27 сентября 2022.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. В. Гунсурунова (2022) Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен переводческой интерпретации концептуально-метафорических конструкций поэтических текстов как основной проблемы переводческого посредничества. В качестве материала для исследования выступили лирические произведения И. Э. Ключанова, характеризующиеся особой глубиной авторской репрезентации мира в языке и языка в картине мира человека. Вероятность искаженной интерпретации открытых для множества смыслов текстов, которая в дальнейшем ставит вопрос о присуждении им статуса перевода и о возможности их адекватной перцепции принимающей культурой, определяет главную задачу перевода — интерпретировать замысел произведения, максимально приближенно к авторскому. В транслатологии интерпретация текста на таком уровне возможна при когнитивно-дискурсивном подходе. В этой связи на начальном этапе перевода возникает необходимость моделирования и прогнозирования процессов преобразования авторской мысли в языковую оболочку. В работе внимание фокусируется на таких знаковых единицах, как метафоры, которые в большей степени проецируют механизмы концептуализации мира автором. В качестве основного подхода к отбору моделирующих метафорических единиц в исследовании предлагается рассмотреть когнитивно-дискурсивный метод интерпретативных репертуаров М. Уезерелл и Дж. Поттера, позволяющий сконструировать научно-ориентированную систему авторского мировосприятия и проследить пути реализации данной системы в переводе стихотворений. В статье проводится сопоставительный анализ переводов стихотворений И. Э. Ключанова, выполненных переводчиками разных уровней, и дается оценка вариантов перевода в соответствии с базовыми критериями, выведенными в ходе исследования и ориентированными на выполнение основных задач посредничества в рамках поэтического перевода. В заключении подчеркивается необходимость предпереводческого этапа в межкультурном и межличностном посредничестве, а также приводятся рекомендации к поэтическому переводу дискурсов со схожим научно-ориентированным концептуальным пространством И. Э. Ключанова.

Ключевые слова: перевод, поэтический перевод, метафора, концептуальная метафора, когнитивный, дискурсивный анализ, интерпретативный репертуар

Scientific-oriented metaphor as an author's perception interpreting tool vs poetic translation

A. V. Gunsurunova✉¹

¹Buryat State University named after D. Banzarov, 24a Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Author

Anna V. Gunsurunova,
SPIN-код: 4509-8662;
ORCID: 0000-0003-1637-7198;
e-mail: Ann03ann@mail.ru

For citation:

Gunsurunova, A. V.
(2022) Scientific-oriented metaphor as an author's perception interpreting tool vs poetic translation. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 4, no. 2, pp. 110–119.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-110-119>
EDN GIKTSY

Received 1 February 2022;
reviewed 4 August 2022; accepted 27 September 2022.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. V. Gunsurunova (2022). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The paper considers conceptual and metaphorical construction interpretation in a poetic translation as the main issue of the translation mediation. This research studies semantically deep poems of I. E. Klyukanov, a distorted interpretation of which may cause following problematic issues: poetic texts translation status determination and their adequate perception by the host culture. Hence, the main object of translation is to get to the closest level in the interpretation of author's ideas. Therefore, the research suggests using cognitive-discursive approach to metaphors to predict the transformation processes of the author's thought into a linguistic sign. The approach of interpretative repertoires by M. Weatherell and J. Potter to metaphorical units of Klyukanov's texts allows to reveal his scientifically-oriented world conceptualizing mechanisms in perception of reality and to trace the ways of implementing these mechanisms in translations of his poems. The article provides the comparative analysis of Klyukanov's poems translations in 3 different levels and their assessment in accordance with the criteria based on the implementation of the main aspects of poetic translation. In conclusion the article highlights the necessity of pretranslation phases in translatology and gives recommendations on further translations and interpretations of poetry with similar scientifically-oriented conceptual space as Klyukanov's texts.

Keywords: translation, poetic translation, metaphor, conceptual metaphor, cognitive approach, discursive analysis, interpretative repertoire

Основания психолингвистических и герменевтических аспектов поэтического перевода

Поэзия, как писал Е. Г. Эткинд, это «высшая форма бытия национального языка» (Эткинд 1963, 3), и, наверное, он бы согласился с мнением, что это высшая форма бытования языка в культуре. Скрытое в хитросплетении слов и метафор своеобразии поэтического дискурса обычно предстает перед нами как неведомый мир на дне глубокого озера, где читателю остается лишь место созерцать тихую гладь над водой. Деметафоризируем присущее жанру толкование: глубокие воды поэзии формируются культурно-концептуальным и когнитивно-личностным интерпретативным потенциалом — авторский идиостиль, обусловленный и уникальностью механизма мировосприятия, формирующегося в условиях амбивалентности культурного и литературного развития определенного языкового сообщества, к которому принадлежит автор; а также репрезентирующий диверсификативный характер уровневых пара-

дигмальных систем вербализации языковой картины и вариативность их соотношений между собой и т. д. (Алефиренко 2002).

Поэтический текст становится сложной для понимания и интерпретации системой прежде всего для носителя другой культуры, что значит, именно перед переводчиком стоит задача ныряния как можно глубже в поэтический омут для ре-/де-интерпретации оригинальных смыслов и соответствующего облегчения процесса восприятия читателем, представляющим вторую культуру. Так, для финального достижения определенной степени приближения к автору в голове переводчика, вне сомнения, должен иметься и актуализироваться арсенал тактических ходов. Одним из актуальных векторов (пред)переводческой деятельности в данном аспекте выступает верное истолкование семантической значимости исследуемого дискурса, детерминированной когнитивно-социальными условиями его формирования (Кубрякова 2000). Сопутствующей, при этом более сложной, проблемой переводчика становится трансляция уникальности переводимого текста в принима-

ющей культуре, т. е. умение саму мысль и систему смыслов оставить чуждыми, используя «домашний» инвентарь языка-2.

На предпереводческом этапе мы исходим из того, что для перцепции переводчиком оригинального текста, а в дальнейшем, соответственно и реципиентом, необходимо определить «коммуникативный паспорт» автора (термин введен И. А. Стерниним) и смоделировать в релятивном масштабировании функциональную систему его ментального пространства, обусловленного дискурсивной ситуацией создания исходного текста (далее — ИТ)» (Дашинамаева, Гунсурунова 2020). Данный подход позволяет в относительной полной степени раскрыть индивидуальное смысловое содержание текста, а также идентифицировать один или несколько из множества граней дискурсивной личности. Анализируя фундаментальные работы, поднимающие вопрос поэтического перевода (Алефиренко 2002; Гарбовский 2004; Комиссаров 1990; Швейцер 1988), можно сделать вывод, что художественно-поэтический пласт произведений транслирует способы взаимодействия когнитивного механизма автора с окружающей нас действительностью, характеризует особенности конструирования и систематизации эмпирических знаний о внешнем мире. В связи с этим, когнитивно-дискурсивный анализ подобных текстов способствует пониманию индивидуальной манеры авторского повествования.

Для выявления метафорического репертуара и способов его вербальной манифестации в тексте перевода (далее — ПТ) предлагается рассмотреть эксплуатируемые в лирическом тексте метафорические образы как основные средства репрезентации концептуально-ценностной картины мира и когнитивной системы автора (Дашинамаева 2017; Lakoff, Johnson 2003).

Метафорический репертуар как инструмент дискурс-анализа

Исходя из гипотезы об индивидуальной флуктуативности концептуально-образной природы метафор, мы предполагаем, что метод выделения интерпретативных репертуаров применим к анализу личностного дискурса как средства само-объективации сознания, в частности, в поэтических текстах, которые отличаются метафорической вариативностью. Выявление интерпретативных репертуаров поэтических текстов способствует формированию релевантной интерпретации авторского замысла, конструируя таким образом метамодель миропонимания автора.

В данном аспекте понятие «дискурс» рассматривается как объект межкультурной и межличностной коммуникации: раскрытие данного феномена сводится к изучению единиц языка в условиях социального взаимодействия, а также к экспликации полисферной структуры участников коммуникации посредством выводного знания многофакторного анализа дискурсивной ситуации (Степанов 1995). Ввиду культурной детерминации дискурса, при его интерпретации переводчику следует учитывать такие элементы, как культурно-маркированные слова, сценарии, модели и фреймы (Кибрик, Плунгян 2002).

Применение идей дискурсологии в переводческом анализе мотивируется нацеленностью на эффективность выполнения основных переводческих задач, в частности, анализ фокусируется на достижении максимально тождественной внешней и внутренней аутентичности текста, которая реализуется в условиях интеграции двух или трех языковых систем (с учетом языковой системы переводчика), их норм и узусов, а также «правильным» вскрытием потенциала смысловых и концептуально-смысловых составляющих ИТ (Дашинамаева, Гунсурунова 2020).

Одним из актуальных способов экспликации трансцендентального сознания в практике критического дискурс-аналитического исследования считается психолингвистический метод изучения интерпретативных репертуаров, предложенный Дж. Поттером и М. Уезерелл. Данный подход строится на дискурсивной психологии, в ходе которой раскрываются и анализируются интерпретативные репертуары в системе взаимосвязанных языковых конструкторов, обладающих определенной общей стилистической, грамматической и семантической корреляцией (Potter, Wetherell 1987). Многогранный характер данного подхода определяет метафорические репертуары как эффективный инструмент когнитивной диагностики текста, суть которой сводится к аналитической и рефлексивной природе взаимодействия человека с миром. Обыденная система миропонимания индивида при дискурсивном столкновении с несвойственными ей моделями поведения и когнитивными схемами (мыслительными, эмоциональными и перцептивными) определенного общественного сознания входит в состояние хаоса (диссонанса), выход из которого находится при интериоризации тех самых схем. В результате бифуркационного воздействия особенностей культуры продуцируются репертуары, которые, с точки зрения автора, характерны для той или

иной коммуникативной ситуации и вероятнее всего могут оказывать сильное воздействие на читателей (Дашинимаева, Гунсурунова 2020).

Лингвокогнитивный анализ переводов лирики И. Э. Ключанова

Аппликативность данного подхода была апробирована в дискурсивном анализе поэтических произведений доктора филологических наук, автора публикаций по проблемам теории и философии коммуникации, языка и культуры, семиотики и перевода И. Э. Ключанова (проф. кафедры коммуникативных исследований Восточно-Вашингтонского университета, США).

Как нами ранее было показано (Дашинимаева, Гунсурунова 2020), основной исследовательской задачей выступает изучение механизма систематизации когнитивного пространства дискурсивной личности и средств конструирования лирического дискурса. В ходе исследования были проанализированы стихотворения из сборников «Резюме» (Ключанов 2015) и «Приставная лесенка» (Ключанов 2020). Согласно результатам проведенного исследования, было определено, что в дискурсивное пространство стихотворений И. Э. Ключанова входят метафорические модели, образованные особыми ассоциативно-деривационными связями. Предлагаемый метод совместно с корпусным подходом к исследованию лингвистических данных позволил выявить основные метафорические репертуары произведений И. Э. Ключанова и определить их процентное соотношение. В ходе анализа объектов, образующих метафорические модели, были образованы два тематических интерпретативных репертуара: *метаязыковая метафора (55%)* и *этнокультурологическая метафора (45%)*.

В количественном соотношении метаязыковая метафора преобладает в дискурсивном пространстве автора, что свидетельствует о доминировании научной направленности в когнитивных системах восприятия и конструирования мира автором во время написания заданных произведений. Одним из возможных объяснений такого вывода может быть тезис о том, что творческий механизм познания внешнего мира во многом предопределяет приоритетность выбора метафор как способа изложения состояния и контента индивидуальной системы значений в поэтической форме.

Исходя из теоретического исследования проблемы и полученных результатов исследования становится возможным сформулировать ключевые критерии анализа и оценки переводов поэтического дискурса И. Э. Ключанова: соот-

ветствие ПТ концептуально-смысловому пространству ИТ и трансляция «научной основы» авторской мысли в плане релевантной передачи интерпретативного метафорического репертуара; соответствие ПТ прагматическому аспекту ИТ в плане сохранения или видоизменения метафорических значений ИТ в условиях новых параметров — нормы, узуса, стиля — второго дискурсостроения.

Для релевантного анализа материала предлагается сформулировать следующие гипотезы:

- 1) Поскольку исследуемым материалом является лирика, отображающая научно-философский дискурс личности, главенствующую позицию в переводе занимает достижение концептуально-семантической и прагматической адекватности. Создание максимально приемлемого вторичного текста — с точки зрения непротиворечивого взаимодействия нормы, узуса, стиля с метафорическим составом — обосновывает трехмерное восприятие ПТ в смысловом и прагматическом аспектах. Однако достижение тождественности оригинального восприятия исключается в силу разницы миропонимания читателями контактирующих культур.
- 2) Абсолютизация формы приводит к различным видам буквализма — смысловому, стилистическому (переводческому формализму), прагматическому (нарушению индивидуального авторского стиля), что свидетельствует об утрате статуса перевода целевого текста (Сорокин 2003).

В рамках данного исследования было проанализировано три перевода стихотворения И. Э. Ключанова из сборника «Резюме» и два перевода стихотворения из сборника «Приставная лесенка». Примечательно то, что варианты представляют переводчиков разных уровней: автоперевод (Перевод 1), перевод американской поэтессы¹ (Перевод 2) и любительский перевод анонимного переводчика (Перевод 3).

При изучении исследуемого материала можно проследить, как автор описывает свое отношение к предметному миру посредством выбора определенных метафорических выражений:

Пусть в начале было слово; Пусть все сотворено мерою и числом; И тогда, может быть, сумеешь проникнуть <...> В самую суть

¹ Имя оставляем анонимным, поскольку отсутствует официальное согласие с ее стороны на включение вариантов перевода в анализ для публикуемого материала.

самого Логоса; Лучше слушай ровно столько, сколько потребуется, первое слово дороже второго и т. д.

В связи с тем, что переводческая работа осуществляется в условиях прямого взаимодействия с ИТ, на стадии предтрансляции переводчик взаимодействует со сложным когнитивно-семантическим конструктом, в связи с чем возникает ряд проблем в понимании и толковании специфических в плане перевода смыслов-значений. Например, в стихотворении «Пусть в начале было слово ...» (Клюканов 2015, 23) трудности при переводе, вероятно, могут возникнуть на этапе истолкования рельефных слов и структур, указывающих на наукообразность картины мира автора:

*Пусть в начале было слово,
Пусть все сотворено мерою и числом,
Все равно не старайся сказать обо всем,
Все равно первое слово дороже второго,
Не говоря уже о третьем, четвертом, пятом или шестом.
И не считай, и не считайся — все это дело пустое.
Лучше слушай ровно столько, сколько потребуется,
Чтобы услышать, как точка становится запятой,
Как с цветка слетает пыльца;
И тогда, может быть, сумеешь проникнуть, словно оса,
В самую суть самого Логоса.*

Здесь к рельефным знакам отнесем следующие концептуально-метафорические модели: *Пусть в начале было слово*²; *Пусть все сотворено мерою и числом*³; метафорические сравнения: *И тогда, может быть, сумеешь проникнуть, словно оса* (точность познания многомерной природы слова подобно движению жала осы); *Чтобы услышать, как точка становится запятой* (противопоставляются значения понятий «точка» и «запятая»: точка — конец действия, запятая — намерение продлить жизнь данного действия).

Из сказанного следует, что релевантность интерпретации ИТ переводчиком достигается при условии приближенного соответствия авторского научно-концептуального миропонимания той картине мира, которая формиру-

ется в результате анализа метафорического репертуара.

На наш взгляд, Перевод 1, Перевод 2 и 3 (см. Приложение 1) в целом отвечают авторскому коммуникативному намерению, т. к. анализируемые варианты трансляции авторского текста в системе английского языка, хоть и в разной степени, но, тем не менее, сохраняют мотив и коммуникативную задачу лирического произведения. Исследуемый материал также не допускает явных семантических сдвигов в интерпретации ИТ, несмотря на это, является необходимым проследить и изучить, каким образом формируется переводческое решение в выборе тех или иных форм передачи значения знака оригинала, а также прояснить мешают ли эти отличия сохранять исходную научно-ориентированную картину мира.

- Интерпретация авторского замысла

Автор допускает вероятность события, но не утверждает ее истинность в метафорической конструкции *Пусть в начале было слово*, которая передана такими сочетаниями, как “*Let’s say <...>*” (Перевод 1), “*In the beginning was <...>*” (Перевод 2), “*The word may have been <...>*” (Перевод 3). Как видно, во втором варианте вероятностный характер идеи претерпевает семантический сдвиг, т. е. модальность уже носит постулирующий характер, что, возможно, связано с глубиной веры переводчика 2 в библейскую истину.

То же самое наблюдается в случае, описывающем рекомендацию: *лучше слушай ровно столько, сколько потребуется*. Преобразование в целевом коде выглядит следующим образом: “*Better listen to just as long as needed*” (Перевод 1), “*Better to listen only as long as required*” (Перевод 2), “*Better listen for as much as you need*” (Перевод 3). Второй переводчик не советует, а настаивает, что, вероятно, обусловлено своим пониманием природы этики коммуникации.

- Узуальные признаки

Пословица *Первое слово дороже второго* является довольно универсальной устойчивой единицей, соответственно, дословная передача с сохранением узуса не должна мешать сохранению ее смысла: “*The first word is worth more than the second*” (Перевод 1), “*The first word is more valuable than the second*” (Перевод 2), “*The first word is more precious than the second*” (Перевод 3). Однако наше первичное предположение следует скорректировать ввиду результатов более детального анализа. Третий вариант

² Фраза, с которой начинается «Евангелие от Иоанна», является одной из самых популярных библейских цитат.

³ Фраза, взятая из «Книги Премудростей Соломона», которая проповедует размышления о Боге (допускается то, что Бог — это Великая Сила, которой ничего подобного не может быть противопоставлено, однако в противовес ставятся утверждения об уникальности Бога и отсутствии причин появления таких понятий, как мера, вес и число).

more precious все-таки менее предпочтителен в смысле сочетаемости, тогда как остальные два контекстуально уместны: второй сохраняет аутентичный предметный узус, при этом первый вариант, не говоря о соблюдении метрики текста, предлагает взглянуть вглубь семантики оценочного слова *дорогой*, выполняя его логическое развертывание и указывая на его смысло-созидательную функцию. Другими словами, *worth* эксплицирует идею искренности быстрого сказанного первого слова, т. к. второе слово обычно подвергается внутренней ревизии (здесь, вне сомнения, выступая в роли переводчика и помня, ЧТО он имел в виду в заданном контексте, автор проявляется как ученый-психолингвист).

- Трансляция авторской метафоры

<...> *И тогда, может быть, сумеешь про-никнуть, словно оса, в самую суть самого Логоса* передается с сохранением метафоричности в Перевод 1 “And then maybe you’ll see through, like a wasp”; Перевод 2 “Maybe then you will fathom the essence of Logos” деметафоризирует исходное выражение удалением осы из контекста, возможно, связанным убеждением переводчика в том, что такое сравнение, во-первых, утяжеляет восприятие идеи реципиентом; во-вторых, не укладывается в концептуальную систему представителя американского лингвокультурного сообщества; Перевод 3 “Then, maybe, you will be able to get, like a wasp Into the very essence of the Logos itself” сохраняет концептуальность авторской метафоры, не обрамляя ее рамками принимающей культуры, тем не менее, данное переводческое решение может быть мотивированно неоднозначно: переводчик сохраняет метафору с целью передачи авторского характера повествования; или данное решение обусловлено интенцией переводчика «облегчить» свою задачу, не углубляясь в суть авторской идеи, о чем также свидетельствует преобладание разговорного стиля при трансляции десигнативных значений.

Другое стихотворение Ключанова (Ключанов 2020, 47) по своему содержанию воспроизводит ту же авторскую традицию жизнеописания, как и предыдущий поэтический дискурс, однако, в данном случае особого внимания требуют некоторые фрагменты, смысловая проекция которых может вызвать у переводчика определенные затруднения:

*И кажется, пропал навеки след,
А грань меж сутью и существованьем
Уже давным-давно сошла на нет
И остается лишь одним названьем.
Но он, как ты и я, когда-то жил
До самой до последней до минуты;
Тускнеет постепенно цвет чернил
И бесконечно длится вкус цыкуты.*

Данный фрагмент демонстрирует эксплицитный потенциал лирического произведения: на протяжении всего стихотворения автор обращается к неизвестной личности, о чем свидетельствует использование местоимения *он*. Анализ метафорического репертуара т. е. метафорических моделей, фигурирующих в рамках данного дискурса (*суть и существование; тускнеет цвет чернил; бесконечно длится вкус цыкуты*), позволяет определить целостную смысловую систему ИТ, а именно тематику Сократовской биографии. Каждый смысловой элемент интерпретационного репертуара воссоздает некоторые события (или соответствует фактам) из жизни древнегреческого философа, что дает нам возможность предположить о наличии у автора текста некоторой солидарности с философскими взглядами Сократа на восприятие окружающей нас действительности; вероятно, автор, находя отклик в философском мышлении, и, проводя аналогию с личной системой жизнеописания, обращается к выбору данных метафорических атрибутов.

Что касается переводов (см. Приложение 2), несмотря на определенное различие смысловой нагрузки текста в них наблюдаются идентичные тенденции в фокусировании внимания на прагматическом и стилистическом аспектах перевода: автоперевод передает не только концептуально-семантическую сторону подлинника, но и его технические, а также стилистические характеристики, в связи с чем и детерминирован трансформационный инструментарий переводчиков: *пропал навеки след* “the trail is lost forever”; *давным-давно сошла на нет* “faded long ago”; *Но он, как ты и я, когда-то жил* “But he, as you and I, once lived”.

Как нам представляется, вариант, выполненный анонимным переводчиком (Перевод 3), соответствует коммуникативным интенциям и сохраняет в определенной мере поэтическую форму, однако стилистика текста не формируется на основе совокупного привлечения таких формальных средств как ритм, размер, рифма: *пропал навеки след* “the trace is gone forever”; *давным-давно сошла на нет* “Has disappeared long ago”; *Но он, как ты и я, когда-то жил*

“But he, like you and I, lived at some point”. Для данного перевода также характерна относительная стабильность в прогнозировании авторских идей, например, смысловая экспликация местоимения “he” (значение которого мы рассмотрели ранее) реализуется на соответствующем уровне, однако интерпретация фразы *И кажется, пропал навеки след* явно вызвала у переводчика некоторые трудности. Так, переводчик акцентирует внимание на передаче слова *след* “trace”, перевод которого он совершает, опираясь на переводческую интуицию, подбирая первое словарное значение.

Выводы

Наукообразная составляющая концептуальной картины мира автора, выраженная в отборе специфических метафор и метафорических сравнений, в анализируемых переводах отражена в разной степени. В соответствии с выделенными критериями оценки и проведенным анализом можно сделать следующие выводы:

- Перевод 1 транслирует интерпретацию ИТ максимально-доступного уровня, отражающегося в оптимальной передаче смыслового и прагматического аспекта метафор подлинника, которые, таким образом, не теряя индивидуальности авторского замысла и сохраняя интенции оригинала, адекватно принимаются нормами и узусом английского языка;
- Перевод 2 также адекватно погружается в языковую систему целевого языка, в соответствующей степени передает узуальные признаки метафорического репертуара ИТ и его авторское намерение, однако при сопоставлении с интерпретациями других переводчиков наблюдается определенный семантический сдвиг в передаче авторской метафоры, обусловленный преломлением авторского замысла в системе мировосприятия транслятора;
- Перевод 3 релевантно реконструирует семантику и прагматику метафор ИТ, однако, пренебрежение передачей переводчиком авторского идиостиля метафорического конструирования ведет к потере наукообразности и уникальности оригинального произведения, что в совокупности с поверхностной интерпретацией авторского замысла мотивирует предположение о несостоятельности предлагаемого перевода.

Аналитическое сопоставление материала продемонстрировало различные уровни интерпретации и способы достижения коммуникативной цели. Стихотворная форма с большим пространством интерпретации и необходимости экспликации имплицитных смыслов метафор во многом усложняет переводческую задачу, т. к. в некотором роде переводчик обязан «врастать» в сознание автора и быть способным спрогнозировать конфигурацию и плотность его научно-ориентированной части.

Критический анализ исследуемых дискурсов позволил наглядно продемонстрировать нетождественный характер переводческой интерпретации и асимметрию инструментария переводчиков для достижения коммуникативной цели. Акцентирование исследовательского внимания на лирических произведениях обосновано глубиной авторских метафор, что во многом расширяет их интерпретационное пространство и, тем самым, усложняет переводческую задачу, т. к. в некотором роде переводчик обязан «врастать» в сознание автора и быть способным спрогнозировать конфигурацию и плотность его научно-ориентированной части.

В процессе перевода раскрывается многогранная природа языкового знака, определяющая его не только как основной элемент взаимодействия двух лингвосистем, но и как уникальный продукт межличностного трансцендентального синергизма. Несмотря на сложность передачи метафоры в условиях нормы и узуса другого языка, стремление к достижению максимально близкой к оригиналу интерпретации, а также стремление к сохранению индивидуальной дискурсивной традиции автора, позволят переводчику как реципиенту достичь должного уровня восприятия и затем творчески подойти к перекодированию лирического текста. Полученный результат переводческого посредничества с адекватной «проекцией» авторского миропонимания далее формирует у получателя соответствующую оценку сообщения оригинала, что значит — оценку автора.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Список сокращений

ИТ — исходный текст

ПТ — текст перевода

Источники

Клюканов, И. Э. (2015) *Приставная лесенка*. М.: Время, 126 с.

Клюканов, И. Э. (2020) *Резюме*. М.: Время, 160 с.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. (2002) *Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры*. М.: Academia, 391 с.
- Гарбовский, Н. К. (2004) *Теория перевода*. М.: Изд-во МГУ, 544 с.
- Дашинимаева, П. П. (2017) *Теория перевода. Психолингвистический подход*. Улан-Удэ: Изд-во БГУ им. Доржи Банзарова, с. 278–286.
- Дашинимаева, П. П., Гунсурунова, А. В. (2020) Метафорический интерпретативный репертуар дискурс-анализа как инструмент предперевода (на примере лирики И. Э. Клюканова). *Вестник Бурятского государственного университета. Филология*, № 4, с. 3–11.
- Кибрик, А. А., Плунгян, В. А. (2002) Функционализм и дискурсивно-ориентированные исследования. В кн.: А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, И. А. Секерина (ред.). *Современная американская лингвистика: фундаментальные направления*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, с. 276–339.
- Комиссаров, В. Н. (1990) *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. М.: Высшая школа, 253 с.
- Кубрякова, Е. С. (2000) О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор). В кн.: С. А. Ромашко (ред.). *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты*. М.: Ин-т научной информации по общественным наукам РАН, с. 5–13.
- Сорокин, Ю. А. (2003) *Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры*. М.: Гнозис, 158 с.
- Степанов, Ю. С. (1995) Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности. В кн.: *Язык и наука конца 20 века*. М.: Изд-во РГГУ, с. 35–73.
- Швейцер, А. Д. (1988) *Теория перевода: статус, проблемы, аспекты*. М.: Наука, 214 с.
- Эткинд, Е. Г. (1963) *Поэзия и перевод*. М.; Л.: Советский писатель, 430 с.
- Lakoff, G., Johnson, M. (2003) *Metaphors we live by*. London: The University of Chicago Press, 252 p.
- Potter, J., Wetherell, M. (1987) *Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behavior*. London: Sage Publications, 216 p.

Sources

Klyukanov, I. E. (2015) *Pristavnaya lesenka [Pitching ladder]*. Moscow: Vremya Publ., 126 p. (In Russian)

Klyukanov, I. E. (2020) *Rezjume [Résumé]*. Moscow: Vremya Publ., 160 p. (In Russian)

References

- Alefirenko, N. F. (2002) *Poeticheskaya energiya slova. Sinergetika yazyka, soznaniya i kul'tury [Poetic energy of words. Synergy of language, consciousness and culture]*. Moscow: Academia Publ., 391 p. (In Russian)
- Dashinimaeva, P. P. (2017) *Teoriya perevoda. Psikholingvisticheskiy podkhod [Theory of translation. Psycholinguistic approach]*. Ulan-Ude: Dorzhi Banzarov Buryat State University named after D. Banzarov Publ., pp. 278–286. (In Russian)
- Dashinimaeva, P. P., Gunsurunova, A. V. (2020) Metaforicheskiy interpretativnyy repertuar diskurs-analiza kak instrument predperevoda (na primere liriki I. E. Klyukanova) [Metaphorical interpretive repertoire of discourse analysis as pre-translation tool (on example of lyrics by I. Klyukanov)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya — Bulletin of BSU. Philology*, no. 4, pp. 3–11. (In Russian)
- Etkind, E. G. (1963) *Poeziya i perevod [Poetry and translation]*. Moscow, Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ., 430 p. (In Russian)
- Garbovskij, N. K. (2004) *Teoriya perevoda [Theory of translation]*. Moscow: Moscow State University Publ., 544 p. (In Russian)
- Kibrik, A. A., Plungyan, V. A. (2002) Funktsionalizm i diskursivno-orientirovannye issledovaniya [Functionalism and discourse-targeted researches]. In: A. A. Kibrik, I. M. Kobozeva, I. A. Sekerina (eds.). *Sovremennaya*

- amerikanskaya lingvistika: fundamental'nye napravleniya* [Fundamental trends of modern American linguistics]. 2nd ed., rev. and exp. Moscow: Editorial URSS Publ., pp. 276–339 (In Russian)
- Komissarov, V. N. (1990) *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 253 p. (In Russian)
- Kubryakova, E. S. (2000) О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) [The concepts of discourse and discursive analysis in modern linguistics (review)]. In: S. A. Romashko (ed.). *Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty* [Discourse, speech, language activities: Functional and structural aspects]. Moscow: Institute for Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences Publ., pp. 5–13. (In Russian)
- Lakoff, G., Johnson, M. (2003) *Metaphors we live by*. London: The University of Chicago Press, 252 p. (In English)
- Potter, J., Wetherell, M. (1987) *Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behavior*. London: Sage Publications, 216 p. (In English)
- Shvejtser, A. D. (1988) *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Theory of translation: Status, problems, aspects]. Moscow: Nauka Publ., 214 p. (In Russian)
- Sorokin, Yu. A. (2003) *Perevodovedenie: status perevodchika i psikhogermenevticheskie protsedury* [Translation studies: Status of a translator and psycho-hermeneutic procedures]. Moscow: Gnozis Publ., 158 p. (In Russian)
- Stepanov, Yu. S. (1995) *Alternativnyj mir, diskurs, fakt i printsip prichinnosti* [Alternative world. Discourse, fact and principle of causality]. In: *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and science at the end of 20th century]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., pp. 35–73. (In Russian)

Приложение 1

[Supplementary material 1]

Перевод 1. Перевод И. Э. Ключанова (Ключанов 2020, 23)
[Translation 1. Translation of I. E. Klyukanov (Klyukanov 2020, 23)]

Let's say there was Word in the beginning,
Let's say everything was created by measure and by number,
Regardless, don't try to say everything,
Regardless, the first word is worth more than the second,
Not to mention the third, fourth, fifth or sixth.
And don't count, and don't get even — it's all a lost cause.
Better listen to just as long as needed,
In order to hear how a period becomes a comma,
How the pollen from a flower flies;
And then maybe you'll see through, like a wasp,
The very essence of Logos itself.

Перевод 2. Перевод К. Дэвис (Ключанов 2020, 23)
[Translation 2. Translation of C. Davis (Klyukanov 2020, 23)]

In the beginning was the word,
everything created by measure and number.
All the same, don't try to say everything.
Still, the first word is more valuable than the second,
not to mention the third, the fourth, fifth or sixth.
Don't count this or even take it into consideration.
It's a wasted cause.
Better to listen only as long as required,
to hear how a period becomes a comma)⁴,
how pollen flies from a flower.
Maybe then you will fathom the essence of Logos.

⁴Прим. автора: transforms into?

Перевод 3. Анонимный перевод (Клюканов 2020, 23)
[Translation 3. Translation of an anonymous author (Klyukanov 2020, 23)]

The word may have been in the beginning
Everything may have been created with measure and number
Still, do not try to say something about everything
Still, the first word is more precious than the second
Let alone the third, fourth, fifth, and sixth.
Do not count or be counted — it's all pointless.
Better listen for as much as you need,
To hear the period become the comma,
How pollen falls off the flower;
Then, maybe, you will be able to get, like a wasp
Into the very essence of the Logos itself.

Приложение 2

[Supplementary material 2]

Перевод 1. Перевод И. Э. Клюканова (Клюканов 2015, 47)
[Translation 1. Translation of I. E. Klyukanov (Klyukanov 2015, 47)]

And it seems as though the trail is lost forever,
While the border between essence and existence
Has already faded long ago
And only as a name remains.
But he, as you and I, once lived
Until the very last minute;
The color of the ink gradually fades
And the taste of hemlock lasts forever.

Перевод 3. Анонимный перевод (Клюканов 2015, 47)
[Translation 2. Translation of an anonymous author (Klyukanov 2015, 47)]

It seems the trace ⁵ is gone forever
And the boundary between essence and existence
Has disappeared long ago
And remains but a name.
But he ⁶, like you and I, lived at some point
Until the very last minute
The colour of the ink gradually fades

⁵ Прим. автора: of what? I don't know

⁶ Прим. автора: the "he" before may have been Socrates?

Художественный перевод с использованием языков народов России: основы типологизации требований

П. П. Дашинамаева^{✉1}

¹ Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а

Сведения об авторе

Полина Пурбуевна Дашинамаева,
SPIN-код: 4712-7974,
e-mail: pdash@bsu.ru

Для цитирования:

Дашинамаева, П. П.
(2022) Художественный перевод с использованием языков народов России: основы типологизации требований. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 4, № 2, с. 120–131.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-120-131>
EDN GOXGQA

Получена 30 января 2022; прошла рецензирование 18 июля 2022; принята 13 августа 2022.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © П. П. Дашинамаева (2022) Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье в первом приближении представлены основы типологизации требований к переводу национальной художественной литературы РФ на русский язык. При изложении требований автор исходит из следующих установок: 1) при условии единого целевого языка (в нашем случае — русского) следует разработать обобщенные типовые рекомендации, которые в дальнейшем могут лечь в основу современных частных теорий перевода с языка народов России на русский язык; 2) в рамках требуемых трансдисциплинарных стратегий исследования языка и интерязыка в качестве эпистемы как некоего исходного предзнания должны служить базовые принципы естественной речемыслительной деятельности (в первую очередь то, что речь актуализируется как минимум на двух изолированных этапах — мыслительном и моторно-речевом (довербальном и вербальном)). Данные принципы находят отражение в разделе «Основы методологии типологизации» разрабатываемых автором требований, которые соответственно обуславливают раздельное формулирование алгоритма предпереводческого и непосредственно переводческого уровней. Принцип доказательности исследования реализуется в практическом материале по переводу с аварского, бурятского и тувинского языков, и их комментариях, оформленных в виде таблиц, которые подтверждают типологию требований прямо и опосредованно. Подобная алгоритмизация и выбор стратегии (форенизации и/или доместикации) перевода также детерминированы нейрофизиологическими принципами естественного семиозиса: раздельные мыслительный и вербальный этапы обосновывают стратегию форенизации смысла/мыслей, т. е. довербального этапа, и доместикации целевого языка, т. е. моторно-речевого этапа, соответственно. В связи с тем, что в рамках внутригосударственного перевода термин «форенизация» не носит релевантный характер, вместо него советуется использовать понятие «очуждение». Также новой является идея разграничения эквивалента и коррелята. Следование процедуре шагов предперевода и перевода способствует упорядочению мыслительной деятельности переводчика в конкретной ситуации и развитию культуры его переводческого мышления в целом.

Ключевые слова: перевод, национальный язык, художественный текст, требование, типология

Literary translation from the RF regional languages into Russian: Typology requirements basics

P. P. Dashinimaeva✉¹

¹Buryat State University named after D. Banzarov, 24a Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Author

Polina P. Dashinimaeva,
SPIN: 4712-7974,
e-mail: pdash@bsu.ru

For citation:

Dashinimaeva, P. P.
(2022) Literary translation from the
RF regional languages into Russian:
Typology requirements basics.
*Language Studies and Modern
Humanities*, vol. 4, no. 2, pp. 120–131.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-120-131>
EDN GOXGQA

Received 30 January 2022; reviewed
18 July 2022; accepted 13 August
2022.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: © P. P. Dashinimaeva
(2022). Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC
License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The research gives a first approximation of generalized requirements for the translation of the RF regional fiction into Russian. The author's core beliefs are as follows: 1) regarding the situation of the common target language (Russian) there must be developed generalized standard translation recommendations, which might further make the basis of modern specific theories; 2) the framework of transdisciplinary strategies for language and interlanguage predetermines an episteme-like consideration of principles of natural speech production and perception. The second condition is reflected in the section "Fundamentals of Typology methodology". The principle of research evidence is implemented in the tabled comments on translation from the Avar, Buryat and Tuvan languages. The latter ground directly and indirectly the typology divided into pre-translation and translation levels. The-like algorithm and the theory of translation strategy (foreignization and/or domestication) are also determined by the natural semiosis neurophysiological principles: separate mental and verbal stages justify the meaning/thought alienation and the target language domestication, respectively. Because of its functional irrelevance the term "foreignizing" is not recommended for use—one might use "alienation" instead. Distinguishing between 'equivalent' and 'correlate' is also a new idea. The given pre-translation and translation procedure implementation may contribute to the streamlining of the translator's mental activity in a particular situation and the development of their translation thinking mode in general.

Keywords: translation, national language, literary text, requirement, typology

«Осознать себя можно, только увидев другого:
только увидев, что он не похож на меня,
я могу понять, кто я ...
Если нет контраста, то нет специфики.
Если все — зеленого света, то вообще
никакого цвета нет».
Ю. Лотман (Лотман 2005, 469)

Введение

Смена парадигм в филологии и лингвистике — принятие трансдисциплинарных стратегий научного исследования — ставит перед теоретиками насущную задачу пересмотра методологии изучения переводческого посредничества в межкультурной коммуникации, не приписывая при этом культуре категориальный признак «наличие государственной границы». Имея в виду под культурой не материальные артефакты, а способы познания и мышления носителей языка, и их бесконечно-множественные формы обращения с внешним миром, последняя ремарка целенаправленно привлечена мной для *опровержения* стереотипного мнения о том, что внутри одного государства культуры имеют больше сходжений, чем культуры, разьединен-

ные границами стран, в связи с чем мнение о сходстве картин мира народов, объединенных общими границами, представляется ложным.

Основа методологии типологизации

Междисциплинарность переводоведения должна основываться на аксиоме «лингвистика не может не быть как минимум психологической и социокультурологической», соответственно, в попытках типологизации требований к переводу национальной художественной литературы на русский язык в рамках современных парадигм следует принять и признать ряд нижеследующих исходных установок, которые рассматривают язык–речь–коммуникацию не как формально-языковые паттерны, а как когнитивно-психологический процесс (как известно, основные принципы должны быть едины для смежных профилей одной области знания).

- Принцип нейроанатомической и нейрофизиологической *обособленности* статического/формального вербального знака и перманентно видоизменяющейся системы миропонимания, т. е. семантики (Ахутина 2008; Пинкер 2004; Черниговская

2008; Bichakjian 1999; Jackendoff 2002; MacWhinney 2005 и др.), по определению обуславливает то, что означающее как статическая внешнеязыковая оболочка потенциально не способна выразить полный объем динамического означиваемого (семантики), соответственно, в каждом акте коммуникации субъект присваивает формальному знаку новую значимость и переводчик-реципиент может только прогнозировать ее состав и содержание (Дашинимаева 2010).

- Поскольку, согласно психолингвистическому подходу, два этапа разделены, далее так же — принципиально отдельно — определяется и сама стратегия перевода: мысль автора форенизируется, язык перевода доместицируется (Дашинимаева 2010). Крайне важно понимать, что здесь речь идет не о тексте в традиционном понимании, который ассоциируется с контекстом, т. е. с концептуальной частью, а о конструировании текста в языке-2 в плане синтаксического и лексического узуса, когда сама мысль автора уже понята в ее аутентичном контексте языка-1.
- Однако целевой язык *не* является средством монокультурной коммуникации: будучи трансформатором передачи чужой мысли и ее посадки в неродную для нее почву, второй (в нашем случае — русский) язык не будет и не обязан иметь полный арсенал инструментов, удовлетворяющих контексты первого языка-культуры; как *средство межкультурной коммуникации* он должен функционировать немного по-другому, подвергаясь правилам посредничества межкодového пространства.
- Естественное восприятие речи в целом происходит как симуляция соответствующих объектов, действий, событий, интроспективных состояний (Barsalou 1999): симуляция же в мозге переводчика должна искусственно развиваться как культура мышления по воспроизведению ментальной модели с целью максимального приближения к пониманию концептуальной картины мира автора. Кратная практика по развитию подобного умения будет способствовать осознанно регулируемой форенизации концептуального содержания оригинала.
- При этом любое обобщение носит относительный характер, поскольку нет тождества и в восприятии внешнего мира, и в способах реагирования на его стимулы

в рамках ценностей, принятых внутри одной культуры. Типологизация как обобщение научного свойства также относительна, но она дает аппроксимацию когнитивных процессов для удобства ее применения в качестве отправной точки изучения вопросов теории перевода или механизма перевода как операциональной деятельности.

- Обобщение требований к переводу должно основываться на системных научных установках и подкрепляться пороговыми значениями дискурсивных стратегий ряда национальных языков.

Обсуждение иллюстраций

В качестве основы типологизации берем иллюстрации, где представлены результаты неверного понимания стратегии перевода: переводчики не производят симуляцию элементов концептуального содержания в аутентичной среде, т. е. у них не осуществляется этап форенизации (очуждения) помысленного. В комментариях к синхронным дискурсам на трех исходных языках — аварском, бурятском и тувинском — даются аргументации КАК НЕ СЛЕДОВАЛО подходить к переводу концептуальной семантики.

Культуру Дагестана представит великий Расул Гамзатов своей знаменитой книгой «Мой Дагестан» (1968 г.) в переводе Владимира Солоухина с аварского на русский язык (цит. по: Маллаева, Магомедов, Халидова 2021). Бурятскую культуру представляет современный писатель Александр Лыгденов в рассказах на тему природы с элементами притчи («Деревенская ласточка», «Бабочки... на льду», «Песня изюбря»). Их переводы осуществлены бурятско-русскими билингвами (2019 г.), отредактированы в издательстве ЗАО «ОГИ» в процессе макетирования антологии национальной литературы РФ (книга еще не издана). Наконец, тувинская этническая картина мира, изложенная в художественно-этнографических текстах М. Б. Кенин-Лопсана о традициях тувинской культуры (1994 г., 1999 г.), переведена на русский язык билингвами А. А. Дугержаа и А. С. Дембирель, издание вышло в свет в 2006 г. под редакцией Э. Мижита и Н. Куулара (Кенин-Лопсан 2006).

Помимо сюжетной линии все три источника объединены одной общей коммуникативной целью — ознакомлением с материальной и ментальной культурой народа, который автор представляет, и имплицитной рекомендацией читателю исходить в процессе интерпретации

из убеждения в том, что способы познания окружающего мира и соответствующие ментальные и физические типы поведения носителей данных культур уникальны. Для переводчика как умного читателя данная рекомендация должна быть когнитивной закономерностью.

Как справедливо считают З. М. Маллаева и ее соавторы, «не всегда переводчик использует художественные образы, соответствующие оригиналу и дагестанскому менталитету, поэтому переводной текст не сохраняет художественные и эмоциональные впечатления, производимые подлинником. У переводчика возникают проблемы с перемещением оригинального текста Расула Гамзатова из одной языковой и культурной среды в другую не потому, что она является чужой для переводчика, а потому, что она осталась для него чуждой» (Маллаева, Магомедов, Халидова 2021, 347).

Действительно, основной проблемой художественного перевода становится вопрос, КАК примирить внутреннее (чужую мысль из оригинала, представляющего первую культуру) и внешнее (язык, манифестирующий вторую культуру) с тем, чтобы целевой вербальный код не произвел трансфер чужой мысли в свою этнокультурную среду, тем самым осознанно или неосознанно присвоив ее. Как известно, данная дилемма в транслатологии регулярно обсуждается как выбор стратегии перевода — либо форенизация, либо доместикация. Первое

традиционно основывается на допущении переноса источника во вторую культуру, что, в частности, связано с благим желанием приблизить к себе чужую культуру во избежание когнитивного диссонанса, который может наступить у читателя.

Получается, здесь срабатывает механизм определения стратегии в виде некоей цепной реакции: поскольку «доместицируются» формальные знаки под нормы и узус языка перевода, то автоматически «одомашнивается» и семантическое наполнение мысли. В рамках вышеописанных оснований методологии типологизации стратегия *не* может рассматриваться подобным образом. Как ранее мы писали, в решении данной проблемы разграничиваем мыслительный и вербальный уровни как отдельные этапы семиозиса, каждый из которых запрашивает свою стратегию: язык доместицируется, смысл/мысль очуждается, т. е. должен сработать принцип «на аутентичном для культуры-2 языке передаются «чужие» смыслы и донесения». Другими словами, принцип «богу — богово, кесарю — кесарево» означает «нельзя присваивать чужой продукт», хотя он формально передан на хорошем языке (Дашинамаева 2017, 293).

Для компактного изложения и целостности восприятия антипереводы представлены в виде таблиц (табл. 1, табл. 2, табл. 3).

Табл. 1. Аварско-русские параллели

Table 1. Avar-Russian parallels

Исходный текст	Дословный перевод	Перевод В. Солоухина	Комментарий к переводу дискурса
КечI ахIлалде цебе халат хъвалеб пандурги, концерт гъабилелде тебе бицунеб хабарги, пардав рагбилелде цебе цIалулел лек- цияги дида церего, вакъадасул малъи- ял дурцасда гIадин, рихун рукIанал.	<i>И пандур, на котором долго играют, прежде чем спеть песню, и дол- гие выступления перед началом концерта, и лекция перед откры- тием занавеса мне дав- но надоели, как нравоу- чения тестя зятю.</i>	<i>Вот певец взял в руки пан- дур. Я знаю, что у певца хороший голос, так зачем же он так долго и бездум- но брэнчит, прежде чем начать песню? То же самое скажу о докладе перед кон- цертом, о лекции перед на- чалом спектакля, о нудных поучениях, которыми тесть угощает зятя вместо того, чтобы сра- зу позвать к столу и на- лить чарку).</i>	«Переводчик неоправданно вмешивается в авторский текст, вводит нового персо- нажа, новые артефакты и вносит такие коррективы, которые смешают акценты и искажают смысл текста»; «согласно законам горского этикета, тесть и зять так же, как и отец и сын, не могут сидеть за одним столом и выпивать» (Маллаева, Магомедов, Халидова 2021, 350).

Табл.1. Продолжение

<p>Рукъалда къоно барав, къавулъе рачІчи хъвагӱлеб жо бахинчІев, кидаго юргъан бачІев, гъоркъан горде ретІинчІев, хъимал бусада гӱрав, гӱмруялъ тохтирасда черх бихъичІев, я гъавураб, я хвараб сон лъидаго лъаларев дир гъаримаб инсул эмен.</p>	<p>Запиравший дом представлением большого камня, никогда во двор которого не заходила хвостом машущая скотина, никогда не накрывавший себя одеялом, никогда не надевавший ниже белье, выросший на маршрусе, заполненном сушеной травой, тело которого не осматривал ни один врач, ни год рождения, ни год смерти никому не известный, бедный отец моего отца.</p>	<p>Во двор моего дедушки ни разу не заходило ни одно четвероногое животное, кроме разве собаки да кошки. Едва ли он когда-нибудь спал под одеялом, едва ли он знал, что такое ниже белье. Ни один доктор в мире не мог бы похвастаться тем, что осматривал Магомета, заглядывал ему в рот, щупал пульс, заставлял дышать его то глубже, то реже и вообще видел его тело. Никто не знал также у нас в ауле точных дат его рождения и смерти.</p>	<p>«Переводчик допускает вмешательство в смысловое содержание текста, не только не соответствующее смыслу текста оригинала, но и неприемлемое с точки зрения менталитета дагестанцев <...> Собаку и кошку переводчик добавил от себя. Кошку-то еще можно было добавить (хотя речь идет однозначно о скотине), но собак во дворе мусульмане не держали, так как в исламе слюна и шерсть собаки считаются нечистыми (скверной). Это не мешает мусульманам заботливо относиться к собакам, их можно держать только для охраны скота и охоты» (Маллаева, Магомедов, Халидова 2021, 351).</p>
<p>Дица лъалиниса ханжар бахъулеб буго. Магӱарулал абула: бахъанищ ханжар — къабе, къабуннищ ханжар — къотІе. Амма къабилалде цебечин рекӱн бугищали балагбизе ккола.</p>	<p>Аварцы говорят: «Не вынимай кинжал из ножен, если вынул — бей»</p>	<p>Горцы говорят: «Не вынимай кинжал без надобности. А если вынул — бей! Бей так, чтобы сразу убить наповал и всадника, и коня». Вы правы, горцы! И все же. Прежде чем обнажить кинжал, вы должны быть уверены, что он хорошо заточен.</p>	<p>«Когда пишет <i>магӱарулал</i>, Расул Гамзатов имеет в виду аварцев, а не всех горцев. Добавленная фраза <i>Бей так, чтобы сразу убить наповал и всадника и коня</i> говорит о том, что переводчиком не понят назидательный смысл аварской пословицы «Не вынимай кинжал из ножен, если вынул — бей». Он прямо противоположный: тот, кто носит кинжал, должен хорошенько подумать, прежде чем вынуть его из ножен, поскольку в противном случае он вынужден будет применить его по назначению» (Маллаева, Магомедов, Халидова 2021, 353).</p>
<p>Гъале чода тӱкӱва-магӱал чІван рахъана. Гъеб къолона</p>	<p>Вот закончил подковать коня.</p>	<p>Хорошо подкован мой нетерпеливый, мой верный конь. Я сам поднял каждую его ногу и проверил крепость подков. Я оседлал коня, потянул за подпругу. Пальцы едва подлезают под нее. Хорошо и умело оседлан конь.</p>	<p>Переводчик прибегает к необоснованному развертыванию описываемой ситуации, что в целом нарушает дискурсивную стратегию и автора, и носителей языка.</p>

Табл. 2. Бурятско-русские параллели

Table 2. Buryat-Russian parallels

Исходный текст	Перевод бурятско-русских биллингвов	Редакторская версия (московское издательство)	Комментарий к редакторской версии перевода дискурса
<p><...> Сагаан эдее-нэйнгээ дээжэ сүүршэжэ, наран зула набша сэсэг мэтээр абажа ябаһан буряад байгааимнай <...></p>	<p><...> предки берегли свою природу — их бесценное богатство, окропляли белой пищей.</p>	<p><...> предки берегли свою природу — их бесценное богатство, окропляли белой жертвой.</p>	<p>Замена «пищи» лексемой «жертва» уводит в неверное русло интерпретации: простой обычай преподнесения свежей белой пищи в знак приравнивания человека и природы приводит к впечатлению об актуализации некоего темного и мистического ритуала.</p>

Табл. 2. Продолжение

Бурядадай баялиг Байгал далай <...>	<...> <i>настоящее сокровище нашей бурятской земли Байкал.</i>	<i>Настоящее сокровище земли российской Байкал.</i>	Здесь редактор без всякого основания вводит идеологическую поправку: авторский восторг стихией Байкала, находящегося в Бурятии, не связан с устремлениями другого толка.
Мүнөө нам мэтын наһанай хүнүүдые «дунда наһатан» гэжэ хэлсэдэгшье хаань <...>	<i>Хоть людей моего возраста и называют «средним поколением» <...></i>	<i>Хоть людей моего возраста и называют «старшим поколением» <...></i>	Поправка вызвана стереотипным отношением к «неузуальности» сочетания «среднее поколение». Автор подразумевает, что в среднем возрасте мудрость еще не приходит (опосредованное представление о ходе человеческой жизни).
Эрьежэ ерээд байһан энхэ мүнхэ Наранай, энхэржэ бэе бээдээ байһан амитадай Инаг дуранай элшэ шанга хүсэнүүд хэндэшье, юундэшье диилдэшэгүйл!.. ангир шубуудай аян замдаа мордожо байха үе сагта <...> Булган, буга хандагай гээшэд Хангай эзэнэйнгээ эгээ үнэтэ сэнтэй, дээдэ захын амитад юм ха.	<i>Никому и ничему не победить силы вечно мирного Солнца, каждый раз возвращающегося по оси своего кругооборота, никому и ничему не победить и силы Любви двоих [бабочек], нежно ласкающих друг друга!.. <...> <i>турпан</i> отправляется в путь. Соболев и изюбр — самые ценные и благородные животные хозяина тайги.</i>	<i>Никому и ничему не победить силы вечно мирного Солнца, никому и ничему не победить и силы Любви двоих, нежно ласкающих друг друга!.. <...> <i>перелетные птицы</i> устремляются в небо; Соболь и изюбр — самые любимые животные хозяина тайги.</i>	Примеры иллюстрируют холистическое мировосприятие, соответственно, указание на повторение циклов жизни Солнца, имеющее значимость для автора не только в плане описания живой природы, не следовало убирать; генерализация (турпан — перелетные птицы) не имеет основания: автор как тонкий художник рисует природу в конкретных именах и ассоциациях «здесь и сейчас»; персонификация природы также обусловлена этническим представлением об иерархии животных более низкого и более высокого ранга, соответственно, исправление вызвано собственным пониманием редактора.

Табл. 3. Тувинско-русские параллели

Table 3. Tuvan-Russian parallels

Исходный текст	Перевод тувинско-русских билингов	Комментарий к переводу
Эрте-бурунгу түрктерниң сиилбил би-жигилээн көжээ тураска-алдарда дээрге чүдээн алгыштар бар ¹ .	<i>В древних тюркских каменных памятниках имеются слова молитвы по освящению неба (Кенин-Лопсан 2006, 90) ².</i>	Сам автор называет <i>алгыш</i> шаманским напевом, шаманским стихом. Это и посвящения, и обращения, и просьбы, специальная форма коммуникации людей с миром духов, что очевидно не согласуется с семантикой русского слова молитва как текста, произносимого при обращении к Богу, святым с просьбой, благодарностью, покаянием (Кужугет, Сувандии, Ламажаа 2021, 410).
ДАГЫЛАГА Суг бажын дагыбыры	<i>Освящение (объектов природы) освящение родника.</i>	Суг бажы — исток, букв. «голова воды». В переводе не передано «антропоморфное понимание тувинцами воды как существа, имеющего голову» (Кужугет, Сувандии, Ламажаа 2021, 411).

¹ Источник — тексты тувинского ученого М. Б. Кенин-Лопсана из трудов «Тыва чоннуң бурунгу ужурулары» (Кенин-Лопсан, М. Б. (1994) *Традиционная этика тувинского народа*. Кызыл: Новости Тувы, 174 с.) и «Тыва чаңчыл. Тыва чоннуң ыдыктыг чаңчылдары» «Тувинские традиции. Тувинские народные священные традиции» (Кенин-Лопсан, М. Б. (2000) *Тыва чаңчыл*. Кызыл: Новости Тувы, 351 с.).

² Перевод на русский язык писателями-билингвами А. А. Дутержаа и А. С. Дембирель под редакцией писателей-билингвов Э. Мижита и Н. Куулар издан под наименованием «Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев» (Кенин-Лопсан 2006).

Табл. 3. Продолжение

<p>ТӨРЕЛ (система родства): өгбелер бурунгу өгбелер эрте-бурунгу өгбелер</p>	<p><i>Предки — далекие древние предки.</i></p>	<p>Иерархия родства включает: кровное родство до трех поколений; древние предки от четвертого до шестого поколений и далекие древние предки от седьмого до девятого поколений (Кужугет, Сувандии, Ламажаа 2021, 411). Опущение второго вида нарушает сам принцип иерархического представления системы родства.</p>
<p>КАВАЙ (колыбель ребенка) Уруг куьдунуң үгээ дэ-эрге дүвүн өрүлдүр аскан, аксын кудулдур халаңнаткан хап-чыгаш болур. Уруг куьдун аңгы аңгы адагылаар. Уруг куьду, уруг шивээзи, уруг куьду ээрен дигилээр. Уруг куьдун хам кижиниң чугаалааны-биле кылыр. Бурун тывалар уруг куьдунуң шивээзин салбактап шимээр, чараштап каастаар турган. Уруг шивээзи дээрге чаш уругнуң куьдунуң хай-халаптан камгала-ныр, чаштынар, чаглак-ныр ээ-рени болур.</p>	<p><i>Куколку помещали в мешочек, называемый шивээ — крепость, который подвешивали дном вверх. Говорили, душа ребенка хоронится от разных напастей в крепости.</i></p>	<p>Концепт КАВАЙ включает 34 обозначения конструкции, материала, предметов, которые клали в колыбель, соответственно, относится к непереводимому понятию. В переводе опущены: ааткыыш баа (<i>ремень крюка колыбели</i>), уруг куьдунуң үгээ (<i>домик/коробка с душой ребенка</i>), узун шидиг (<i>длинный шнурок</i>), уруг өдээ (<i>сухой овечий навоз для ребенка</i>), кавайның дужактары (<i>путь колыбели</i>).</p> <p>Авторы статьи предлагают собственный вариант перевода:</p> <p><i>«Душу» ребенка по-разному называют. Говорят, «душа» ребенка, крепость ребенка, идол (ээрен) души ребенка. В других местах «душу ребенка» называют крепость ээрена. Ее делали по совету шамана. В старину тувинцы очень украшали крепость, делали красивую бахрому. Крепость души ребенка — это идол, защищающий ребенка от всяких бед, и где можно спрятаться и укрываться.</i></p> <p>«Переводчики скорее не переводили текст дословно, а адаптировали, опуская часть ценной этнографической информации. Подобные решения сужают смысловое поле тувинской культуры. Наличие столь богатого семантического поля у концепта «детская колыбель» означает то, какое большое значение тувинцы придавали детям, культуре детства (Кужугет, Сувандии, Ламажаа 2021, 411).</p>

Для иллюстрации возьмем примеры из таблицы 2. Александр Лыгденов делится с читателями своими впечатлениями от внешнего мира, равно как и от внутренних переживаний, имплицитно поясняя, в чем заключается холистический способ мышления бурятского народа в неотрывности частей и целого и в видении окружающего мира как динамического целого. В этом его миропонимании нет места гегемонии человека: он — песчинка Вселенной, потому воздает ей хвалы и дары, потому он может олицетворять и персонифицировать элементы природы, признавать соболя и изюбря благородными животными и т. д. Так редактор перевода, исправляя на «любимых животных», исходит из своего — не-холистического — понимания природы и места человека в ней или вообще перестает следовать принципу «тени Гамлета», когда совершает неуместную реидеологизацию восприятия фрагмента, заменив бурятскую землю на «российскую» (см. табл. 2).

Изучив и обобщив критические комментарии к переводам, данным в таблицах, попытаемся изложить требования к переводу национальной художественной литературы на русский язык, разбив их на предпереводческий и непосредственно переводческий уровни. Подобная алгоритмизация соответствует принципам естественного семиозиса, описанным в разделе «Основы методологии типологизации», также способствует упорядочению мыслительной деятельности переводчика в конкретной ситуации и развитию культуры его переводческого мышления в целом.

Предпереводческие требования:

- 1) изучить ориентиры культурно-цивилизационного мышления этноса;
- 2) пытаться соизмерить данные ориентиры с конкретными физическими и ментальными тактиками поведения носителей языка-культуры;

- 3) ознакомиться с базовыми дискурсивными стратегиями художественного стиля изложения в контактирующих языках, при этом помнить, что целевой язык функционирует как инструмент знакомства с мыслями и донесениями не своей, а *другой* культуры, соответственно, должен принимать ряд правил, расширяющих нормы узуса — предметного, социального и жанрового плана;
- 4) для понимания художественного замысла автора и его индивидуального стиля осуществить релятивизацию стереотипного знания посредством сбора сведений об авторе, особенно его социально-личностных характеристик (знакомство с биографией, основными трудами, достижениями другого плана, комментариями и обзорами его деятельности) на следующих уровнях:
- дальняя релятивизация стереотипного знания об авторе относительно всей культуры этноса;
 - срединная — соотношением возраста автора с его/ее поколением и предполагаемым набором традиционных ценностей представителей поколения;
 - ближняя — посредством суммирования результатов предыдущих двух шагов с результатами прогнозирования психотипических характеристик автора, в т. ч. гендерных, идентифицировать автора как яркого/среднетипичного/периферийного представителя культуры этноса, что позволит, в свою очередь, эксплицировать типичные/среднетипичные/слабо-типичные версии концептуально-семантической системы носителей культуры-1.
- Переводческие требования:**
- разделить (умозрительно или конкретно-операционально) исходный текст на две части — уникальную, т. е. этно-центрированную, и общую, т. е. понимаемую в рамках универсальных истин, при этом стараться в течение всего процесса перевода обеспечивать синхронизацию первой и второй частей с тем, чтобы не было неоднозначного или противоречивого прочтения базовой цели воздействия автора на читателей, с одной стороны, и чтобы происходила минимизация вариативности понимания аксиологической картины мира представителей соответствующего поколения культуры-1, с другой;
 - по первой части определить список концептуально-рельефных лексем, эксплицитно и имплицитно указывающих на культурно-цивилизационное мышление этноса, также выделить рельефные слова и фрагменты текста, особенно с затемненной семантикой, сигнализирующие отличное от доминантных ориентиров целевой культуры миропонимание автора;
 - представить данный список как невидимый концептуальный остов, на котором будет конструироваться дискурс на втором языке с сохранением книжной литературной нормы, но с возможностью расширения лексико-семантической нормы и узуса путем ввода коррелятов³ — сочетаний гибридно-узусального характера, которые определенным образом расширяют предметный и жанровый узус целевого русского языка, иноязычных вкраплений, сносок и комментариев для создания этнокультурного целого;
 - вычленив в этом списке ряд безэквивалентных лексем, определить способы передачи их семантики, стараясь минимизировать жанрово-стилевые отхождения;
 - при применении методов компенсации заботиться о том, чтобы интерпретация этно-прецедентных ситуаций и явлений не получила перекося в сторону концептуализации ориентиров второй культуры;
 - продумать стратегию передачи стилистических составляющих оригинала (Алексеева, Дашинамаева 2021, 30), к которой можно отнести относительное сохранение музыкальности и ритмичности текста (созвучия, повторы, синтаксический параллелизм), сохранение риторического периода, восклицательных и назывных предложений, характерных для индивидуального стиля автора, обеспечить компенсацию случаев с культурно-

³ Принципиально важно разграничивать «эквивалент» и «коррелят»: первый указывает на лексикографическую релевантность, т. е. определенную закономерность соответствий, второй — на потребность уникального в плане этнокультурной значимости переводческого решения, на что обращено исследовательское внимание в диссертации Ц. Л. Будаевой (Будаева 2021, 7). Данный термин встречается у А. А. Залевской в следующем контексте: «<...> хранимые в памяти образы, увязываемые с определенными словами-коррелятами в разных языках, могут в значительной мере расходиться по мере актуальности тех или иных признаков, эмоционально-оценочных переживаний и т. д.» (Залевская 2018, 49).

- маркированными формо- и словообразованием и политемпоральностью;
- обеспечить здоровый баланс между *эквивалентными соответствиями* (в лексике — словарные соответствия и нормативно-узусальные сочетания, в грамматике — стандартные с точки зрения жанровой нормы структуры), обслуживающими универсальную составляющую текста, и *коррелятами*, манифестирующими этно-центрированную часть, которые в совокупности будут актуализировать требование оказывать воздействие на получателя целевой культуры, приблизительно схожее с тем, что оказывается на читателя исходной культуры;
 - до отправки перевода на внешнюю рецензию желательно пройти внутреннюю экспертизу, для чего привлечь вдумчивого читателя с достаточно высоким коэффициентом для ознакомления с версией перевода на русский язык, после спросить, получил ли он/она впечатление «у них все так же, как у нас» или «у них не так, как у нас». Данный опрос нацелен на выявление т. н. «этносемантической рефракции» (Фефелов 2016). В первом варианте ответа следует внести существенные изменения, добавления, во втором — оставить все как есть и поздравить себя с присвоением себе статуса ПЕРЕВОДЧИК.

Выводы

Приведенные в первом приближении обобщенные требования к переводу национальной художественной литературы РФ на русский язык обоснованы двумя базовыми убеждениями:

- 1) Междисциплинарное научное исследование языка и интерязыка детерминирует выбор эпистемы — некоего предзнания, в качестве которого должны служить базовые принципы производства и восприятия речемыслительной деятельности. Также они обуславливают методологию описания объекта или, по меньшей мере, участвуют в определении методологии.
- 2) При условии единого целевого — русско-языка следует разработать варианты типовых рекомендаций-требований, которые в дальнейшем могут в той или иной мере стать основой современных частных теорий перевода с регионально на русский язык.

Определенной новизной данного исследования являются следующие постулаты.

- Стратегии перевода «форенизация» и «доместикация» следует рассматривать не в традиционном формате выбора «или», а в соответствии с нейрофизиологией естественного семиозиса: обособленный мыслительный этап диктует и обосновывает применение первой стратегии, вербальный — второй, т. е. смыслы/мысли автора оставляем исходными (авторскими), код перевода подвергаем нормативным законам и правилам узуса второго языка. Соответственно разграничиваем уровни *предперевода*, выполняя требования которых переводчик учится идентифицировать внутренний мир, т. е. мысли автора, и *непосредственно перевода*, следуя рекомендациям которого он учится *так* подбирать слова и структуры, чтобы они не противоречили чужой мысли.
- В рамках перевода с использованием языков народов России термин «форенизация» (досл. «обыностранивание») не носит релевантный характер, поскольку региональные языки РФ не относятся к иностранным. Предлагается вместо него использовать термин «очуждение» как путь сохранения чуждого/чужого чуждым/чужим⁴. Далее, в условиях перевода на родной русский язык термин «доместикация» остается вполне приемлемым, однако если переводчик работает с русским в качестве второго языка (как здесь в ситуации тувинского перевода), термин может вызывать неверное толкование, однако, думается, нет большой необходимости изобретать новый термин (рекламное понятие «таргетинг», возможно, уместно, тем не менее оно может также вызывать двоякую интерпретацию).
- В соответствии с заданной методологией по критерию «степень соответствия исходной форме и семантической структуре» разграничиваются «эквивалент» и «коррелят». Если лексикографическое соответствие идет по линии «более или

⁴ Здесь важно помнить, что под «очуждением» (*пер. с нем. «Verfremdung»*) также понимается концепция/прием описания непривычным, странным способом того или иного предмета с целью вывести читателя из автоматизма восприятия. В этом смысле термин пересекается с понятием «остранение». Литературовед Виктор Шкловский определяет данный прием как «не приближение значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание “видения” его, а не “узнавания”» (Шкловский 1929, 10–11).

менее универсальное понимание» и не вызывает диссонанса у носителей обеих контактирующих культур, тогда следует называть его традиционным термином «эквивалент»; если вызывает, необходимо осуществлять творческий подбор сочетаний и структур и называть результат «коррелятом» (см. ссылку 3), потому что он не вступает в противоречие с заданной этно-центрированной ситуацией. Здесь как раз есть возможность расширения предметного и жанрового узуса второго языка, тем самым актуализации необычного, непривычного способа мышления/познания автора или персонажа, т. е. применения приема остранения.

- Следование заданной процедуре шагов предперевода и перевода способствует упорядочению мыслительной деятельности переводчика в конкретной ситуации и развитию культуры его переводческого мышления в целом.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Алексеева, И. С., Дашинамаева, П. П. (2021) Критерии оценки художественного перевода: бурятско-русские параллели. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, № 5, с. 22–31. <https://doi.org/10.20339/PhS.5-21.022>
- Ахутина, Т. В. (2008) Модель порождения речи Леонтьева–Рябовой: 1967–2005. В кн.: Т. В. Ахутина, Д. А. Леонтьева (ред.). *Психология, лингвистика и междисциплинарные связи*. М.: Смысл, с. 79–105.
- Будаева, Ц. А. (2021) *Моделирование перевода паремий в аспекте актуализации прескриптивного потенциала (на материале бурятских, английских и русских коррелятов)*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Улан-Удэ, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 25 с.
- Дашинамаева, П. П. (2010) *Теория значимости как основа психонейролингвистической концепции непереводаемости*. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук. Иркутск, Иркутский государственный лингвистический университет, 377 с.
- Дашинамаева, П. П. (2017) *Теория перевода. Психоллингвистический подход*. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, 360 с.
- Залевская, А. А. (2018) *Вопросы естественного семиозиса*. Тверь: Изд-во ТГУ, 160 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) *Традиционная культура тувинцев*. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 230 с.
- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Ламажаа, Ч. К. (2021) Проблемы перевода концептов культуры на другой язык: на примере тувинских концептов культуры. *Полилингвальность и транскультурные практики*, т. 18, № 4, с. 405–420. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>
- Лотман, Ю. (2005) Взаимоотношения людей и развитие культур. В кн.: *Воспитание души*. СПб: Искусство — СПб, с. 469.
- Маллаева, З. М., Магомедов, М. А., Халидова, Р. Ш. (2021) Культурологический аспект перевода на русский язык произведений аварской художественной литературы: на примере книги Р. Гамзатова «Мой Дагестан». *Полилингвальность и транскультурные практики*, т. 18, № 4, с. 347–357. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-347-357>
- Пинкер, С. (2004) *Язык как инстинкт*. М.: Едиториал УРСС, 456 с.
- Фефелов, А. Ф. (2016) Семантика и прагматика взаимодействия британской и китайской культур в поликодовом тексте документального фильма. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, т. 14, № 4, с. 60–80.
- Черниговская, Т. В. (2008) Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? Взгляд лингвиста и биолога. В кн.: А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская (ред.). *Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка*. М.: Языки славянских культур, с. 395–413.
- Шкловский, В. (1929) Искусство как прием. В кн.: *О теории прозы*. М.: Федерация, с. 10–11.
- Barsalou, L. W. (1999) Perceptual symbol systems. *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 22, no. 4, pp. 577–609. <https://doi.org/10.1017/s0140525x99002149>

- Bichakjian, B. H. (1999) Language evolution and the complexity criterion. *Psychology*, vol. 10, no. 033. [Online]. Available at: <https://www.cogsci.ecs.soton.ac.uk/cgi/psyc/newpsy?10.033> (accessed 15.01.2022).
- Jackendoff, R. (2002) Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution. New York: Oxford University Press, 477 p.
- MacWhinney, B. (2005) New directions in the competition model. In: M. Tomasello, D. I. Slobin (eds.). *Beyond nature-nurture: Essays in honor of Elizabeth Bates*. Mahwah; New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates Publ., pp. 81–110.

References

- Akhutina, T. V. (2008) Model' porozhdeniya rechi Leont'eva—Ryabovoj: 1967–2005 [The Leontiev—Ryabova speech generation model: 1967–2005]. In: T. V. Akhutina, D. A. Leont'eva (eds.). *Psikhologiya, lingvistika i mezhdistiplinarnye svyazi*. Moscow: Smysl Publ., pp. 79–105. (In Russian)
- Alekseeva, I. S., Dashinimaeva, P. P. (2021) Kriterii otsenki khudozhestvennogo perevoda: buryatsko-russkie paralleli [Criteria for evaluating literary translation: Buryat-Russian parallels]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly — Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, no. 5, pp. 22–31. <https://doi.org/10.20339/PhS.5-21.022> (In Russian)
- Barsalou, L. W. (1999) Perceptual symbol systems. *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 22, no. 4, pp. 577–609. <https://doi.org/10.1017/s0140525x99002149> (In English)
- Bichakjian, B. H. (1999) Language evolution and the complexity criterion. *Psychology*, vol. 10, no. 033. [Online]. Available at: <https://www.cogsci.ecs.soton.ac.uk/cgi/psyc/newpsy?10.033> (accessed 15.01.2022). (In English)
- Budaeva, Ts. L. (2021) *Modelirovanie perevoda paremij v aspekte aktualizatsii preskriptivnogo potentsiala (na materiale buryatskih, anglijskih i russkih korrelyatov) [Modeling of translation of paroemias in the aspect of actualization of descriptive potential (based on the material of Buryat, English and Russian correlates)]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Ulan-Ude, Buryat State University named after D. Banzarov, 25 p. (In Russian)
- Chernigovskaya, T. V. (2008) Chto delaet nas lyud'mi: pochemu nepremenno rekursivnye pravila? Vzglyad lingvista i biologa [What makes us human: Why recursive rules? A view of a linguist and a biologist]. In: A. D. Koshelev, T. V. Chernigovskaya (eds). *Razumnoe povedenie i yazyk. Vyp. 1. Kommunikativnye sistemy zhitovnykh i yazyk cheloveka. Problema proiskhozhdeniya yazyka [Language and reasoning. Iss. 1. Animal communication and human language. Language origins]*. Moscow: Languages of Slavonic cultures Publ., pp. 395–413. (In Russian)
- Dashinimaeva, P. P. (2010) *Teoriya znachimosti kak osnova psikhonejrolingvisticheskoy kontseptsii neperevodimosti [Significance theory as the basis of the psychoneurological concept of untranslatability]*. PhD dissertation (Philology). Irkutsk, Irkutsk State University, 377 p. (In Russian)
- Dashinimaeva, P. P. (2017) *Teoriya perevoda. Psikholingvisticheskij podkhod [Translation theory. Psycholinguistic approach]*. Ulan-Ude: Buryat State University named after D. Banzarov Publ., 360 p. (In Russian)
- Fefelov, A. F. (2016) Semantika i pragmatika vzaimodejstviya britanskoj i kitajskoj kul'tury v polikodovom tekste dokumentalnogo fil'ma [Semantics and pragmatics of British and Chinese cultural interactions in multimodal text of a documentary]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya — NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 14, no. 4, pp. 60–80. (In Russian)
- Jackendoff, R. (2002) Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution. New York: Oxford University Press, 477 p. (In English)
- Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaya kul'tura tuvintsev [Tuvinians' traditional culture]*. Kyzyl: "Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 230 p. (In Russian)
- Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D., Lamazhaa, Ch. K. (2021) Problemy perevoda kontseptov kul'tury na drugoj yazyk: na primere tuvinskih kontseptov kul'tury [The problems of translating cultural concepts into another language: On the example of Tuvan cultural concepts]. *Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki — Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 4, pp. 405–420. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420> (In Russian)
- Lotman, Yu. (2005) Vzaimootnosheniya lyudej i razvitie kul'tur [Relations between people and the development of cultures]. In: *Vospitanie dushi [Education of the soul]*. Saint Petersburg: Iskusstvo — SPb Publ., p. 469. (In Russian)
- MacWhinney, B. (2005) New directions in the competition model. In: M. Tomasello, D. I. Slobin (eds.). *Beyond nature-nurture: Essays in honor of Elizabeth Bates*. Mahwah; New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates Publ., pp. 81–110. (In English)
- Mallaeva, Z. M., Magomedov, M. A., Halidova, R. Sh. (2021) Kul'turologicheskij aspekt perevoda na russkij yazyk proizvedenij avarskoj khudozhestvennoj literatury: na primere knigi R. Gamzatova "Moj Dagestan" [Culturological aspect of Russian interpretation of Avar literary works: Based on "My Dagestan" by R. Gamzatov]. *Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki — Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 4, pp. 347–357. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-347-357> (In Russian)
- Pinker, S. (2004) *Yazyk kak instinkt [The Language Instinct]*. Moscow: Editorial URSS Publ., 456 p. (In Russian)

- Shklovskij, V. (1929) *Iskusstvo kak priem* [Art as a technique]. In: *O teorii prozy* [On the theory of prose]. Moscow: Federation Publ., pp. 10–11. (In Russian)
- Zalevskaya, A. A. (2018) *Voprosy estestvennogo semiozisa* [Questions of natural semiosis]. Tver: Tver State University Publ., 160 p. (In Russian)

Check for updates

Перевод и переводоведение

УДК 81`374.822+811.111+811.161.1+81`253

EDN UKKKVE

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-132-142>

Об одном опыте составления фразеологического словаря, его стилевых аспектах и прикладном значении для перевода

Т. А. Минеев^{✉1}

¹ Независимый исследователь, г. Москва, Россия

Сведения об авторе

Тимофей Андреевич Минеев,
e-mail: timofey.mineev@gmail.com

Для цитирования:

Минеев, Т. А.
(2022) Об одном опыте составления фразеологического словаря, его стилевых аспектах и прикладном значении для перевода. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 4, № 2, с. 132–142.

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-132-142>

EDN UKKKVE

Получена 26 июля 2022; прошла рецензирование 26 августа 2022; принята 29 августа 2022.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Т. А. Минеев (2022). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии [CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация. В настоящей статье изучается опыт составления англо-русского и русско-английского словаря устойчивых выражений, реализованного в виде приложения для мобильных устройств. Рассказывается о взятых за основу идеях и требованиях, предъявляемых к современному переводу, в частности устному. Сообщаются базовые сведения о словаре, его структуре и способе организации, описывается процесс создания, в том числе выработки критериев для включения языковых единиц в его состав и процедура их анализа со ссылкой на различные источники. Особое внимание уделяется трудностям, которые касаются определения стилевого регистра клишированных словосочетаний в связи с предусматриваемой в словаре градацией семантических аналогов на выходном языке относительно единиц входного языка. Обсуждается ряд аспектов устойчивых выражений, которые могут учитываться при установлении их стилистической принадлежности. На основе проведенного анализа выделяются характерные для некоторых регистров признаки, а также предлагаются критерии для разграничения устойчивых выражений между собой по стилю. Теоретические рассуждения сопровождаются указанием сходств и различий между английскими и русскими единицами, которые были отмечены при составлении словаря. Рекомендуемые в нем решения разбираются с точки зрения актуальных приемов устного перевода применительно к устойчивым оборотам: подбор аналога на выходном языке, буквальный перевод и передача коннотата. Помимо этого, продвигаются экспериментальные подходы, призванные облегчить выполнение переводческих задач. В заключение делаются выводы о новизне данного словаря, его удобстве и возможности использования в практической работе, а также выдвигаются предположения относительно дальнейших перспектив развития.

Ключевые слова: фразеология, устный перевод, перевод, словарь, английский, русский, лексикография, мобильное приложение

On an experience of making an idiomatic dictionary, its stylistic aspects and use in translation and interpreting

T. A. Mineev✉¹

¹Independent researcher, Moscow, Russia

Author

Timofey A. Mineev,
e-mail: timofey.mineev@gmail.com

For citation:

Mineev, T. A.
(2022) On an experience of making an idiomatic dictionary, its stylistic aspects and use in translation and interpreting. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 4, no. 2, pp. 132–142.

[https://doi.org/10.33910/2686-](https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-132-142)

[830X-2022-4-2-132-142](https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-132-142)

EDN UKKKVE

Received 26 July 2022; reviewed 26 August 2022; accepted 29 August 2022.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © T. A. Mineev (2022). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. This article studies an experience of making an English-to-Russian and Russian-to-English dictionary of set expressions implemented as an application for mobile devices. Here we elaborate on its basic ideas and requirements used in modern interpreting. Further, we provide key facts about the dictionary, its structure and organization, describe the compilation process including how we established criteria for choosing relevant language units, as well as highlight their analysis method with reference to different sources. Further, considering the stylistic gradation of target-language semantic analogues in relation to source-language units offered in the dictionary, we give a separate emphasis to difficulties experienced when determining the register of set phrases. Additionally, we cover a number of their aspects which may be taken into account to decide on a stylistic category. We identify typical features of some registers and suggest criteria for differentiating between set expressions in terms of their style. Our theoretical observations are accompanied by the comparison of English and Russian units specifying their similarities and differences that were noted when composing the dictionary. Its solutions are considered from the perspective of popular interpreting techniques with regard to set phrases: use of existing target-language analogues, literal translation, and conveyance of connotative equivalents. We also promote experimental approaches that intend to help translators in their work. In conclusion, we summarize the novelties of the dictionary, estimate its user-friendliness and applicability to the practical aspects of translation and interpreting, and make suppositions about its future potential.

Keywords: idioms, simultaneous interpreting, translation, dictionary, thesaurus, English, Russian, lexicography, mobile application

Введение

Речь каждого человека индивидуальна, построена из разных элементов, которые связаны уникальным образом. При этом в реальной ситуации общения мы не делим их на составные части, а используем готовые решения, достаточные для выполнения речевой задачи. Этот факт обуславливает необходимость рассмотрения дискурса именно с позиции целостности. Такой посыл лег в основу словаря, который получил название «Краткого фразеологического тезауруса синхрониста “Фразаурус”» (далее — КФТС), о составлении которого мы хотели бы рассказать.

Еще до поиска обоснования интуитивное стремление создать такой словарь возникло за почти 15 лет переводческой практики. С одной стороны, для полноценного понимания устойчивых выражений требуется выбирать иноязычные варианты, которые принадлежали бы к культурно-языковой среде носителей, следовали бы их речевым традициям. Проблема, однако, состоит в том, что такие аналоги

на языке перевода могут иметь другие стилистические характеристики, историю употребления или двоякий смысл относительно единиц оригинала. С другой стороны, как заказчик, так и потребитель перевода зачастую закономерно просят не «отступать» далеко от изначального сообщения, чтобы не исказить его смысл. Отсюда, необходимость буквальной передачи. Но «так как лексикализованные сочетания по своему происхождению тесно связаны с условиями места и времени, с каким-либо данным случаем, то они в каждом языке индивидуальны и своеобразны, и буквально не переводимы» (Реформатский 1996, 68). Это значит, что такой перевод есть выражение формы, которая, к сожалению, иногда лишена содержания. Таким образом, переводчик вынужден балансировать между двумя крайностями. И общая стратегия «правильного» перевода, и в первую очередь устного перевода, состоит в том, чтобы и не заменять все идиомы идиомами, и не переводить их все дословно, а воспроизводить только смысл, который по контексту несет соответствующая фраза. Примерно так выглядят три практических

подхода, которые обуславливают потребность в словаре, где пользователю были бы предложены соответствующие варианты передачи лексем оригинала на другой язык.

Общие сведения о КФТС

Работа над составлением КФТС велась с 2018 по 2022 гг. За это время было собрано более 1000 выражений на английском и русском языках: свободные и идиоматические¹ устойчивые выражения, крылатые слова и различные клише с подобранными аналогами и эквивалентами на выходном языке. Основной акцент был сделан на фразеологизмах, при этом очевидно, что лишённые образности устойчивые обороты занимают бóльшую долю в современной речи. Данная работа содержит лишь небольшое количество таких фраз, а основное внимание уделено принципам и закладыванию фундамента для дальнейшего пополнения корпуса². В этой связи КФТС нельзя назвать полным собранием фразеологизмов или, в более широком смысле, устойчивых выражений — и такой цели не стоит, — поэтому он получил название краткого словаря.

Фразеологические единицы в КФТС расположены в алфавитном порядке. Их сортировка производилась по опорному слову, или ядерному компоненту, а второстепенные, вариативные элементы, добавлялись в скобках как пояснение для контекстуального употребления. Второстепенный элемент обладает менее тесной связью с ядерным компонентом и может использоваться, заменяться или опускаться в зависимости от контекста. Опорное слово выбиралось по семантическому и порядковому критериям, т. е. находилось наиболее весомое слово, сочетание с наиболее прочной связью, где первое слово — опорное. С учетом предполагаемой краткости КФТС из ряда синонимичных выражений использовалось самое частотное, согласно результатам поиска в системе Google Books Ngram Viewer.

На данном этапе развития КФТС словарные единицы входного и выходного языков снабжены пометами, сообщающими стилевую принадлежность, в некоторых случаях происхождение и региональную или отраслевую отнесенность.

¹ Значения свободных словосочетаний могут быть по смыслу выведены из значения их составных слов. Идиоматические характеризуются сдвигом значения, невозможностью понять смысл всего выражения по значению отдельных его элементов (Берков 2004, 20).

² Здесь: совокупность словарных статей.

Такие пометы выступают как средство семантизации рассматриваемых выражений.

КФТС предназначен для переводчиков, лингвистов и в целом пользователей, в достаточной мере владеющих грамматикой и фонетикой русского и английского языков. Это значит, например, что нужно уметь читать словарные единицы в соответствии с орфоэпической нормой. По этой причине знаки ударения в них отсутствуют, за исключением отклонений от нормы, продиктованных традициями употребления. Этим же объясняется отсутствие артиклей в англоязычных выражениях — именно в группах, кроме как для уточнения единственно возможного варианта. Указываемые же грамматические характеристики ограничены информацией об особенностях рассматриваемой единицы и/или ее отклонении от нормы.

Словарь изначально велся в электронной таблице, где единицы входного и выходного языка, связанные с ними пометы, а также буквальная и коннотативная перевод были разнесены по отдельным столбцам. Такой формат работы позволял без особых сложностей пополнять словник³ новым лексемами, составлять на их основе словарные статьи⁴ и делать групповые замены. Переход в бумажный формат противоречил бы поставленной цели — превратить «Фразаурус» в инструмент ежедневной переводческой работы, которая требует оперативного ввода и вывода информации. Таким образом, конечным, пригодным для использования продуктом стало мобильное приложение для смартфонов на базе наиболее популярных операционных систем: iOS и Android (Фразаурус: idiomatic thesaurus).

Отбор словарных единиц

Одной из первых проблем при составлении КФТС стали критерии отбора единиц для их включения в корпус. При первоначальном рассмотрении к таким единицам были отнесены устойчивые выражения, характерные для устной речи в различных стилевых регистрах, для которых находится не менее одного аналога на языке перевода, а именно: самостоятельные устойчивые выражения с минимальной вариативностью, эквивалентные предложению, с переносным смыслом/образом (например, пословицы); и самостоятельные устойчивые

³ Все словарные единицы, по которым пользователь КФТС осуществляет поиск.

⁴ Раздел КФТС, включающий единицу входного языка и все соответствующие ей аналоги и эквиваленты выходного языка.

выражения с минимальной вариативностью, лишённые переносного смысла, но имеющие невербальный контекст (например, крылатые слова). Обусловлено это было тем, что чем менее самостоятельна фразеологическая единица, т. е. чем крепче ее связь с контекстом, тем выше вариативности коннотата — значения, которое может быть вложено в эту единицу. Ведь «фразеологическим единицам также, как и словам <...> свойственна многозначность и омонимия» (Кунин 1970, 25). По этой причине упор был сделан на максимально устойчивые, внеконтекстные выражения.

Такой подход, однако, быстро показал, что соотношение, например, пословиц в английском и русском отнюдь не равное. Законченные по форме примеры народной мысли, не зависящие от своего контекста, — рудиментарное явление в современном английском языке. Судя по статистике, общая частотность их употребления устойчиво снижается с начала XX в., и привычные для русского человека пословицы не так уж часто передаются точным устойчивым эквивалентом в переводе на английский. В русском же языке они используются повсеместно. Соответственно, при сохранении таких жестких критериев отбора словарь рисковал стать малоинформативным и не очень полезным для пользователя.

Тогда было принято решение расширить круг поиска и добавить в корпус несамостоятельные устойчивые выражения с минимальной вариативностью, представляющие глагольные, субстантивные, адъективные, наречные группы, допускающие употребление в минимальном контексте. То есть, в дополнение к пословицам, крылатым словам и другим клише появились различные контекстуально зависимые словосочетания, отличающиеся устойчивостью.

В процессе отбора единиц для КФТС большое внимание уделялось их современной употребимости. В словарь включались только те лексемы, для которых зафиксированы случаи употребления в устном или письменном виде по крайней мере в XX в., согласно результатам поиска в корпусах текстов, или которые стали известны из личного переводческого опыта. Если использование единицы подтверждалось хотя бы в одном из источников, она добавлялась в состав. Допускалось, если выражение входного языка имеет современный характер, а соответствующее ему на выходном языке — устаревший. То есть, обеспечивается хотя бы минимальное фразеологическое соответствие. Другое дело, когда и русскоязычное, и англоязычное выражение относятся к ряду устаревших и встречаются,

например, только в источниках XIX в. В таком случае вероятность встретить и, соответственно, употребить их мала. Следовательно, такие пары в состав «Фразауруса» не включались.

Стилистический анализ словарных единиц

Одной из отличительных особенностей КФТС является стилистическая градация фразеологических аналогов рассматриваемой лексики входного языка: от высокого к сниженному, если такие аналоги находятся. Этот прием делает возможным как наиболее близкую передачу стиля оригинала, так и стилевую модуляцию — изменение высоты регистра в переводе в зависимости от контекста. Для этого потребовалось всесторонне изучить устойчивые выражения в целях установления их стилевой принадлежности.

Применялся следующий порядок обработки выражений. Сначала идиома находилась в современных словарях, в частности использовалась система словарного поиска TheFreeDictionary, словари Collins Online English Dictionary, Macmillan Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Cambridge Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English и Wiktionary для английского языка и система словарного поиска «Словари и энциклопедии на Академике», «Словарь русского языка в 4-х томах» (Малый академический словарь) и «Викисловарь» для русского языка соответственно. Изучались пометы каждой отдельно взятой идиомы. На основе пояснений и маркеров делался вывод о примерном соотношении регистров выражения на входном языке и соответствующих идиоматических аналогов на выходном. Устанавливалось происхождение идиомы, по возможности, его автор, что позволяло точнее определить характер выражения. Затем производился поиск идиомы в Google в разделах «Новости», «Книги», в системе поиска TheFreeLibrary в разделе «Periodicals» (для англоязычных идиом), а также в Национальном корпусе русского языка (для русскоязычных идиом). Найденные случаи употребления соотносились с результатами анализа, в т. ч. со словарными определениями и пометами. Исходя из этого сопоставления лексема входного языка относилась к тому или иному стилевому регистру.

Всего же в КФТС таких регистров пять: высокий (выражения, встречающиеся в сакральных текстах или ассоциирующиеся с ними и/или связанные с этическими ценностями); возвы-

шенный (известные цитаты, крылатые слова, а также примеры народной мудрости); нейтральный (универсальные устойчивые выражения, одинаково употребляющиеся и в устной, и в письменной речи в различных типах текстов); разговорный (разговорные обороты, допустимые и употребляемые главным образом или исключительно в устной речи); сниженный (вульгаризмы, выражения сниженного разговорного регистра, которые не соответствуют литературной норме (просторечия) или содержат обценную лексику).

Сложности определения стилевых границ

В процессе составления «Фразауруса» мы столкнулись с тем, что разные источники могут по-разному фиксировать стилевой регистр одной и той же фразы, особенно если та находится «выше» или «ниже» нейтрального слоя лексики. При этом далеко не каждая единица находится в современных словарях с указанной пометой стиля. Вот что об этом пишет, например, Рецкер: «Как известно, слова нейтрально в стилистическом отношении слоя (примерно 90% лексики) обычно не имеют никаких помет. Слова, находящиеся «выше» или «ниже» этого слоя (т. н. периферийная лексика), снабжаются стилистическими пометами. К сожалению, различные словари нередко по-разному квалифицируют одни и те же слова. Чаще всего это относится к лексике нелитературно-разговорных слоев с пометами: «разговорное, фамильярное, просторечное, сленг, жаргон». Реже наблюдается разноречивость в лексике с пометами «выше» нейтрального ряда: «книжное, официальное, канцелярское, поэтическое, архаичное, устарелое» (Рецкер 2007, 131–132). Приведем конкретные примеры. Идиома (*to go to*) *the ends of the earth* в словаре Longman Dictionary of Contemporary English имеет помету *literary* (литературное), а в словаре Wiktionary она указана как *informal* (разговорная), и в некоторых других словарях, несмотря на отсутствие маркировки, предлагаются примеры из устной речи. Еще один пример — русский фразеологизм (*быть*) *вне себя* (от чего-л.), который, судя по всем случаям употребления, относится к нейтральному регистру, но в Большом словаре русских поговорок имеет помету «разговорное» (Мокиенко, Никитина 2007).

Важную роль в определении стилистической принадлежности идиомы может играть ее лексико-синтаксический состав. В этом аспекте небольшие нюансы отличают, например,

фразеологизм высокого стиля от аналогично возвышенного выражения, но имеющего однозначный устный характер. Так, в КФТС некоторые пословицы как примеры народной мудрости маркированы высоким стилем (напр., *счастливые часов не наблюдают*), в то время как другие, похожие единицы, также считаются идиомами высокого стиля, но дополнительно отмечены как «устные» (напр., *счастье на деньги не купишь*). Тонкая грань между этими двумя типами пословиц возникает из-за конкретного словоупотребления: ср. использование безличной конструкции в первом выражении и 2-го лица единственного числа во второй. Именно такие небольшие отклонения от нейтрального регистра и заставляют снабжать некоторые единицы пометой устного использования (подробнее об этом — ниже). При этом не всегда нюансы составных элементов фразеологизма определяют стилистическую принадлежность всего выражения. Например, фраза *из огня да в полымя* содержит слово «полымя», которое в Малом академическом словаре сопровождается пометой «поэтическое». На этом основании логично было бы отнести всю фразу к возвышенному регистру. Однако после сопоставления словарных помет и случаев использования оказывается, что это выражение имеет разговорную окраску и используется главным образом в неформальном общении.

Классификация идиом с точки зрения их принадлежности к тому или иному регистру по формальному признаку, например, происхождению, тоже часто не работает. Хотя большинство библейских выражений во «Фразаурусе» обозначены как единицы высшего стиля, среди них есть и такие, которые на данный момент используются в нейтральной или даже разговорной речи. Так, клише *козел отпущения*, имея высокое происхождение, теперь в некоторых справочниках относится к разговорным. Другой пример: *Фома неверующий*. Хотя этот фразеологизм и происходит из Священного Писания, в русском языке он используется в ироничном значении — и главным образом в неформальной устной речи. При этом его прямой лексический аналог (*a*) *doubting Thomas* в английском языке свой высокий библейский стиль сохранил. То есть в стилистическом плане эти две идиомы не являются эквивалентными и при их передаче придется руководствоваться контекстом или, что более надежно, использовать коннотат. Важно отметить, что происхождение выражения установить не всегда возможно. Бывает так, что одну и ту же цитату относят к разным авторам или вообще ложно указывают на ее источники.

Например, *бойтесь своих желаний (они могут исполниться)* (возвыш.) ошибочно приписывается Михаилу Булгакову.

Стилевые приемы тоже не обязательно надежный маркер. Так, выражение *to kill two birds with one stone* формально, из-за аллегории, можно было бы отнести к категории книжных, но, как показывает практика употребления, оно активно используется и в устной речи. Наличие тропа в составе выражения не причисляет его автоматически к единицам возвышенного или разговорного регистра. Стилевые приемы, в том числе аллегория, встречается и среди нейтральных словосочетаний (напр., *приходить к общему знаменателю*). То есть этот признак не может являться решающим аргументом при определении стилового регистра той или иной идиомы.

Отдельно стоит остановиться на пословицах. Они представляют серьезную сложность для классификации по стилистическому признаку и в английском, и в русском языках. Это квинтэссенция народной мудрости, которая прошла проверку временем и равносильна известной цитате, а иногда и библейской истине. Такие единицы выражают наблюдения и выводы в относительно сжатом и получившем общее признание виде. Однако их эволюционный путь может отличаться. Одни замирают в старых формах, употребляются все реже, пока не перейдут в разряд устаревших (напр., *чужая печаль с ума свела, а по своей потужить некому*). Другие сохраняют свою актуальность, поднимаясь выше уровня нейтральной лексики (напр., *кто рано встает, тому Бог подает* (высш.)). Третьи так и остаются достоянием устной, а не письменной речи, поскольку считаются грубыми (напр., *баба с возу — кобыле легче*) или не отвечают литературной норме (напр., *на воре (и) шапка горит*).

Возьмем, к примеру, выражение: *с миру по нитке — голому рубашка*. Его вряд ли можно услышать в официальной речи или в тексте нейтрального регистра, ведь этот оборот речи и по внутреннему языковому чутью, и по совпадению в корпусе текстов — разговорный. Тем не менее, его едва ли можно приравнивать к другим разговорным фразам, таким как *иметь рыльце в пушку* или *с кондачка*. Языковое чутье, опять же, говорит, что данная пословица будет уместно смотреться и в высоком регистре тоже, например, как газетный заголовок. Другой случай — *на бога надейся, а сам не плошай*. Повелительное наклонение с глаголами во 2-м лице единственного числа плюс наличие глагола «плошать», близкого к просторечию, — все это

указывает на явный неформальный стиль единицы. Однако по смыслу, который заложен в ней, эта идиома сродни высказыванию, приписываемому пророку Мухаммеду, *“Trust in God but tie your camel”* или библейскому выражению *“Work out your own salvation”* (Библия, Послание к Филиппийцам, гл. 2, стих 12). Это характерная ситуация для народной мудрости: формально разговорная речь, не соответствующая представлениям о современном нейтральном регистре, но при этом возвышенное по своей сути изречение. Именно поэтому такие фразы маркируются в КФТС стилем на одну ступень выше нейтрального — возвышенным, но с пометой «устн.» (устное), чтобы указать на характерное для них устное употребление.

Конечно, не все пословицы попадают в такую категорию. Например, английское выражение *“Actions speak louder than words”* является пословицей, которая тяготеет исключительно к литературной речи. В то же время пословица *«Спасибом сыт не будешь»* не только относится к устным единицам, но и имеет сниженный, просторечный характер. Похожий пример: *сам кашу заварил, сам и расхлебывай* (разг.). У этой поговорки есть английский аналог, который эквивалентен еще и в стилистическом плане — *“You made your bed, now lie in it”* (разг.).

Как показал опыт исследования, практический аспект преобладает над фактором происхождения, лексико-синтаксическими особенностями, стиливыми приемами и значением. Следовательно, в условиях ограниченности и противоречивости словарных и других ресурсов арбитром служили реальные ситуации употребления, информацию о которых можно найти в корпусах текстов и публикациях, доступных через поисковые системы. Именно применение словарной единицы в речевых ситуациях было основным критерием при определении ее регистра. При этом разрозненность примеров и/или их ограниченное количество иногда не позволяли однозначно установить стилевую принадлежность идиомы. И в целом, как описано выше, для стилистической классификации словарных единиц КФТС и сортировки фразеологических аналогов по уровням учитывалось множество факторов, где не последнюю роль сыграло субъективное мнение автора. А для единиц выходного языка вместо абсолютных маркеров регистра была использована более гибкая, относительная маркировка.

Перевод с использованием семантических аналогов

С точки зрения переводимости часто оказывается так, что у фразеологической единицы

входного языка только некоторые семы пересекаются с семами аналога на выходном языке. То есть, возможность использования предложенного идиоматического варианта зависит от контекста, и этот вариант может иметь другие значения тоже. Как правило, у рассматриваемых единиц входного и выходного языков есть одна общая сема и индивидуальные коннотации. Их коннотаты соответствующим образом различаются: например, для лексем *ввязаться в драку* (разг.) и *to get (one's) feet wet* (нейтр.) общим является переход в другое состояние, но при этом русскоязычное выражение также подразумевает некоторую необратимость такого перехода. Таким образом, в качестве коннотата русского выражения возможны формулировки: 1. *to make first steps*, 2. *to commit oneself (to smth.)*; а коннотат англоязычного аналога один — «сделать первые шаги».

Как было отмечено выше, устойчивые сочетания, особенно фразеологические, редко демонстрируют полную эквивалентность. Семантическая и лексико-синтаксическая синонимичность далеко не всегда означают синонимичность стилистическую. То есть, несмотря на формальное наличие аналога, он может не подойти в регистр контекста, в котором находится идиома языка оригинала (ср. *дуракам везет* (разг.) и *fortune favors fools* (возвыш.)). Другой пример: русскому выражению *почить в бозе* в лексическом и синтаксическом плане соответствует английское (*to go to/enter eternal sleep*), при этом стилистически эти клише отличаются — первое может употребляться и в самом высоком, и в ироничном смысле в зависимости от контекста, а английская идиома тяготеет исключительно к литературной речи. Среди возможных соответствий для русского фразеологизма есть лексически отличная, но стилистически очень близкая фраза: *to give up the ghost*. Она также может использоваться и в высоком, библейском, смысле, и в шутовском ключе.

Еще один интересный пример — *вставить свои пять копеек* (разг.). Исходя из словарных помет и практики употребления, эта единица явно относится к категории разговорных. При этом ее англоязычный аналог *to put in (one's) two cents* (нейтр.) имеет широкую употребимость в печати, в т. ч. в текстах официально-делового стиля, что заставляет включить ее в число нейтральных идиом. А это значит, что для передачи указанной идиомы на русский язык русское образное выражение не подойдет, или подойдет ограниченно в зависимости от контекста, и правильнее будет взять коннотат: «внести свой вклад».

Общее правило при переводе — сглаживать углы. Устный перевод всегда является компромиссом между красотой оригинального оформления мысли и сутью, которая такое оформление получает. Таким образом, неизбежны потери либо эстетические, либо смысловые. Однако, поскольку смысловая составляющая в человеческой коммуникации имеет приоритет, то при переводе чаще всего теряются нюансы внешней формы оригинала. Если такие потери неизбежны и надлежащий стилистический эквивалент, при сохранении смысла, в языке перевода найти нельзя, то следует идти по пути выбора максимально нейтрального варианта. То есть, если выражение на языке оригинала имеет разговорную окраску, а в языке перевода наиболее близкий вариант — нейтральный, то употребляется именно он. Интересно, что в обратную сторону это не всегда справедливо: нельзя однозначно рекомендовать замену стилистически нейтральной идиомы в оригинале на единицу разговорного или возвышенного стиля. Такое решение зависит от конкретного контекста.

Стопроцентным аналогом, как правило, являются переводы с других языков, например, *если бы молодость знала, если бы старость могла* (возвыш.) и *if only youth had the knowledge, and if only age had the strength* (возвыш.). При этом находятся фразы, которые имеют общее происхождение, но в процессе употребления потеряли свою связь с первоисточником и стали восприниматься как единицы другого стилистического регистра, по крайней мере в одном из языков. Так произошло с парой *кто не работает, тот не ест* (нейтр.) — *if you won't work you shan't eat* (возвыш.). Среди устойчивых единиц есть и такие, которые являются друг для друга фразеологическими эквивалентами, не имея при этом общих корней. В частности, расхожее русское выражение *сила в правде* (возвыш.) в семантическом, лексическом и даже стилистическом плане полностью соответствует приписываемой Аврааму Линкольну фразе *"Might makes right"*.

Стоит отметить, что, несмотря на внешнее совпадение, эти эквиваленты часто имеют свои оттенки значения, могут лишь частично совпадать с коннотатом словарной единицы на входном языке или вовсе не иметь соответствующего переносного смысла. Так дело, например, обстоит с библейской фразой *избиение младенцев* (англ. *massacre of the innocents*). Источники на обоих языках идентично описывают происхождение этого выражения, но в переносном смысле в русском языке оно означает жестокость по отношению к слабому, в английском языке

(да и притом исключительно в его британском варианте) — отказ от рассмотрения законопроектов на заседании парламента ввиду завершения заседания.

Периодически встречаются единицы, которые передают один и тот же смысл и отличаются только одним элементом во фразе. Несмотря на такую избыточность, иногда оказывается, что именно вариативная часть обеспечивает большую гибкость при выборе прямого аналога, который в противном случае отсутствовал бы. Как пример: *what's done cannot be undone* (возвыш.) и *what's done is done* (возвыш.). По общему принципу, из числа похожих единиц, отличающихся к какому-либо одному элементу, в переводе выигрышнее использовать наиболее частотную. В данном случае такой единицей является *what's done is done*, но первая фраза наиболее точно соответствует русской поговорке *сделанного не воротишь*. Справедлив и обратный пример, когда из двух русскоязычных фраз *сделанного не воротишь* (возвыш., устн.) и *прошлого не воротишь* (возвыш., устн.), несмотря на более частотную первую, именно вторая более точно отражает английский фразеологизм *let bygones be bygones*.

Некоторые выражения, имея, предположительно, общий источник, сумели, однако, закрепиться в виде двух похожих, но все же лексически, синтаксически и, соответственно, образно различных вариантов. Так, идиомы (*the road to hell is paved with good intentions* (высш.) и *hell is full of good intentions* (высш.)), вероятно, происходят из одного афоризма, но из них нельзя выбирать как из единиц-дублеров с высокой вариативностью переменных элементов — они самостоятельны. То же справедливо для русскоязычных аналогов: «*Благими намерениями вымощена дорога в ад*» (высш.) и «*Преисподняя полна добрыми намерениями*» (высш.). Каждое из этих выражений нашло свое место в речевой норме.

Говоря о соответствиях устойчивых выражений в английском и русском, нельзя обойти тему уникальных единиц, которые не нашли свою «пару» в рамках КФТС. В русском языке такими лексемами — как с лексической, так и семантической точки зрения — оказались, среди прочих: *незванный гость хуже татарина*, *работа не волк, в лес не убежит*, *сгорел сарай — гори и дом*. В английском же примерами служат: (*an*) *elephant in the room* (пер. «слон в комнате»), *to cast (one's) bread upon the waters* (пер. «бросать хлеб на воду»), *A cat may look at a king* (пер. «Кошка может смотреть на короля»). Однако,

возможно, эти идиомы еще ждут того исследователя, который найдет для них подходящие аналоги.

Иногда оказывается, что единица, для которой не удастся найти семантическое соответствие в выходном языке, имеет похожую на себя по лексическому и/или синтаксическому составу (но не по смыслу) идиому. В этом случае, в качестве переводческого решения, такую идиому выходного языка можно подвергнуть небольшим семантическим изменениям, чтобы ее можно было использовать как идиоматический эквивалент. Например, на основе устойчивого выражения *to count the pennies* (нейтр.) удобно синтезируется единица *the pennies love counting* для перевода русского выражения *деньги любят счет* (нейтр.). Тем не менее следует помнить, что такие варианты имеют характер окказионализмов, то есть не закреплены в реальном узусе. Всего на момент первой публикации в КФТС было 15 таких единиц. Как представляется, эти решения должны облегчить работу переводчика, которому порой приходится на ходу справляться с подобными сложностями.

Использование буквального переводного эквивалента

При этом не для каждого оборота речи можно или даже нужно синтезировать псевдоидиому. Зачастую на практике приходится по договоренности с заказчиком или потребителем услуги пользоваться именно буквальным переносом слов в иноязычный дискурс. Отметим, что при буквальном воспроизведении оригинала переводчик ориентируется в первую очередь на исходный текст — как бы это ни противоречило цели коммуникации — калькулирует лексику и синтаксис. На первый взгляд, такой подход ущербен, но, если взглянуть на практику, он порой оказывается лучше других вариантов.

Устный переводчик часто работает вслепую, не зная, какой будет следующая фраза или поворот в беседе. Такая непредсказуемость диктует максимальную осторожность, ведь ничто не может помешать оратору оживить стертую метафору или добавить пояснение «как у нас говорят». В такой ситуации использование лексико-синтаксического аналога приведет к непониманию и срыву коммуникации, коннотативный перевод не даст нужного эффекта, зато использование буквального варианта спасет положение.

Именно поэтому почти каждая словарная единица входного языка в КФТС снабжена

буквальным переводом, и этим «Фразаурус» выгодно отличается от многих других словарей и сборников. При этом дословный перевод не требовался, если у фразеологизма входного языка находился лексико-синтаксический и семантический эквивалент на языке перевода, как в случае с лексемами, имеющими общее происхождение (ср. *истина в вине* (возвыш., лат.) и *there's truth in wine* (возвыш., лат.)). Он также отсутствовал, если составные элементы выражения с трудом поддавались отделению (например, русские выражения *гулять так гулять* (разг.), *была не была!* (разг.) или английские *as if!* (разг.), *no way!* (разг.)). Встречался ряд устаревших форм, происхождение и первоначальный смысл которых установить не удавалось, и в таком случае также пришлось обойтись без дословного варианта (например, *(to be) at sixes and sevens* (разг.) или *(не видно/видать) ни зги* (нейтр.)).

В случае с дословным переводом общие переводческие приемы сохраняли свою актуальность. В частности, использовались синтаксические трансформации в целях сохранения логического ударения (например, для русскоязычной фразы *не родись красивым, а родись счастливым* (возвыш., устн.) был предложен вариант: “It’s better to be born blessed than beautiful”), применялось смысловое развитие исходя из контекста фразы и правил сочетаемости выходного языка (например, английская пословица *(a) man is known by the company he keeps* (возвыш.) была переведена как «О человеке судят по его окружению»), делались добавления, обусловленные грамматикой другого языка (например, в случае русского выражения «*Кто не рискует, тот не пьет шампанского*» (возвыш., устн.) была построена фраза: “He who takes no risks drinks no champagne”) и др. Отметим, что здесь вряд ли возможно общее решение: эта работа требует разных подходов. Как указывалось выше, акцент нужно делать на исходном тексте, а переводческие трансформации использовать для его формального воссоздания на языке перевода по существующим для этого языка правилам.

Перевод коннотата

Человеческая мысль повторяется из языка в язык, отражая одни и те же закономерности мышления: практически для любой фундаментальной русской мудрости можно найти аналог на английском. То есть, несмотря на богатство выразительных средств любого языка, посыл часто сводится к простым «заповедям» — иногда

заповедям в прямом смысле слова. Проблема, однако, заключается в том, что в другом языке они могут выглядеть совершенно иначе.

Хотя в традиционных двуязычных словарях, как правило, фразеологизм поясняется и дается описание заложенного в нем смысла, оно не всегда лаконично и не готово к немедленному употреблению. При этом задача переводчика — максимально уменьшить количество слов в переводе, когда ни одного слова больше убрать не получится, иначе, развалится вся фраза (Фалалеев, Малофеева 2015, 147). Для этих целей в КФТС была сделана попытка найти лаконичный парафраз устойчивого выражения в нейтральном регистре, допускающий замену любого из своих компонентов. Во «Фразаурусе» для этого используется ряд кратких синтаксических формул, таких как «определение-подлежащее» или «подлежащее-сказуемое-дополнение», где каждая переменная по возможности должна выражаться одним словом. Например, для русской пословицы *в огороде бузина, а в Киеве дядька* (возвыш., устн.) по первой формуле был составлен коннотат: *unrelated subjects*; а для английского выражения *word (once) spoken is past recalling* (возвыш., устн.) — по второй: «Все сказанное имеет последствия». Перечисленные варианты не являются исчерпывающими и вместе с ранее приведенными примерами служат для отражения общей концепции.

Отмечается, что аудитории легче воспринимать информацию — а переводчику легче переводить, — когда вместо длинных фраз звучат короткие (Фалалеев, Малофеева 2015, 190). Таким образом, количество слов во фразе и количество слогов в отдельно взятом слове важно. Соответственно, при выборе между значениями переменных, равными в плане передачи смысла, предпочтение отдавалось более коротким. Используя предложенный вариант, можно сходу заполнить коммуникативный пробел и при этом сократить отставание от оратора через компрессию в переводе. Это особенно актуально, если среди предложенных фразеологических аналогов на выходном языке отсутствует вариант в нейтральном регистре. А значит, перевод коннотата исходного выражения призван служить наиболее универсальным, внеконтекстным способом передачи единицы входного языка.

Выводы

Применительно к переводу теория всегда исходит из практики. И КФТС призван стать важным примером такой трансформационной

работы. В настоящей статье мы осветили ряд аспектов, касающихся нашего опыта составления англо-русского и русско-английского словаря устойчивых выражений, акцентировав внимание на процессе его создания, стилевых особенностях и применимости к работе переводчика — в первую очередь переводчика устного.

Как отмечалось в начале статьи, приемы в устном переводе по отношению к устойчивым словосочетаниям сводятся к поиску иноязычного аналога, буквальному переводу и передаче коннотата. В КФТС учтены все три варианта: при необходимости можно выразить смысл в сжатом виде, буквально воспроизвести фразу на языке перевода или подобрать соответствующий в лексико-синтаксическом и стилистическом плане аналог с учетом предусмотренной в словаре градации. Интерфейс словаря разрабатывался для интуитивно понятного применения, чтобы сделать его удобным ежедневным справочником.

К моменту первой публикации КФТС в него было включено около 1100 единиц в направле-

нии с английского языка на русский и порядка 1200 с русского языка на английский. Эта работа далека от завершения, но призвана задать тон для дальнейшего пополнения базы соответствий устойчивых выражений на указанных языках. Электронный формат делает возможным оперативную актуализацию данной базы с учетом новых тенденций и замечаний коллег. Надеемся, что «Фразаурус» внесет свой скромный вклад в развитие прикладной переводческой лексикографии, ориентированной на профессиональную аудиторию.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Словари и справочная литература

- Викисловарь*. (2022) [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения 14.07.2022).
- Евгеньева, А. П. (ред.). (1999) *Словарь русского языка: в 4 т.* 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, Полиграфресурсы. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (дата обращения 14.07.2022).
- Минеев, Т. (ред.). (2022) *Фразаурус: idiomatic thesaurus*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trworkshop.net/forum/viewtopic.php?f=16&t=67039> (дата обращения 14.07.2022).
- Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (2007) *Большой словарь русских поговорок*. М.: Олма Медиа Групп, 784 с.
- Национальный корпус русского языка*. (2022) [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 14.07.2022).
- Словари и энциклопедии на Академике*. (2022) [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения 14.07.2022).
- Cambridge Dictionary*. (2022) [Online]. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 14.07.2022).
- Collins Online English Dictionary*. (2022) [Online]. Available at: <http://www.collinsdictionary.com/> (accessed 14.07.2022).
- Google Books Ngram Viewer*. (2022) [Online]. Available at: <https://books.google.com/ngrams> (accessed 14.07.2022).
- Longman Dictionary of Contemporary English*. (2022) [Online]. Available at: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed 14.07.2022).
- Macmillan Dictionary*. (2022) [Online]. Available at: <http://www.macmillandictionary.com/> (accessed 14.07.2022).
- Merriam-Webster Dictionary*. (2022) [Online]. Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 14.07.2022).
- TheFreeDictionary*. (2022) [Online]. Available at: <http://www.thefreedictionary.com/> (accessed 14.07.2022).
- TheFreeLibrary*. (2022) [Online]. Available at: <https://www.thefreelibrary.com/> (accessed 14.07.2022).
- Wiktionary. The free dictionary*. (2020) [Online]. Available at: https://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Main_Page (accessed 14.07.2022).

Литература

- Берков, В. П. (2004) *Двуязычная лексикография*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Астрель, 236 с.
- Кунин, А. В. (1970) *Английская фразеология*. М.: Высшая школа, 342 с.
- Реформатский, А. А. (1996) *Введение в языковедение*. 5-е изд. М.: Аспект Пресс, 536 с.
- Рецкер, Я. И. (2007) *Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода*. 3-е изд., стереотип. М.: Р. Валент, 244 с.

Фалалеев, А., Малофеева, А. (2015) *Упражнения для синхрониста. Вертолет береговой охраны. Самоучитель устного перевода с английского языка на русский*. СПб.: Перспектива; Юникс, 192 с.

Dictionaries and reference literature

- Cambridge Dictionary*. (2022) [Online]. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 14.07.2022). (In English)
- Collins Online English Dictionary*. (2022) [Online]. Available at: <http://www.collinsdictionary.com/> (accessed 14.07.2022). (In English)
- Evgeneva, A. P. (ed.). (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Dictionary of the Russian language: In 4 vols.]*. 4th ed., ster. Moscow: Russkij yazyk Publ.; Poligrafresursy Publ. [Online]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (accessed 14.07.2022). (In Russian)
- Google Books Ngram Viewer*. (2022) [Online]. Available at: <https://books.google.com/ngrams> (accessed 14.07.2022). (In English)
- Longman Dictionary of Contemporary English*. (2022) [Online]. Available at: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed 14.07.2022). (In English)
- Macmillan Dictionary*. (2022) [Online]. Available at: <http://www.macmillandictionary.com/> (accessed 14.07.2022). (In English)
- Merriam-Webster Dictionary*. (2022) [Online]. Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 14.07.2022). (In English)
- Mineev, T. A. (ed.). (2022) *Frazaurus: Idiomatic thesaurus*. [Online]. Available at: <http://www.trworkshop.net/forum/viewtopic.php?f=16&t=67039> (accessed 14.07.2022). (In Russian)
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2007) *Bolshoj slovar' russkikh pogovorok [Big Dictionary of Russian Proverbs]*. Moscow: Olma Media Grupp Publ., 784 p. (In Russian)
- Natsionalnyj korpus russkogo yazyka [The Russian National Corpus]*. (2022) [Online]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 14.07.2022). (In Russian)
- Slovari i entsiklopedii na Akademike [Academic dictionaries and encyclopedias]*. (2022) [Online]. Available at: <http://dic.academic.ru/> (accessed 14.07.2022). (In Russian)
- TheFreeDictionary*. (2022) [Online]. Available at: <http://www.thefreedictionary.com/> (accessed 14.07.2022). (In English)
- TheFreeLibrary*. (2022) [Online]. Available at: <https://www.thefreelibrary.com/> (accessed 14.07.2022). (In English)
- Vikislovar' [Wiktionary]*. (2022) [Online]. Available at: <http://ru.wiktionary.org/wiki/> (accessed 14.07.2022). (In Russian)
- Wiktionary. The free dictionary*. (2022) [Online]. Available at: https://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Main_Page (accessed 14.07.2022).

References

- Berkov, V. P. (2004) *Dvuyazychnaya leksikografiya [Bilingual lexicography]*. 2nd ed., rev. and exp. Moscow: Astrel Publ., 236 p. (In Russian)
- Falaleev, A., Malofeeva, A. (2015) *Uprazhneniya dlya sinkhronista. Vertolet beregovojoj okhrany. Samouchitel' ustnogo perevoda s anglijskogo yazyka na russkij [Exercises for simultaneous interpreters. Coast guard helicopter. Self-study of interpretation from English into Russian]*. Saint Petersburg: Perspektiva Publ.; Yuniks Publ., 192 p. (In Russian)
- Kunin, A. V. (1970) *Anglijskaya fraseologiya [English phraseology]*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 342 p. (In Russian)
- Reformatskij, A. A. (1996) *Vvedenie v yazykovedenie [Introduction to language studies]*. 5th ed. Moscow: Aspekt Press Publ., 536 p. (In Russian)
- Retsker, Ya. I. (2007) *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoj teorii perevoda [Theory of translation and translation practice. Essays on the Linguistic Theory of Translation]*. 3rd ed., stereotype. Moscow: R. Valent Publ., 244 p. (In Russian)

УДК 81'276.11

EDN ZXIYBV

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-143-155>

Лингвокультурный концепт РОДИНА сквозь призму восприятия региональной языковой личности: теоретические и прикладные аспекты исследования

И. А. Ильичева✉¹

¹ Минский государственный лингвистический университет,
220034, Белоруссия, г. Минск, ул. Захарова, д. 21.

Сведения об авторе

Инна Леонидовна Ильичева,
ORCID: 0000-0003-3610-8147,
e-mail: ilitcheva@list.ru

Для цитирования:

Ильичева, И. А.
(2022) Лингвокультурный
концепт РОДИНА сквозь призму
восприятия региональной
языковой личности:
теоретические и прикладные
аспекты исследования.
*Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 4, № 2, с. 143–155.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-143-155>
EDN ZXIYBV

Получена 9 марта 2022; прошла
рецензирование 3 апреля 2022;
принята 26 мая 2022.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © И. А. Ильичева (2022).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Когнитивная лингвистика является динамично развивающимся направлением современного языкознания, в фокусе внимания которого находятся проблемы концептуализации и категоризации окружающей действительности, вопросы хранения и способы передачи в языке информации о мире, культуре его носителя. Лингвокогнитивный анализ доминантных ментальных единиц внутреннего мира человека позволяет раскрыть отраженные в них культурные константы и особенности национального характера. Значимыми для описания целостной миромодели становятся базовые ментефакты, в которых проявляется единство понятийного, образного и ценностного компонентов языковой картины. Одним из ключевых концептов мировидения белорусов является концепт РОДИНА. Образ родины формируется в детстве и представляет собой высшие ценности любви и красоты. Концепт РОДИНА относится к разряду реляционных ментальных единиц, поскольку в его структуре четко прослеживается наличие параметра отношения. В статье представлены результаты анализа концепта РОДИНА, проведенного на материале регионального поэтического дискурса. В качестве языкового материала отобраны 300 поэтических текстов, созданных в период с 2000 по 2021 гг. поэтами Брестской области Беларуси. В основу анализа положены описательный и лингвокультурологический методы исследования. В статье рассматриваются понятийный, аксиологический и эмоциональный уровни концепта. В поэтической текстовой канве лингвокультурный концепт РОДИНА выходит за рамки определения в лексикографических источниках и получает дополнительные семантические характеристики. В результате проведенного анализа доказывается, что вербальные топонимические доминанты и языковые способы их репрезентации определяют специфику манифестации концепта РОДИНА в региональном поэтическом дискурсе. Топонимические концептуальные доминанты и вербализующие их языковые единицы позволяют определить национально-культурную специфику концепта РОДИНА, отраженную в региональном поэтическом пространстве.

Ключевые слова: языковая личность, концепт, концептосфера, ключевой концепт РОДИНА, топонимы, метафора, модусы перцепции

Linguocultural concept HOMELAND through the prism of perception of regional language personality: Theoretical and applied aspects of research

I. L. Ilyicheva✉¹

¹ Minsk State Linguistic University, 21 Zakharova Str., Minsk 220034, Belarus

Author

Inna L. Ilyicheva,
ORCID: 0000-0003-3610-8147,
e-mail: ilyicheva@list.ru

For citation:

Ilyicheva, I. L.
(2022) Linguocultural concept HOMELAND through the prism of perception of regional language personality: Theoretical and applied aspects of research. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 4, no. 2, pp. 143–155.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-143-155>
EDN ZXIYBV

Received 9 March 2022; reviewed 3 April 2022; accepted 26 May 2022.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © I. L. Ilyicheva (2022).
Published by Herzen State Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. Cognitive linguistics is a dynamically developing area of modern linguistics, which focuses on the problems of conceptualization and categorization of the surrounding reality. The linguo-cognitive analysis of the dominant mental units of the inner world of a person makes it possible to reveal the cultural constants and features of the national character reflected in them. Significant for the description of a holistic world model are the basic mentefacts, in which the unity of the conceptual, figurative and value components of the linguistic picture is manifested. One of the key concepts of the worldview of Belarusians is the concept of HOMELAND. The concept of HOMELAND belongs to the category of relational mental units, since the presence of a relation parameter is clearly traced in its structure. The article presents the results of the analysis of the concept HOMELAND, carried out on the material of the regional poetic discourse. 300 poetic texts created in the period from 2000 to 2021 by the poets of the Brest region were selected as linguistic material. The analysis is based on descriptive and linguoculturological research methods. The article deals with the conceptual, axiological and emotional levels of the concept. In the poetic text canvas, the linguocultural concept HOMELAND goes beyond the definition in lexicographic sources and acquires additional semantic characteristics. As a result of the analysis, it is proved that verbal toponymic dominants and linguistic ways of their representation determine the specifics of the manifestation of the concept of HOMELAND in the regional poetic discourse. Toponymic conceptual dominants and language units that verbalize them make it possible to determine the national and cultural specificity of the concept HOMELAND, reflected in the regional poetic space.

Keywords: linguistic personality, concept, concept sphere, key concept HOMELAND, toponyms, metaphor, modes of perception

Введение

Термин *языковая личность* впервые появился в публикациях немецкого ученого И. Вейсгербера в начале XX века. Немного позже в книге «Русский язык и языковая личность» (1987) Ю. Н. Караулов представил расширенное понимание термина и предложил рассматривать «языковую личность» как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» (Караулов 2010, 245). Ученый выделил трехуровневую структуру языковой личности, состоящую из вербально-семантического уровня, характеризующего лексикон человека; лингвокогнитивного уровня, включающего в себя тезаурус

личности, систему знаний о мире; мотивационного уровня, отражающего систему целей, мотивов и прагматических установок личности в процессе речевой деятельности (Караулов 2010).

С тех пор термин получил широкое распространение в гуманитарном знании и в настоящее время активно используется учеными (см. работы А. Г. Баранова, Г. Н. Беспятовой, С. Г. Воркачева, Г. В. Ейгера, О. Л. Каменской, В. И. Карасика, В. В. Красных, М. В. Ляпона, В. А. Масловой, В. П. Нерознака, О. Б. Сиротиной, А. М. Шахнаровича и др.), которые сходятся во мнении о том, что «языковая личность как объект лингвистического изучения позволяет на систематической основе рассматривать как взаимодействующие все четыре фундаментальные языковые свойства: исторически обусловленный характер развития языка, его психическую природу, системно-структурную организацию, социально обусловленный

характер возникновения и употребления» (Красных 2003, 18).

В. И. Карасик, профессор Волгоградского государственного университета, трактует данный термин как «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» (Карасик 2002, 19). Автор подчеркивает, что лингвистическое изучение языковой личности базируется на тех психологических и социологических признаках, которые находят выражение в языковой семантике и прагматике и позволяют построить типологию языковых личностей (Карасик 2002).

С. Г. Воркачев предлагает междисциплинарный подход, указывая, что в значении данного термина преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность. Под «языковой личностью», по словам С. Г. Воркачева, следует понимать «закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя языка, включающий мировоззренческие установки, ценностные приоритеты и поведенческие реакции, отраженные в словаре, — личность словарная, этносемантическая, которая выступает субъектом языковой картины мира и национальной концептосферы» (Воркачев 2001, 18).

Мы полагаем, что при описании языковой личности, когнитивный уровень является доминантным, поскольку именно на нем происходит актуализация релевантных знаний и представлений, присущих социуму (языковой личности) и создающих коллективное и (или) индивидуальное когнитивное пространство. В. В. Красных пишет, что наши знания об окружающей нас действительности структурируются и категоризируются в виде ментефактов, единиц ментального характера, способных отражать различные сферы деятельности человека (Красных 2003, 154). Концептуализация, по словам Н. Н. Болдырева, это «осмысление поступающей информации мыслительное конструирование предметов и явлений» (Болдырев 2014, 37). Человек мыслит концептами, комбинируя их, формируя новые концепты в ходе мышления. Концепт понимается как глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания.

В рамках данной работы нам близки концепции Н. Д. Арутюновой, которая считает, что концепт — это «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром»

(Арутюнова 1993, 3). В концептах, по словам В. А. Масловой, аккумулируется культурный уровень каждой языковой личности, а сам концепт реализуется не только в слове, но и в словосочетании, высказывании, дискурсе, тексте (Маслова 2008, 72).

Мы полагаем, что один концепт может быть репрезентирован не просто значением отдельной лексической единицы, но и целым спектром слов и выражений, целых текстов, а также многочисленными ассоциациями, вызываемыми этими словами, которые в значение не включаются. Внимание автора настоящей статьи привлекло восприятие лингвокультурного концепта РОДИНА в региональном поэтическом дискурсе.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, возрастающим интересом современной лингвистической науки к изучению особенностей познания человеком окружающей действительности, механизмов ментальной деятельности человека, а также различных форм манифестации знания; во-вторых, тем, что именно собственные (топонимы) — манифестанты лингвокультурных концептов — в недостаточной степени подвергались анализу с позиций лингвокультурологии и лингвоконцептологии, что и определило новизну данного исследования.

Научно-методологической основой статьи послужили работы Н. Д. Арутюновой, А. П. Бабушкина, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, В. В. Колесова, Д. С. Лихачева, В. А. Масловой, В. Н. Телия, А. Вежбицкой, Ю. С. Степанова и мн. др., а также толковые и этимологические словари В. И. Даля, С. И. Ожегова, М. Фасмера.

Результаты

Выявленные автором статьи вербальные топонимические доминанты и языковые способы их репрезентации позволили определить специфику концепта РОДИНА сквозь призму восприятия региональными поэтами. Авторский вклад — описание поэтического пространства Брестчины со стороны концептосферы — сгустков понятий, мотивов, образов, из которых, как мозаичное полотно, складывается мир региона.

Цель статьи — комплексное лингвокультурологическое и лингвокогнитивное изучение концепта РОДИНА, его структурных характеристик и языковых средств объективации.

Концепт РОДИНА относится к разряду ключевых концептов, важных для постижения языковой картины мира любого этноса. Анализ языковой репрезентации ключевого концепта

РОДИНА в поэтическом пространстве Брестчины позволил сделать выводы об особенностях ментальности региональных поэтов, нормах поведения и ценностных ориентациях. Изученный материал подводит к выводу о том, что региональные авторы вербализуют концепт РОДИНА посредством топонимических доминант, которые в сумме с номинирующими их ассоциативными элементами образуют целостное этноконцептуальное региональное мозаичное полотно.

Материалы и методы

Концепты являются многомерным «семантическим образованием», отмеченным лингвокультурной спецификой (Воркачев 2008) и, тем или иным образом, характеризующим носителей определенной лингвокультуры (Слышкин 2004). Концепты окружены эмоциональным, экспрессивным и оценочным ореолом. Исходя из этого можно сказать, что метод изучения и анализа концептов не может быть одинаковым. Чтобы установить смысловой объем анализируемого концепта, необходимо выяснить место данного концепта в языковом сознании нации через обращение к энциклопедическим и лингвистическим словарям. Необходимо также привлечь к анализу поэтические контексты с целью определения ассоциативных связей с ключевыми лексемами (ядром концепта). Поэтому языковой материал собирался методом сплошной выборки, изучался с помощью описательного, лингвокультурологического методов. В процессе работы было проанализировано более 300 стихотворений региональных поэтов, рассмотрено около 2 тысяч словосочетаний.

Обсуждение

Будучи феноменом ментального характера, концепт существует в индивидуальном и коллективном сознании, в различных сферах деятельности представителей разных лингвокультур. Мы разделяем точку зрения А. П. Бабушкина о том, что в случае коммуникативной необходимости концепт вербализуется различными способами (фонетическим, лексическим, синтаксическим и др.), целым комплексом языковых средств, систематизация и семантическое описание которых позволяют выделить когнитивные признаки и классификаторы, релевантные в дальнейшем для их моделирования (Бабушкин 1996).

В результате познания человеком окружающего мира и деятельности формируется систе-

ма знаний о мире, состоящая из концептов разного уровня сложности и абстракции (Степанов 2004). Такая система может трактоваться как некая концептосфера, отображающая структуру смысла в сознании индивида (Попова, Стернин 2007, 14). Совокупность концептов, рассматриваемых в аксиологическом аспекте, образует ценностную картину, ценностные доминанты, совокупность которых и формирует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке и речи (Маслова 2011).

Академик Д. С. Лихачев в своих работах обращает наше внимание на то, что именно понятие концептосферы является ключом к пониманию того, почему язык является не просто способом общения, а своего рода концентратом культуры, «алгебраическим выражением всей культуры нации». «Каждый концепт в сущности может быть по-разному расшифрован в зависимости от ситуационного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя» (Лихачев 1993, 5). Продолжая мысль Д. С. Лихачева, можно предположить, что концептосфера отдельного региона будет обладать определенными характеристиками, сужая или расширяя общую национальную концептосферу в целом.

В создании концептосферы особое значение принадлежит поэтам, поскольку в своих произведениях они создают определенное региональное *семантическое пространство* как некий комплекс языковых единиц, именующих элементы картины мира, сложившейся у представителей данного региона в ходе его бытия и определяющей национально-культурную специфику построения и реализации ассоциативно-вербальной сети ее языковых личностей.

Прежде чем приступить к детальному описанию языковых средств репрезентации концепта в региональном поэтическом пространстве, укажем, что Брестчина (Брестская область) — западные ворота Беларуси — расположена на перекрестке путей с востока на запад и с севера на восток, граничит с Польшей и Украиной. Брестская область делится на 16 административно-территориальных районов. На Брестчине находится около 20 малых и средних городов с населением от 15 до 100 тысяч человек. Это Каменец, Жабинка, Кобрин, Малорита, Пружаны, Дрогичин, Береза, Иваново, Луинец, Столин, Ганцевичи, Ляховичи и др.

К числу ключевых концептов любой культуры, наряду с такими концептами, как СУДЬБА, ДУША, ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, ЛЮБОВЬ и др., относится концепт РОДИНА. Наблюдения показывают, что концепт РОДИНА — один из наи-

более важных в творчестве региональных поэтов. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные названия стихотворений: «Родина» А. Багданович, «Лепшы на зямлі» Т. Баланович, «Вечары ў Яромічах» Г. Балахоўская, «Маё Палессе» В. Барысюк, «Мой Кобрин» Н. Березюк, «Кобрынскае лета» А. Валасюк, «Кобрин», «Посвящается Кобрину», «Здравствуй, Кобрин» Н. Галаванова, «Квітней ты, Кобрынчына наша!», «Кобрынскі вальс» А. Глушко, «Ляхчыцы» В. Жарын, «Под сенью кобринских берез», «Песня о Кобрине» В. Літошук, «Кобрин — город красоты» І. Ніжнік (Курачук 2019); «Мой край» А. Белавус, «Наша вёска» Я. Мароз, «Камянец» К. Корнелюк, «Камянецкі напрамак» Я. Грыгаровіч, «Вяртанне да Камянца» В. Жуковіч, «Камянецкі вальс» Н. Гарагляд, «На Дажынкі ў Камянец» М. Панасюк, «Камянец» А. Глушко, «Камянецкая царква» А. Іванюковіч, «Рэчка Лясная», «Вёска Радасць» В. Жуковіч, «Вечар у Белавежы» А. Шлык, «Певень в Беловеже» Б. Спринчан, «Беловежская весна» И. Верас, «Камянецкі лес» А. Вершанка, «Балада Белай вежы» В. Шніп, «Белая вежа» В. Гардзей, «У Белавежы» А. Астрэйка, «Башня “Белая вежа”» Т. Чернулич (Радасць мая адвечная — Камянецкая старана 2015), «Пінску», «Пінчукам» А. Альферович (Пинск в поэзии 2019), «Над Пінай», «Зямля палеская» З. Вагер (Вагер 2004).

Родина в видении авторов предстает не просто изначальной географической единицей, где родился человек, а также некой ментальной конструкцией, ощущением конкретного географического пространства и времени, закрепленным в сознании ее жителя. Через данный концепт региональные авторы передают отношение жителей региона ко многим историко-культурным событиям и явлениям, имевшим и имеющим место на данной территории проживания сообщества людей.

Перейдем к рассмотрению инвариантной структурной модели интересующего нас концепта. Для выявления понятийной характеристики концепта РОДИНА мы прежде всего обратились к лексикографическим источникам русского языка. В толковом словаре С. И. Ожегова дается два значения лексемы РОДИНА: 1. Отечество, родная страна. *Любовь к родине. Защита родины*; 2. Место рождения, происхождения кого-чего-н., возникновения чего-н.: *Москва — его родина. Индия — родина шахмат*. Вторая родина — место, давшее кому-н. приют, ставшее родным (Ожегов, Шведова 1999).

В этимологическом словаре М. Фасмера слово РОДИНА — «отечество», тогда как укр.

родина = «семья», блр. *родзіна* — то же, болг. *родина* «родина, место рождения», сербохорв. *родина* «обилие плодов», словен., польск. *rodzina* — семья // Произведено от *rod* (см.), знач. «родная страна» встречается впервые у Державина (Фасмер 1987).

В толковом словаре В. И. Даля представлено одно толкование слова РОДИНА: «родина» — родить, родня и пр. см. рождасть. Но в значении «родина, родная земля» В. И. Даль использует лексему «отечество» (Даль 1994).

Согласно толковому словарю белорусского литературного языка, слово *радзіма* — 1. бацькаўшчына, родная краіна. *Абарона Радзімы*. 2. Месца нараджэння, узнікнення, паходжання каго-, чаго-н. *Паехаць на сваю радзіму. Радзіму, як і маці, не выбіраюць (прыказка)* (Судник, Кривко 2002, 533).

Анализ лексикографических данных позволил выявить ядерный слой исследуемого концепта, который образуется на базе основного, первого словарного значения, вербализующей его лексемы. Ядро концепта РОДИНА в лексикографических источниках формируется следующими когнитивными признаками: родная страна, место рождения, родная земля.

В свете привлеченных для анализа текстовых данных зона ближней периферии концепта представлена особым смысловым полем, состоящим из ономастических доминант, которые находятся с ядерным элементом в различных взаимосвязях и выступают своеобразными топонимическими ориентирами. К таким топонимическим ориентирам относятся названия городов и населенных пунктов Брестчины. Анализ показывает, что не только сами поэтические произведения, но уже и их названия — *имена собственные* — способны адекватно отражать реальность и точно вписываться в контекст наряду с другими языковыми средствами, участвовать в реализации всех его категорий и свойств.

Заголовки-топонимы нередко используются авторами в качестве своеобразной текстовой скрепы, реализующей доминантную позицию в поэтическом тексте. Лингвокультурологический анализ топонимов позволяет рассматривать их как хранилище знаний о языке и культуре страны, как своеобразный «культурный код». В региональных поэтических произведениях топонимические доминанты представлены различными характеристиками (признаками): перцептивными, когнитивными, оценочными и ценностными параметрами.

Рассмотрим детально способы языковой объективации выделенных топонимических

доминант. Итак, ядро и ближняя периферия концепта РОДИНА в региональном поэтическом пространстве формируются маркерами национально-культурной идентичности. К маркерам относятся:

- топонимы

Край любімы, самабытны / Без цябе жыцця не знаю: / Лунінец, вышынь гранітных, / Пінск — палесская сталіца, і Бяроза, і Пружаны, / Камянецкая крыніца, / Маларыта, Кобрин, Янаў. / Да спадабы кожны звычай / У жыццёвай нашай долі. / Побач Жабінка, Драгічын, / на Гарыні слауны Столін (Томашевич 2019);

Паміж Дзіцячай вёскай і вёскай Мазуры / Пасёлак прытаіўся, дзе мары ўсе мае. / І казачная назва, І яблык чую пах, / Мянуецца Фруктовы (Г. Сабчук) (Курачук 2019);

- гидронимы

Из полесских глубин вытекающая, / Пина в Припять привольно течет / Здесь, из дальних времен вырастая, / Величаво мой город встает (Гришковец 2020);

Дя цяхай плыні Мухаўца, / Сярод лугоў імішых, / Дзе князь — вальнскі ўладар — драўляны замак збудаваў (Н. Дрык) (Курачук 2019);

І сонца ў рэчку Лясную глядзіца (Л. Глушко) (Глушко 2019);

Над прагнуўшымся возерам Любань гоман ітушак і смех наўздагон (Ю. Піваварава) (Курачук 2019);

Мы стаім, ішчаслівыя, над Пінай, над любімаю нашай ракой (Вагер 2004);

- антропонимы

У полі рамонак, валошка і колас, / Вершы гамоняць крыючай вадой, / Гілевіч і Броўка, Купала і Колас / Зоркамі свецяць, вядуць за сабой. (Лис 2021);

І шведы Густафа Адольфа / Разграбілі, спалілі жорстка / Ды Кобрин жыў і ваяваў. / Сувораў славаю сваёй / Ключ Кобринскі авеяў (Н. Дрык) (Курачук 2019);

- мифонимы

В болоте тропки с бересты / Объединялись там в мосты / князь бога Велес там добрит / и строить капище велит (Гапеев 2019).

Как справедливо указывают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, «характер коммуникации — двойственный, одновременно индивидуальный и общественный: сообщение — это индивидуальное сочетание социальных средств выражения (слов), поэтому общественный аспект ком-

муникации надо видеть в используемых словах, а ее индивидуальный аспект — в неповторимом сочетании этих слов» (Верещагин, Костомаров 2005, 139). Специфика восприятия природной среды региональными авторами хорошо просматривается сквозь призму ассоциаций. В качестве слов-стимулов нами были взяты названия городов Брестчины, представленных в качестве топонимических доминант в заголовочных комплексах, — Кобрин, Каменец, Брест, Пинск, Столин, Береза. Так в региональной поэзии Каменец ассоциируется с признаками «цудоўны», «родной», «любимый», «обожает всеми», «чистый», «опрятный», «прекрасный», «крэўны», «милый», оценочными словами «радость», «отрада», «прыгажосць», «гордость», «рай» и др. Национально-культурная специфика Каменца у поэтов представлена в перифразах «сталіца пушчы Белавежскай», «Буга прыстаніще», «град у Беловежыя» (Радасць мая адвечная — Камянецкая старана 2015).

Кобрин поэтами осознается прежде всего как «славный», «древний и молодой», «прыгожы», «чысты і ішчаслівы», «величественный и неповторимый», а на слово стимул *город* получены реакции «столица ярмарки», «родны кут», «лакомый кусок», «спокойный светлый уголок», «край задуменной бярозы, каліны», «край срэбразвонных крыніц», «край, дзе мова матулі гучыць дзіўнай песняй», «Бреста младший брат»; «город-юбиляр» (Курачук 2019).

Пинск представляется как «Палесся сталіца», «дом над Пиной», «старажытны», «беласценны», «чудесный», «древний», «наша слава и гордость», «город с полесским акцентом», который «зіхаціць вясёлкаю ўначы» и в котором «раніца фарбамі зьяе» (Пинск в поэзии 2019).

Беловежская пуца является неотъемлемой частью жителей региона: Беловежская пуца вызвала реакции «древний сказочный край, нам былины поющий», «сказочный лес», «Беловежская пуца — сказки Пушкина», «заповедный напев, заповедная даль», «Пушча — смарагд у зялёным вянку нашага роднага мірнага краю», «неразгаданных снов, грусти вечный приют, заколыханных слов колыбельная гуца», «нетронутый, девственный мир», «чудо» (Дудзюк 2005; Радасць мая адвечная — Камянецкая старана 2015).

Языковой материал наглядно демонстрирует желание авторов раскрыть образ природы посредством ассоциаций из деревенского быта. Отметим, что при этом часто средствами лексической репрезентации концепта могут выступать не только отдельные лексические единицы, но и лексические блоки целого текста, где

ключевой концепт получает многоаспектную конкретизацию в лексической структуре произведения «Вёска майго дзяцінства Вялікія Косічы» (Гордиенко 2020):

*Невялічкая вёска ляжыць каля Брэста.
Тут дзяцінства майго праляцелі гады.
Я не ведаю, дзе яшчэ ёсць лепей месца?
Кожны раз я ў думках вяртаюсь сюды.*

*Тут вадзіца смачнейшая: п'еш — не нап'ешся,
І блакітней тут неба, і кветкі цвітуць.
Азірнешся вакол — і сабе паклянешся,
Што вярнешся сюды, тут твой першы маршрут.*

*Выйду у поле — кругом каласістае жыта.
Васількоў і рамонкаў букет набяру.
Успамінаецца ўсё, што было перажыта,
Тут сцяжынка праходзіць, што вучыць дабру.*

*Тут зямелька цяплей, птушкі лепей спяваюць,
А сцяжынкi дзяцінства, на жаль, зараслі.
Пакланюся я людзям, што нас сустракаюць,
Пакланюся я вёсцы да самай зямлі.*

Как видно из приведенного примера, тема поэтического произведения и его ключевой концепт заданы названием «Вёска майго дзяцінства Вялікія Косічы». Ассоциативно-смысловое развертывание в тексте характеризуется радиальным типом. Многочисленные слова-реакции на одно ключевое словосочетание-стимул *вёска майго дзяцінства* как «веер» расходятся по тексту и порождают новые ассоциаты, определенные микросмыслы, значимые для формирования в сознании читателя общего эстетического смысла текста. В анализируемом стихотворении его можно определить как место, где *зямелька цяплей, птушкі лепей спяваюць, сцяжынкi праходзіць, што вучыць дабру; вадзіца смачнейшая: п'еш — не нап'ешся, блакітней тут неба, і кветкі цвітуць; дзяцінства майго праляцелі гады*.

У каждого человека своя «дверь в мир», т. е. орган чувств, которому он доверяет больше всего. У некоторых поэтов Брестчины на первый план выходит зрение, они по преимуществу хранят мир в картинках, поэтому при описании малой родины в их поэтическом языке доминирует лексика, обозначающая зрительное восприятие.

Цветовое значение в стихотворениях региональных авторов выражается эксплицитно и имплицитно (Дудзюк 2005; Радасць мая адвечная — Камянецкая старана 2015; Курачук 2019). Анализ поэтических текстов позволил выделить

лексемы синий и белый как наиболее частотные. Они активно реализуются в качестве репрезентантов цветовых ощущений, соотношенных с природой Брестчины: ее небом («а на рассвете небо **синеоокое** все пьет тумана нежного коктейль», «гляжу в **голубую** высь — аист мирно парит над Полесьем», «над **пранізіва-сінім**, вячыстым валошковым небам; водными поверхностями («**Мухавец срабрыста-сіні**, Буг, як сталь, **сівы**»), деревьями («и вновь расцветают каштаны весной, прекрасен и нежен их **белый** наряд», «в аллеях и парках, над Бугом-рекою, словно невесты стоят», «блукаю **белым** маем я з каштанам», «сирень вскипает **белопенная**», «все в **белизне** лишь пылает рябина цветом рубина над властью снегов»).

Второй наиболее частотной лексемой является прилагательное зеленый во всем многообразии оттенков: «на **зялёным** узгор'і Прыбужжа, ля пушчанскіх **зялёных** застаў», «лес **вітае зялёнай** каймой», «ты в **зелени** купаешься, любимый город мой, каштановыми свечками затеплишься весной», «белоствольная статя в **изумрудном** свеченье!», «**изумрудный** рай», «**малахитовые** сосны», «**зелень** вечных лесов», «**сочная зеленая** листва».

В анализируемых произведениях при описании Беловежской пуши доминируют красный и желтый цвета. Превалирование колоритных обозначений красного цвета не только реализует изобразительную функцию, но и добавляет стилистическую оценку: «мне осень голову вскружила дразнящей **жгучей** красотой», «**иуницовые** гроздьа рябины», «по **красной**, бархатной дорожке вхожу в осенний, тихий лес», «**рябин** высокие **костры**».

Оттенки желтого цвета в ряде случаев выступают в функции изобразительных эпитетов: «каймай **золотой** оторочен березовый лес над рекой», «любуюсь красой **златокудрой** березы», «эта осень **золотая** опьянила разум мой!», «под **медовой** листвой», «**золотая** осень», «облекся в **бронзу** старый дуб», «кругом березы **золотые**», «я чувствую дерзкую, **рыжую** осень».

В творчестве некоторых региональных авторов доминируют вкусовые и запаховые ощущения. Запах, будучи категорией психофизиологической, апеллирует к подсознанию и вызывает у человека цепь связанных воспоминаний, что в процессе создания поэтического текста позволяет автору отобразить оценочные реакции на воспринимаемый объект действительности: «**аромат красных роз** и **тюльпанов** ветер с Буга разносит окрест, я люблю тебя, город каштанов, мой любимый и ласковый Брест» (А. Абрест), «ад водару

п'яного белай вішні» (Н. Момлік), «наветра мядовасці весняй агучыў сасновой струной (К. Камейша), «у наветры песні птушак / І мядовы водар ліпы» (А. Багдановіч), «ці наталюся водарам цвіцення / Сярод шчасліва сціманых нябес?» (Н. Момлік) (Курачук 2019).

О важности акустической перцепции для ряда региональных авторов говорит частотность употребления слов с акустической семантикой, обозначающих процесс слухового восприятия (слушаю, слышу и т. п.), осуществление звукового действия (петь, шепчутся), результат звукового действия (звуки, зов), инструмент/средство для произведения звуков (клавишы, струны). Воспринимая окружающий мир аудиально, поэты стараются передать звуки природы, создать некий перцептивный образ малой родины: «І насустрач з дрымуцае / пушчы мне / Роднай **песняй** Лясная ідзе» (В. Жуковіч); «У пушчанскай старонцы маёй / сосны — быццам бы струны магутныя, / што злучылі нябёсы з зямлёй / і жывуць іх **адвечнымі гукамі**. / У пушчанскай маёй старане / Лад бяроз — бы магутныя клавишы, / Толькі вецер іх вольны кране — льецца **музыка**, свет белы славячы» (В. Жуковіч); «Люблю березовые рошчы и **птичий гомон** в них, / Люблю я слушать **шелест листьев**, дыханье затаив» (Н. Галаванова); «І роднае мовы пачуць **кожны гук**. / І зліцца з **напевам калосся** ў полі, / З **песняй дубровы** і белых бяроз, / Паслухаць **гамонку вярбы** і **таполі**» (Л. Глушко); «Паслухаць апоўдні **жаўранкаў песню**, / Калі лён блакітам у полі цвіце. / Як **песні гучаць над любімым Палессем**, / Як **радасць сыходзіць працоўных людзей**. / І хочацца мне заспяваць на прыволлі / **Матчыну песню аб роднай зямлі**» (Л. Глушко); «Мне ўсе тут роднае, як маці: **Спеў птушак, пеўнік галасісты**, / Узлет буслоў над сенажацію / І так духмяны сад **квяцісты**» (М. Ігнацюк) (Радасць мая адвечная — Камянецкая старана 2015; Курачук 2019).

Изучение поэтических текстов региональных авторов показало, что через значительное количество произведений красной нитью проходит **звуковая метафора**. В ряде стихотворений метафоризация основных акустических параметров — *тихий/громкий* — демонстрирует связь слухового перцептивного модуса с системой «физические действия и деятельность». Так, в стихотворении «Деревня» Н. Момлик (Момлик 2019) признак *громкий* переосмысливается как «что-то динамичное, бодрое». Низкий уровень интенсивности акустических характеристик ассоциируется с замедленным прояв-

лением эмоциональных реакций, создавая образ спокойствия, сна, тишины:

*Здесь пахнет свежескошенной травой
Умытое, сияющее утро,
Где **разнотравье** блестяет чистотой
И каждая **росинка** в перламутре.*

*А вдоль **дороги** бродят васильки,
Необозримо нива колосится,
И на лугу **раздольном** у **реки**
Разбросаны ромашковые ситицы.*

*Вечернею порою, не спеша,
Пройдусь тропой, вдохну душистой мяты.
Моя деревня, как **ты хороша**
В необъяснимом **трепете** заката!*

*Стоит деревня, в сон погружена...
Пусть **отдохнут** натруженные руки.
Кольшет сон ночная тишина:
Ни **шороха** не слышится, ни звука.*

В стихотворении «Кобрынское лето» Л. Валасюка (Валасюк 2019, 16–17) звуковая метафора реализуется с помощью набора фонетических приемов: ассонанса (повторение гласных *о* и *а*) *Лета бабіна ў Кобрин. / Прыляцела зранку ... / Не паспеў вады напіцца / Я на родным ганку. / Пырснула ў вочы* / и консонанса (повторение согласного «з») / *З сонечнай крыніцы, Збегла з цемнай ночы / Да маей сталіцы. / Белым павуціннем / Заплялося ў косы, / Залацістым сэрцам / Заблішчэла ў росах*. В пейзажной зарисовке главную смысловую и эмоциональную нагрузку несут фонетически маркированные существительные (*лета бабіна, вочы, ночы, косы, росы*), прилагательные (*родны, сонечны*) и глаголы (*збегла, заплялося, заблішчэла*).

Для усиления слухового восприятия и образности поэты часто вводят в текст созвучные названию лексические единицы. В результате создается эффект «звукового эха». Использование такого приема фоники придает мелодичность всему поэтическому тексту: 1) *ДЗІВІН — Пра Дзівін, пра дзіўнае дзіва на свеце сёння мы будзем Вам песні спяваць* (Ю. Піваварова); 2) *ПОД СЕНЬЮ КОБРИНСКИХ БЕРЕЗ — Под сенью кобринских берез так дышитя легко, свободно! Здысь Мухавец сродь пышных лоз стремитя к Бугу полноводно* (В. Літошык) (Курачук 2019); 3) *Камянец ты мой, Камянец, Белай вежы зубчасты вянец* (Н. Гарагляд) (Радасць мая адвечная — Камянецкая старана 2015). Как видно из приведенных примеров, звук

у региональных поэтов — важнейший строительный материал для создания перцептивного образа малой родины.

Топонимические микроконцепты реализуются и в *синестезийных метафорах*. Сенсорная оценка звучания сочетается с цветовой гаммой и звукописью, образуя цельный образ природы. Прекрасной иллюстрацией метафоры данного типа может служить фрагмент стихотворения «Кобрынскі вальс» Л. Глушко (Глушко 2019): *Золатам ззяюць Мухаўца хвалі, / Месяц у танец усе зоркі сабраў. / Пойдзем і мы ў гэты танец цудоўны, / Кобрынскі вальс наш аркестр заіграў. / Музыка льецца над Кобрынам родным, / Песня ляціць і ляціць удалячынь. / Танцуе ў парку сувораўскім горад / Кобрынскі вальс уначы.*

Время — это одна из важных категорий бытия человека. Региональные поэты через систему темпоральных маркеров все время поддерживают интерес к происходящим на Брестчине событиям. Стремясь оценить процессы и явления, наблюдаемые в современной действительности, авторы в своих произведениях обращаются к значимым историческим моментам. Одним из таких ключевых событий стало в 2019 г. празднование 1000-летия города Бреста. Осмысление поэтами поступающей в региональных СМИ информации в период подготовки празднования (2009–2019 гг.), мысленное конструирование предстоящих событий и явлений привели к появлению ряда новых поэтических образов Брестчины: Е. Фризен «*Бресту 1000 лет!*» (Фризен 2019), А. И. Васюкевич «*Посвящается тысячелетию Бреста*» (Васюкевич 2019), А. Гапеев «*1000 строк о Бресте*» (Гапеев 2019).

Особо следует выделить образы ретроспективного плана, которые представляют своего рода «путешествие» из прошлого в настоящее с маркировкой значимых исторических событий: «*Паміж ягіпедскіх пяскоў / Ужо як тысячу гадоў / Вазнік старэйшы горад Брэст / Я сам цяпер с тутэйшых мест*»; «*В болоте тропки с бересты / Объединялись там в мосты / Князь бога Велес там добрит / И строить капище велит*» (Гапеев 2019); «*Брест, Брест-Литовск, Берестье / Тебе целых 1000 лет! / Ты вырос в красивейшем месте / Прекраснее города нет!*» (Фризен 2019); «*Получил Магдебургское право, / Герб, достойный великих людей*» (Васюкевич 2019); «*И солдатскою кровью навечно / Крепость Брестская обогрета*» (Фурсова-Павловец 2019); «*как Брест простился с берестой век на пороге цифровой. / И сменил цифры город Брест. В нулях и единицах жест. Толчок даст новый цифровой*»; «*Брест сейчас преобразился и к юбилею изменился*»; «*как город рос, как развивался, веками город наш старался*» (Гапеев 2019).

Таким образом, можно с уверенностью говорить, что, конструируя окружающий мир в своем сознании, представители регионально-го социума интерпретируют как сам этот мир в его многообразии объектов, событий и их характеристик, так и знания о мире в контексте личного языкового и неязыкового опыта взаимодействия с ним. В процессе этого конструирования они опираются на общие, коллективные, и частные, индивидуальные, когнитивные схемы языковой интерпретации в виде структуры концептуально-тематических областей.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о том, что концепт РОДИНА является одним из центральных лингвокультурологических концептов региональной концептосферы, объективируемым в родном языке обширным и хорошо структурированным лексико-фразеологическим полем, а также многочисленными перцептивными лексическими единицами, что свидетельствует о его коммуникативной релевантности для белорусского языкового сознания.

Концепт РОДИНА имеет полевою структуру. Ядро концепта базируется на основном, первичном словарном значении лексемы РОДИНА; приядерная зона представлена особым смысловым полем, своего рода мозаичным полотном региональных топонимических доминант. Ближнюю периферию исследуемого концепта составляют абстрактные перцептивные слои «цвет», «запах», «слух–звук», раскрывающие зрительно-цветовые, объемные, пространственные, звуковые, вкусовые и другие представления об описываемом объекте.

Перспективы настоящего исследования видятся в изучении и сравнении концепта РОДИНА на материале различных контекстов для выявления их дискурсивной специфики. Это позволит выявить смысловые доминанты, закрепленные в различных видах дискурсивных практик. В качестве перспективы также видится изучение семиотической реализации концепта РОДИНА в мультимодальном медийном пространстве, так как в современном мире передача и восприятие информации происходят посредством различных систем и каналов, способных порождать значения и взаимодействовать одновременно.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Источники

- Васюкевич, А. И. (2019) *Посвящение тысячелетию Бреста*. [Электронный ресурс]. URL: <https://gcbs-brest.by/vasyukevich-a.i.-posvyacshaetsya-tysyacheletiyu-bresta> (дата обращения 01.02.2022).
- Вагер, З. (2004) *Бераг жураўліны: вершы: паэма*. Пинск: Пінскі веснік, 303 с.
- Валасюк, Л. (2019) Кобрынская лета. В кн.: С. Д. Курачук (сост.). *Свой родны край у вершах славім: зборнік вершаў і песень*. Кобрин: [б. и.], с. 16–17.
- Глушко, Л. (2019) Кобрынскі вальс. В кн.: С. Д. Курачук (сост.). *Свой родны край у вершах славім: зборнік вершаў і песень*. Кобрин: [б. и.], с. 34.
- Гордиенко, В. Г. (2020) Вёска майго дзяцінства Вялікія Косічы. *Літаратурная візитка Брест*. [Электронный ресурс]. URL: <https://author.gcbs-brest.by/гордиенко-валентина/> (дата обращения 01.02.2022).
- Дудзюк, З. (сост.). (2005) *Песні Белавежы*. Минск: Мастацкая літаратура, 310 с.
- Гапеев, А. (2019) 1000 строк о Бресте. *Стихи.ру*. [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2019/09/03/2149> (дата обращения 01.02.2022).
- Гришковец, В. (2020) Гимн города Пинск. *Стихи о Пинске. Стихи, картинки и любовь*. [Электронный ресурс]. URL: <https://chto-takoe-lyubov.net/stikhi-o-pinske/> (дата обращения 01.02.2022).
- Курачук, С. Д. (сост.). (2019) *Свой родны край у вершах славім: зборнік вершаў і песень*. Кобрин: [б. и.], 224 с.
- Лис, Г. И. (2021) Малюю. *Літаратурная візитка Брест*. [Электронный ресурс]. URL: <https://author.gcbs-brest.by/лис-галина/> (дата обращения 01.02.2022).
- Момлик, Н. (2021) Деревня. *Літаратурная візитка Брест*. [Электронный ресурс]. URL: <https://author.gcbs-brest.by/момлик-надежда/> (дата обращения 01.02.2022).
- Пинск в поэзии. (2019) *Творческое объединение «Мой край»*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pinskptklp.brest.by/rodina/pinskp.html> (дата обращения 01.02.2022).
- Табольчык, Л. М. (склад.). (2015) *Радасць мая адвечная — Камянецкая старана: зборнік вершаў*. Каменец: Камянецкая ЦРБ імя У. Ігнатоўскага, 74 с.
- Томашевич, Г. С. (2019) Прыгажосць Брэстчыны. *Брестская центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина*. [Электронный ресурс]. URL: <https://gcbs-brest.by/tomashevich-georg-j.-pryghazhosc-brestchynu> (дата обращения 01.02.2022).
- Фризен, Е. (2019) Бресту 1000 лет! *Стихи.ру*. [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2019/09/01/253> (дата обращения 01.02.2022).
- Фурсова-Павловец, Т. (2019) Тысячелетию Бреста посвящается. *Стихи.ру*. [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2019/09/01/8577> (дата обращения 01.02.2022).

Словари

- Даль, В. И. (2022) Толковый онлайн-словарь русского языка Даля В. И. *Лексикографический интернет-портал: онлайн словари русского языка*. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/dal/p/родина> (дата обращения 01.02.2022).
- Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. (2022) Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. *Лексикографический интернет-портал: онлайн словари русского языка*. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/p/родина> (дата обращения 01.02.2022).
- Степанов, Ю. С. (2004) *Константы: Словарь русской культуры*. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 992 с.
- Судник, М. Р., Кривко, М. Н. (2002) *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы*. 3-е выд. Минск: БелЭн, 784 с.
- Фасмер, М. (2022) Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. *Лексикографический интернет-портал: онлайн словари русского языка*. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/p/родина> (дата обращения 01.02.2022).

Литература

- Арутюнова, Н. Д. (1993) *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 896 с.
- Бабушкин, А. П. (1996) *Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка*. Воронеж: Изд-во ВГУ, 104 с.
- Баранов, А. Г. (1997) Семиологический подход к личности. В кн.: В. И. Карасик (ред.). *Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: Тезисы докладов научной конференции (Волгоград, 5–7 февраля 1997 г.)*. Волгоград: Перемена, с. 17–29.
- Беспамятнова, Г. Н. (1994) *Языковая личность телевизионного ведущего. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. Воронеж, Воронежский Государственный университет, 19 с.

- Болдырев, Н. Н. (2014) *Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику*. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Р. Г. Державина, 236 с.
- Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. (2005) *Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы*. М.: Индрик, 1040 с.
- Воркачев, С. Г. (2001) Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. *Филологические науки*, № 1, с. 64–72.
- Воркачев, С. Г. (2008) *Идея патриотизма в русской лингвокультуре*. Волгоград: Парадигма, 200 с.
- Ейгер, Г. В., Рапопорт, И. А., Узилевский, Г. Я. (2004) *Языковые способности*. М.: Изд-во РГБ, 129 с.
- Каменская, О. Л. (1990) *Текст и коммуникация*. М.: Высшая школа, 151 с.
- Карасик, В. И. (2002) *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 477 с.
- Караулов, Ю. Н. (2010) *Русский язык и языковая личность*. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 264 с.
- Красных, В. В. (2003) «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 375 с.
- Лихачев, Д. С. (1993) Концептосфера русского языка. *Известия РАН. Серия литературы и языка*, т. 52, № 1, с. 3–9.
- Ляпон, М. В. (1995) Языковая личность: поиск доминанты. В кн.: Ю. С. Степанов (ред.). *Язык — система. Язык — текст. Язык — способность: К 60-летию члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова*. М.: Изд-во ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, с. 260–276.
- Маслова, В. А. (2008) *Когнитивная лингвистика*. 3-е изд., перераб. и доп. Минск: ТетраСистемс, 272 с.
- Маслова, В. А. (2011) *Национальный характер сквозь призму языка*. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 76 с.
- Нерознак, В. П. (1996) Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины. В кн.: В. П. Нерознак (ред.). *Язык. Поэтика. Перевод*. М.: Изд-во МГЛУ, с. 112–116.
- Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2007) *Семантико-когнитивный анализ языка*. 2-е изд., перераб. и доп. Воронеж: Истоки, 250 с.
- Сиротинина, О. Б. (1998) Социолингвистический фактор в становлении языковой личности. В кн.: В. И. Карасик (ред.). *Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты*. Волгоград; Саратов: Перемена СГУ, с. 3–14.
- Слышкин, Г. Г. (2004) *Лингвокультурные концепты и метаконцепты*. Волгоград: Перемена, 339 с.
- Шахнарвич, А. М. (1995) Языковая личность и языковая способность. В кн.: Ю. С. Степанов (ред.). *Язык — система. Язык — текст. Язык — способность: К 60-летию члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова*. М.: Изд-во ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, с. 213–223.

Sources

- Baranov, A. G. (1997) Semiologicheskij podkhod k lichnosti [Semiological approach to personality]. In: V. I. Karasik (ed.). *Yazykovaya lichnost': problemy oboznacheniya i ponimaniya: Tezisy dokladov nauchnoj konferentsii (Vologograd, 5–7 fevralya 1997 g.) [Linguistic personality: Problems of designation and understanding: Abstracts of the scientific conference (Vologograd, February 5–7, 1997)]*. Vologograd: Peremena Publ., pp. 17–29. (In Russian)
- Bespamyatnova, G. N. (1994) *Yazykovaya lichnost' televizionnogo vedushhego [The linguistic personality of a television presenter]. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology)*. Voronezh, Voronezh State University, 19 p. (In Russian)
- Dudzyuk, Z. (comp.). (2005) *Pjesni Bjelavjezhy [Songs of Belavezha]*. Minsk: Mastackaja litaratura Publ., 310 p. (In Belarusian)
- Frizen, E. (2019) Brestu 1000 let! [Brest is 1000 years old!]. *Stikhi.ru*. [Online]. Available at: <https://stikhi.ru/2019/09/01/253> (accessed 01.02.2022). (In Russian)
- Fursova-Pavlovets, T. (2019) Tysyacheletiyu Bresta posvyashchaetsya [Dedicated to the Millennium of Brest]. *Stikhi.ru*. [Online]. Available at: <https://stikhi.ru/2019/09/01/8577> (accessed 01.02.2022). (In Russian)
- Gapeev, A. (2019) 1000 strok o Breste [1000 lines about Brest]. *Stikhi.ru*. [Online]. Available at: <https://stikhi.ru/2019/09/03/2149> (accessed 01.02.2022). (In Russian)
- Glushko, L. (2019) Kobrynski val's [Kobrin waltz]. In: S. D. Kurachuk (comp.). *Svoj rodny kraj u vjershah slavim: zbornik vjershah i pjesen' [We glorify our native land in poems: A collection of poems and songs]*. Kobrin: [s. n.], p. 34. (In Belarusian)
- Gordienko, V. G. (2020) Veska majgo dzyatsinstva Vyalikiya Kosichy [The village of my childhood Bolshie Kosichi]. *Literaturnaya vizitka Brest [Brest literary business card]*. [Online]. Available at: <https://author.gcbs-brest.by/gordienko-valentina/> (accessed 01.02.2022). (In Belarusian)
- Grishkovets, V. (2020) Gimn goroda Pinsk [Anthem of the city of Pinsk]. *Stikhi o Pinske. Stikhi, kartinki i lyubov' [Poems about Pinsk. Poems, pictures and love]*. [Online]. Available at: <https://chto-takoe-lyubov.net/stikhi-o-pinske/> (accessed 01.02.2022). (In Russian)
- Kamenskaya, O. L. (1990) *Tekst i kommunikatsiya [Text and communication]*. Moscow: Higher School Publ., 151 p. (In Russian)

- Kurachuk, S. D. (comp.). (2019) *Svoj rodny kraj u vershakh slavim: zbornik vershaŭ i pesen'* [We glorify our native land in poems: A collection of poems and songs]. Kobrin: [s. n.], 224 p. (In Belarusian)
- Lis, G. I. (2021) Malyuyu [I draw]. *Literaturnaya vizitka Brest* [Brest literary business card]. [Online]. Available at: <https://author.gcbs-brest.by/lis-galina/> (accessed 01.02.2022). (In Belarusian)
- Lyapon, M. V. (1995) Yazykovaya lichnost': poisk dominanty [Linguistic personality: The search for a dominant]. In: Yu. S. Stepanov (ed.). *Yazyk — sistema. Yazyk — tekst. Yazyk — sposobnost': K 60-letiyu chlena-korrespondenta RAN Yu. N. Karaulova* [Language—system. Language—text. Language—ability: For the 60th anniversary of corresponding member of the Russian Academy of Sciences Yu. N. Karaulova]. Moscow: V. V. Vinogradov Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 260–276. (In Russian)
- Momlik, N. (2021) Derevnja [Village]. *Literaturnaya vizitka Brest* [Brest literary business card]. [Online]. Available at: <https://author.gcbs-brest.by/momlik-nadezhda/> (accessed 01.02.2022). (In Russian)
- Neroznak, V. P. (1996) Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny [Linguistic personology: Towards determining the status of a discipline]. In: V. P. Neroznak (ed.). *Yazyk. Poetika. Perevod* [Language. Poetics. Translation]. Moscow: Moscow State Linguistic University Publ., pp. 112–116. (In Russian)
- Pinsk v poezii [Pinsk in poetry]. (2019) *Tvorcheskoe ob'edinenie "Moj kraj"*. [Online]. Available at: <http://www.pinskptklp.brest.by/rodina/pinskp.html> (accessed 01.02.2022). (In Belarusian)
- Shakharovich, A. M. (1995) Yazykovaya lichnost' i yazykovaya sposobnost' [Linguistic personality and linguistic ability]. In: Yu. S. Stepanov (ed.). *Yazyk — sistema. Yazyk — tekst. Yazyk — sposobnost': K 60-letiyu chlena-korrespondenta RAN Yu. N. Karaulova* [Language—system. Language—text. Language—ability: For the 60th anniversary of corresponding member of the Russian Academy of Sciences Yu. N. Karaulova]. Moscow: V. V. Vinogradov Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 213–223. (In Russian)
- Sirotinina, O. B. (1998) Sotsiolingvisticheskij faktor v stanovlenii yazykovoj lichnosti [Sociolinguistic factor in the formation of a linguistic personality]. In: V. I. Karasik (ed.). *Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty* [Linguistic personality: Sociolinguistic and emotive aspects]. Volgograd; Saratov: Peremena SSU Publ., pp. 3–14. (In Russian)
- Tabolchuk, L. M. (comp.). (2015) *Radasts' maya advechnaya — Kamyanetskaya starana: zbornik vershaŭ. [My eternal joy Kamenets side: A collection of songs]*. Kamenets: Kamenets Central Regional Library named after V. M. Ignatovsky Publ., 74 p. (In Belarusian)
- Tomashevich, G. S. (2019) Prygazhosts' Brestchyny [The beauty of the Brest region]. *Brestskaya tsentral'naya gorodskaya biblioteka im. A. S. Pushkina* [Brest Central City Library named after A. S. Pushkin]. [Online]. Available at: <https://gcbs-brest.by/tomashevich-georg-j.-prygazhosc-brestchyny> (accessed 01.02.2022). (In Belarusian)
- Vager, Z. (2004) *Berag zhuraŭliny: vershy: paema* [Crane Coast: Poems, poem]. Pinsk: Pinski vesnik Publ., 303 p. (In Belarusian)
- Valasyuk, L. (2019) Kobrynskaya ljeta [Kobrin summer]. In: Kurachuk, S. D. (comp.). *Svoj rodny kraj u vershakh slavim: zbornik vershaŭ i pesen'* [We glorify our native land in poems: A collection of poems and songs]. Kobrin: [s. n.], pp. 16–17. (In Belarusian)
- Vasyukevich, A. I. (2019) *Posvyashchenie tysyacheletiyu Bresta* [Dedication to the Millennium of Brest]. [Online]. Available at: <https://gcbs-brest.by/vasyukevich-a.i.-posvyacshaetsya-tysyacheletiyu-bresta> (accessed 01.02.2022). (In Russian)
- Yeiger, G. V., Rapoport, I. A., Uzilevskij, G. Ya. (2004) *Yazykovye sposobnosti* [Linguistic abilities]. Moscow: Russian State Library Publ., 129 p. (In Russian)

Dictionaries

- Dal, V. I. (2022) Tolkovyj onlajn-slovar' russkogo yazyka Dal'a V. I. [Explanatory online dictionary of the Russian language by V. I. Dal]. *Leksikograficheskij internet-portal: onlajn slovari russkogo yazyka* [Lexicographic Internet portal: Online dictionary of the Russian language]. [Online]. Available at: <https://lexicography.online/explanatory/dal/p/родина> (accessed 01.02.2022). (In Russian)
- Fasmer, M. (2022) Etimologicheskij onlajn-slovar' russkogo yazyka Maksa Fasmera [Etymological Online Dictionary of the Russian Language by Max Fasmer]. *Leksikograficheskij internet-portal: onlajn slovari russkogo yazyka* [Lexicographic Internet portal: Online dictionary of the Russian language]. [Online]. Available at: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/p/родина> (accessed 01.02.2022). (In Russian)
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (2022) Tolkovyj slovar' russkogo yazyka Ozhegova S. I. [The explanatory dictionary of the Russian Language by S. I. Ozhegov]. *Leksikograficheskij internet-portal: onlajn slovari russkogo yazyka* [Lexicographic Internet portal: Online dictionary of the Russian language]. [Online]. Available at: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/p/родина> (accessed 01.02.2022). (In Russian)
- Stepanov, Yu. S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd ed., rev. and exp. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 992 p. (In Russian)
- Sudnik, M. R., Krivko, M. N. (2002) *Tlumachal'ny sloŭnik belaruskaj litaraturnaj movy* [Explanatory Dictionary of the Belarusian Literary Language]. 3rd ed. Minsk: BelEn Publ., 784 p. (In Belarusian)

References

- Arutyunova, N. D. (1993) *Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]*. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 896 p. (In Russian)
- Babushkin, A. P. (1996) *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike yazyka [Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of the language]*. Voronezh: Voronezh State University Publ., 104 p. (In Russian)
- Boldyrev, N. N. (2014) *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnyu lingvistiku [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics]*. Tambov: Tambov State University named after Derzhavin Publ., 236 p. (In Russian)
- Karasik, V. I. (2002) *Yazykovoj krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: Personality, concepts, discourse]*. Volgograd: Peremena Publ., 477 p. (In Russian)
- Karaulov, Yu. N. (2010) *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and language personality]*. 7th ed. Moscow: LKI Publ., 264 p. (In Russian)
- Krasnykh, V. V. (2003) "Svoj" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? ["Own" among "strangers": Myth or reality?]. Moscow: Gnosis Publ., 375 p. (In Russian)
- Likhachev, D. S. (1993) Kontseptosfera russkogo yazyka [Conceptosphere of the Russian language]. *Izvestiya RAN. Seriya Literatury i yazyka — The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, vol. 52, no. 1, pp. 3–9. (In Russian)
- Maslova, V. A. (2008) *Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]*. 3rd ed., rev. and exp. Minsk: TetraSystems Publ., 272 p. (In Russian)
- Maslova, V. A. (2011) *Natsional'nyj kharakter skvoz' prizmu yazyka [National character through the prism of language]*. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov Publ., 76 p. (In Russian)
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007) *Semantiko-kognitivnyj analiz yazyka [Semantic-cognitive analysis of language]*. 2nd ed., rev. and exp. Voronezh: Istoki Publ., 250 p. (In Russian)
- Slyshkin, G. G. (2004) *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty [Linguistic and cultural concepts and meta-concepts]*. Volgograd: Peremena Publ., 339 p. (In Russian)
- Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (2005) *Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, rechepovedencheskikh taktik i sapientemy [Language and culture. Three linguocultural concepts: Lexical background, speech-behavioral tactics and sapienteme]*. Moscow: Indrik Publ., 1040 p. (In Russian)
- Vorkachev, S. G. (2001) Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoj paradigmy v yazykoznanii [Linguoculturology, linguistic personality, concept: The formation of an anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskie nauki — Philological Sciences*, no. 1, pp. 64–72. (In Russian)
- Vorkachev, S. G. (2008) *Ideya patriotizma v russkoj lingvokul'ture [The idea of patriotism in Russian linguistic culture]*. Volgograd: Paradigma Publ., 200 p. (In Russian)